
В ПОИСКАХ ПРАВОСУДИЯ

АРЕСТ АКТИВОВ

История о грязных деньгах
и путях их отмывания,
убийстве и борьбе
с Путиным

БИЛЛ БРАУДЕР

LAURUS

Bill Browder

FREEZING ORDER

*A true story of money laundering,
murder, and surviving
Vladimir Putin's wrath*

LONDON • 2022

Билл Браудер

В ПОИСКАХ ПРАВОСУДИЯ

АРЕСТ АКТИВОВ

*История о грязных деньгах
и путях их отмывания,
убийстве и борьбе с Путиным*

Перевод с английского
Ивана Черкасова

LAURUS
КИЕВ • 2022

Перевод с английского Ивана Черкасова

Браудер Билл

В поисках правосудия: Арест активов : Правдивая история о грязных деньгах и путях их отмыwania, убийстве и борьбе с Путиным. — Киев : Лаурус, 2022. — 416 с.

ISBN 978-617-8209-03-2

Бестселлер «**В поисках правосудия: Арест активов**» наглядно показывает, как путинская коррупция и жажда власти стала причиной вмешательства России в президентские выборы в США в 2016 году и войны против Украины.

Другие книги издательства «Лаурус»: www.laurus.ua

Все права защищены. Воспроизводить какую-либо часть этого издания в какой-либо форме и каким-либо способом без письменного разрешения правообладателя запрещено.

© Hermitage Media Limited 2022

© Издательство «Лаурус» 2022

ISBN 978-617-8209-03-2 (русское издание)

ISBN 978-617-8209-04-9 (ebook)

Подписано в печать 25.07.2022. Формат 70 × 100/16.

Гарнитурa Lora, Montserrat. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз.

Издательство «Laurus». Свидетельство ДК № 4240 от 23.12.2011

www.laurus.ua. laurus.info@yahoo.com

Телефон/факс: +380 (44) 234-16-30. Facebook: laurus

Отпечатано в типографии

SIA PNB Print, Латвия

www.pnbprint.eu

Билл Браудер — автор бестселлера

«КРАСНЫЙ ЦИРКУЛЯР»

www.billbrowder.com/red-notice

Посвящается моей жене и детям, которые были рядом,
поддерживали и любили, переживая со мной события,
описываемые в этой книге. Я знаю, как это было нелегко,
и бесконечно благодарен всем и каждому из вас.

От автора

Всё в этой книге — правда. Но она наверняка расстроит некоторых влиятельных и опасных лиц. Поэтому, чтобы уберечь многих честных людей от произвола, ряд имен и названий изменен.

Арест активов (или наложение ареста на имущество) — мера процессуального принуждения, которая состоит в запрете собственнику или владельцу имущества распоряжаться или пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Оглавление

Вступление	11
1 Арест в Мадриде	13
2 Флейта	27
3 Джон Москоу	34
4 Следы на снегу.	43
5 Дорожная карта	52
6 Финросфорум	60
7 Кембриджский симпозиум по противодействию преступности	68
8 «Вешай» всё на мертвецов.	74
9 Швейцарская жалоба	81
10 Александр Перепиличный.	92
11 Любовная западня	100
12 Молдовский файл	113
13 Гостиница «Ле Бристоль» (Париж)	119
14 Нью-йоркский «хвост».	122
15 Южный округ Нью-Йорка	129
16 Возвращение Джона Москоу	137
17 Засада в Аспене	147
18 Судья Гриеса	158
19 «Ежедневное шоу».	168
20 Борис Немцов	182
21 Стрела в шее	194

22	Владимир Кара-Мурза	208
23	Диппочта	217
24	Фабрика ядов КГБ	227
25	Чайка	240
26	Мандамус	247
27	Виолончелист	255
28	Кремлевская деза	266
29	Победа Магнитского	277
30	Охота на кротов	283
31	Иноагенты (Закон ФАРА)	295
32	Досье Стила	304
33	Дело Хлебникова	313
34	Сенатор Грассли	327
35	В Башне Трампа	333
36	Судебный комитет Сената	342
37	Международный доступ	353
38	«Данске банк»	360
39	«Потрясающее предложение»	367
40	98 : 0	376
41	234 миллиарда долларов	385
	Эпилог	393
	От всего сердца	404
	Об авторе	413
	Ссылки и юридические документы	414

Вступление

Трудно найти более неуместное и одновременно более подходящее время для выхода на русском языке этой книги, продолжающей повествование о перипетиях борьбы за справедливость для Сергея Магнитского — отважного юриста, бросившего вызов многоголовой гидре российской коррупции. Сергея убили в московской тюрьме, где сначала его держали как заложника спецслужбы, прикрывавшие перекачивание из государственного бюджета в теневой бюджет Путина десятков миллиардов долларов.

Сегодня мы понимаем, почему это было так важно для них: потому что в том числе и на эти деньги ведется страшная война в Украине и проводятся тайные операции ГРУ и ФСБ по всему миру, не говоря уже о банальном воровстве. По большому счету, Сергей Магнитский своим расследованием пытался воспрепятствовать этому, за что и заплатил столь высокую цену.

Почему сегодня, когда в результате развязанной Путиным в Украине войны льются реки крови, гибнут тысячи ни в чем не повинных людей, история Магнитского по-прежнему важна?

Может быть, потому, что это — «полигон», на котором Кремль отработывал методы и подходы, которые со временем позволили начать войну против народа Украины и народов Европы. На Магнитском была в совершенстве отработана тактика захвата заложников как метода давления. Причем заложником стал не только он сам, но и тысячи российских детишек-сирот — им отказали в праве на будущее в отместку за принятые в США санкции в отношении тех, кто был причастен к воровству бюджетных денег, пыткам и гибели Сергея. Изуверским законом Кремль отказал им в праве на усыновление иностранцами.

На Магнитском отрабатывались технологии «большой лжи», когда для сокрытия следов преступления Кремль создавал целую параллельную реальность, в которой жертва становилась преступником, а преступник — жертвой. Много позже мы увидели, как это работало, в деле со сбитом над Донбассом гражданским самолетом, в делах отравления Скрипалей в Англии, Алексея Навального и Владимира Кара-Мурзы в России. Но начиналось всё с постыдных посмертных процессов над Сергеем.

Но история Магнитского — это также «полигон» сопротивления лжи, насилию и коррупции. Это выстраивание нового механизма защиты путем ввода и применения санкций в отношении тех, кто нарушает права человека. Сегодня законы Магнитского работают во всем мире, даже против войны и военных преступников.

История дела Магнитского — это не только история потерь, но еще и история побед правды над ложью, права над силой, в том числе денег и международной коррупцией. Это история грандиозных провалов Кремля в его попытках одурачить мировое общественное мнение и расправиться с теми, кто борется за справедливость.

Эта новая книга, в первую очередь, именно об этом. Она должна вдохновить всех, кто ведет сегодня неравный бой с силами зла.

История дела Магнитского — это очень важный урок всем нам в эти тяжелые смутные времена. Урок этот состоит в том, что, если не остановить преступника у власти в самом начале его пути, он рано или поздно станет военным преступником, и тогда остановить его будет совсем трудно.

Я благодарю издательство «Лаурус», которое второй раз в невероятно сложных условиях помогает издать нам книгу на русском и украинском языках. Для меня особенно приятно и символично, что русское издание книги снова выходит в Украине. Выражаю признательность тем многим людям, которые сделали русское издание возможным в столь невероятно сжатые сроки.

С уважением,
Билл Браудер

Лондон, 30 июня 2022 года

Арест в Мадриде

Весна 2018 года

Конец весны в Мадриде выдался нетипично холодным. Я прилетел на встречу с Хосе Гриндой — одним из главных антикоррупционных прокуроров Испании, чтобы дать показания о том, как на грязные деньги, связанные с убийством моего юриста, Сергея Магнитского, скупается элитная недвижимость на испанском курорте Коста-дель-Соль. Встреча была запланирована на следующий день в 11, что по испанским меркам считается ранним утром.

Когда я вошел в отель, то заметил, как управляющий поспешил к стойке регистрации и отодвинул дежурного клерка. «Господин Браудер? — спросил он. Я кивнул. — Добрый вечер, добро пожаловать в „Гран-Хотел-Инглес“. У нас для вас сюрприз!»

Я часто останавливаюсь в отелях, и обычно всё обходится без сюрпризов. «Что, простите?» — спросил я. «Увидите. Позвольте, я вас провожу». Он хорошо говорил по-английски, но был приторно любезен: «Можно ваш паспорт и кредитную карту?» Я протянул. Отсканировав паспорт, он провел карточкой — черной «Американ Экспресс», которую я недавно получил как апгрейд — по кардридеру. Отдавал он мне ключ-карту от номера обеими руками, сложенными вместе на японский манер, выйдя из-за стойки. Указав в направлении лифта, он сказал: «После вас».

На последнем этаже двери открылись, и он снова позволил мне пройти вперед, но тут же обогнал и остановился у белой двери. Недолго повозившись, он открыл ее своим ключом, и я зашел. Это были президентские апартаменты. Уверен, что управляющий поселил меня здесь не потому, что знал, кто я, а благодаря моей новой черной карте «Американ Экспресс». Я никогда не понимал этой возни со статусом карточек, но теперь понял.

— Ого, — вырвалось у меня.

Я прошел через фойе в белоснежную гостиную, обставленную современной мебелью, подобранной со вкусом. На низком столике стояла корзина с испанским хамоном, сырами и фруктами.

Управляющий не унимался, рассказывая о том, какая честь для отеля принимать столь дорогого гостя. Но я сомневался, что он знал обо мне хоть что-то, кроме моей кредитки. Он ходил за мной по пятам в ожидании похвалы. В столовой был накрыт стол с выпечкой, шоколадом и шампанским на льду, дальше был читальный зал с небольшой частной библиотекой, потом комната отдыха со стеклянной барной стойкой, небольшой рабочий кабинет с приглушенным уютным светом и, наконец, спальня с отдельно стоящей ванной у высокого окна.

Я с трудом сдерживал улыбку. Конечно, мне ужасно понравились апартаменты — а кому бы они не понравились? — но я-то приехал в Мадрид в командировку на одну ночь. А таким количеством еды можно было бы накормить человек шесть. Более того, думаю, если бы управляющий знал, что цель моего визита — беседа с правоохранительными органами о российских бандитах, которые так часто останавливаются в подобных номерах, — он, наверное, был бы более сдержан в своем восторге. Но я был почти-телен, и когда тур был окончен и мы вернулись в фойе, я одобрительно кивнул: «Прекрасно, спасибо большое».

Как только он ушел, я позвонил своей жене — Елене, которая осталась дома, в Лондоне, с нашими четырьмя детишками. Я рассказал ей о номере, очень пышном и нелепом одновременно, и о том, как я бы хотел, чтобы она была сейчас рядом.

После переоделся в джинсы и легкий свитер и вышел погулять по вечернему Мадриду, мысленно готовясь к завтрашней встрече с прокурором. Естественно, я быстро потерялся в лабиринтах улиц старого города, поэтому обратно в гостиницу пришлось ехать на такси.

Следующее утро было ясным и солнечным, и, в отличие от предыдущего дня, было теплее. Около четверти девятого я проверил документы, захватил стопку визиток и собрался пойти позавтракать, но, открыв дверь, замер. Прямо предо мной стоял управляющий. Он уже поднял руку, чтобы постучать. С обеих сторон от него было по полицейскому. Нашивка на их отглаженных темно-синих рубашках гласила: POLICIA NACIONAL.

— Прошу прощения, господин Браудер, — произнес управляющий, глядя в пол, — но эти джентльмены хотят видеть ваши документы.

Я протянул свой британский паспорт тому, что повыше. Лица у обоих были каменные. Сравнив страницу с моими данными с бумажкой, которую держал в руке, он заговорил с управляющим на испанском, которым я не владею.

Управляющий объяснил: «Мне очень жаль, господин Браудер, но вам придется пройти с ними».

— Это еще зачем? — спросил я, смотря мимо него. Он повернулся к долговязому и затрепал что-то на своем. Полицейский уперся в меня взглядом и отчетливо произнес: «Интерпол. Раша».

Черт.

Русские тщетно пытались арестовать меня на протяжении последних лет, и вот это происходит.

Интересно, что выброс адреналина заставляет замечать незначительные вещи. Я обратил внимание на луч света, который вдруг погас в конце вестибюля, и на небольшое жирное пятно на лацкане управляющего. Я также обратил внимание и на то, что управляющий больше не выглядел сокрушающимся, а стал, наоборот, обеспокоенным. Было очевидно, что он переживал не за меня, а из-за президентских апартаментов, которые не сможет предложить новым постояльцам, пока там мои вещи. Он очень хотел поскорее от нас избавиться и, быстро переговорив с полицейскими, сказал: «Эти джентльмены разрешат вам собраться». Я поспешил в спальню через все комнаты номера, оставив полицейских дожидаться у входа. И вдруг меня осенило: я один, и у меня есть шанс. Если до этого я думал, что этот номер — излишество, то теперь я воспринял это как провидение. Я набрал супруге, но она не ответила.

Тогда я позвонил Руперту, моему испанскому адвокату, который помог организовать встречу с прокурором Гриндой. Тщетно!

Забрасывая вещи в чемодан, я вдруг вспомнил, что посоветовала мне жена после моего задержания в аэропорту Женевы в феврале. «Если это вновь произойдет, — говорила она, — и ты не сможешь ни до кого дозвониться — твитни об этом всему миру». Я начал пользоваться «Твиттером» пару лет назад, и в тот момент у меня было 135 тысяч подписчиков, многие из которых были журналистами, официальными лицами, политиками из разных стран. Я так и написал: *«СРОЧНО: только что арестован испанской полицией в Мадриде по запросу российского бюро Интерпола. Везут в полицейский участок»*.

Схватив чемодан, я вернулся к ждавшим меня полицейским. Я думал, что меня арестуют по всем правилам, но они вели себя не как копы в кино. Они не надели на меня

наручники, не обыскали и ничего не отобрали. Просто велели следовать за ними.

Не проронив ни слова, мы спустились вниз. Они стояли за моей спиной, пока я рассчитывался за номер. Гости отеля, проходившие мимо, таращились на меня.

Управляющий за стойкой нарушил молчание: «Господин Браудер, вы не хотите оставить чемодан у нас, пока вы будете разбираться с этими джентльменами в участке? Я уверен, это недоразумение очень быстро уладится».

Зная всё то, что я знал о Путине и России, я не был в этом уверен. «Спасибо, но я возьму его с собой», — ответил я.

Я развернулся к полицейским, которые тотчас зажали меня с двух сторон. На улице нас ожидал их маленький полицейский пежо. Пока один забрасывал мой чемодан в багажник, другой затолкал меня на заднее сиденье.

Дверь захлопнулась.

Заднее сиденье было из жесткого пластика, который используют для изготовления трибун на стадионах, а толстый плексиглас отделял меня от передних сидений. Ручек дверей и стеклоподъемников не было. В салоне пахло мочой и потом. Тот, что сел за руль, завел машину, а второй включил сирену и мигалку. Мы поехали.

Как только завывла сирена, меня стали одолевать мрачные мысли. А вдруг они не полицейские? Что, если они каким-то образом раздобыли форму и машину и только выдают себя за них? И что, если они везут меня не в участок, а на частный аэродром, чтобы на самолете отправить в Москву?

Это была не паранойя. Мне десятки раз угрожали убийством, а несколько лет назад правоохранительные органы США предупредили, что, по их информации, планировалось мое похищение.

Мое сердце билось в жутком ритме. Как же мне из этого выбраться? Я начал переживать, что никто не поверит мо-

ему твиту. Вдруг они подумают, что мою страничку хакнули и это просто розыгрыш?

Слава богу, полицейские — или те, кем они были на самом деле, — не отобрали у меня телефон. Я вытащил мобильник из пиджака и тайком сделал снимок через стекло, запечатлев затылки полицейских и их радио, установленное на передней панели. И тут же твитнул это фото, поставив телефон в беззвучный режим. Если до этого кто-то и сомневался в моем аресте, то теперь вряд ли.

Мой телефон молчал еще несколько секунд, но потом прорвало. Звонки один за другим стали поступать от журналистов разных изданий и станций, но я не мог на них ответить. А вот и долгожданный звонок от моего испанского адвоката. Я должен сообщить ему то, что произошло. Согнувшись в три погибели и прикрыв ладонью телефон, я прошептал: «Я арестован и нахожусь в полицейской машине». Тут полицейские услышали меня. Водитель ударил по тормозам и прижался к обочине. Оба выпрыгнули из машины. Долговязый распахнул дверь и вытащил меня из авто. Он раздраженно охлопал меня и отобрал два моих телефона.

— Ноуфоунс! — громко, как глухому, прокричал тот, что пониже. — Арест!

— Адвоката, — потребовал я.

— Ноуадвоката!

Долговязый опять затолкал меня в машину и с силой захлопнул дверь. Мы продолжили путь по улицам старого города.

«Ноуадвоката»? Что, черт побери, это значит? Это же страна Евросоюза, я был уверен, что мне положен адвокат. Я сканировал улицы, по которым мы ехали, в поисках полицейских участков, но их не было! Я пытался внушить себе, произнося как заклинание: «Меня не похитили. Меня не похитили. Меня не похитили». Но, конечно, именно так и происходят похищения.

Bill Browder ✓
@Billbrowder

In the back of the Spanish police car going to the station on the Russian arrest warrant. They won't tell me which station

8:36 am · 30 May 2018 · Twitter for iPhone

Мой твит от 30 мая 2018 года: «На заднем сидении испанской полицейской машины, арестован по запросу России. Мне не говорят, в какой участок везут» (© Bill Browder)

Сделав резкий разворот, мы неожиданно остановились за припаркованным грузовиком. В этот момент меня охватила паника. Я отчаянно искал выход, но не мог его найти. Из ближайшего здания вышел водитель грузовика и, увидев полицейскую машину с включенной мигалкой, поспешил освободить дорогу. Мы плутали по улочкам города еще пятнадцать минут. Наконец, подъехав к пустынной площади, машина замедлила ход. Остановились перед невзрачным офисным зданием. Вокруг не было ни души, а на

здании — ни одной таблички с указанием, что это полицейский участок. Полицейские выбрались из машины и, встав по обе стороны задних дверей, приказали мне выходить.

— Что мы тут делаем? — поинтересовался я, выпрямляясь.

— Медикалэкзэм, — пробурчал низкорослый.

Медосмотр? Никогда не слышал про медосмотр при аресте.

Меня прошиб холодный пот, а остатки волос на голове зашевелились. Ни за что по доброй воле я не зайду в это мутное заведение и не позволю провести осмотр, каким бы он ни был. Я уже начал верить, что это и есть похищение, и рисовал в голове картины того, что ждет меня внутри: белый кабинет со стальной каталкой, столик с набором шприцов и эфэсбэшники в дешевых костюмах. Как только зайду внутрь, тут же что-нибудь вколют, а потом очнусь уже в московском СИЗО, и моя жизнь на этом закончится.

— Ноумедикалэкзэм! — ответил я воинственно, инстинктивно сжав кулаки, как перед дракой. Я не дрался с восьмого класса с тех пор, как я был подростком в школе-интернате в Стимбоут-Спрингс, штат Колорадо. Но сейчас, неожиданно для себя, я был готов к схватке, лишь бы меня не похитили.

Но вдруг что-то изменилось в их поведении. Один из них подошел ко мне очень близко, пока другой лихорадочно звонил кому-то по мобильнику. Закончив разговор, он что-то набрал в «Гугл-переводчике» и показал мне: *«Медосмотр обязательная процедура»*.

— Хрень собачья. Адвоката и сейчас же!

Тот, что стоял ближе, вновь повторил: *«Ноуадвоката»*.

Я облокотился спиной на машину и уперся ногами в асфальт. Тот, с телефоном, снова кому-то позвонил и вы-

дал тираду на испанском. Прежде чем я успел сообразить, что произошло, меня затолкали обратно в машину. Снова сирена и мигалка. Мы выехали с площади и отправились в противоположную сторону.

Скоро мы снова оказались в пробке, на этот раз напротив Королевского дворца, застряв посреди скопища туристических и школьных автобусов. Пока я был то ли арестован, то ли похищен, мир не ждал и продолжал бурлить. Люди жили своей жизнью, наслаждались хорошей погодой и глазели по сторонам.

Через десять минут мы свернули на узкую улочку, сплошь заставленную полицейскими машинами. Темно-синий знак «POLICIA» висел на обветшалой стене кирпичного здания.

Эти двое действительно были полицейскими. Эфэсбэшники меня не похищали, я оставался в правовом поле европейского правосудия. По крайней мере, мне будут доступны все предусмотренные правовые процедуры, прежде чем дело дойдет до возможной экстрадиции в Москву.

Полицейские вытащили меня из авто и провели внутрь участка. В воздухе чувствовалось напряжение. Еще бы, не каждый день небольшой полицейский участок в центре Мадрида успешно задерживает и арестовывает международного преступника, находящегося в розыске по линии Интерпола!

Они отвели меня в комнату для допросов, а чемодан поставили в угол. Телефоны бросили на стол экранами вниз и запретили их трогать. Это было проще сказать, чем сделать. Мои телефоны разрывались. Экраны светились новыми сообщениями, эсэмэсками и твитами. Пищали уведомления о пропущенных звонках. Я находил некий комфорт в том, что моя ситуация не осталась без внимания.

Когда я остался один, меня вновь охватил ужас от происходящего. Это не было похищением, но всё же я был

в руках испанской уголовной системы по запросу Кремля и русского ордера на арест. Все эти годы я знал, через что мне придется пройти, если это случится. Я выучил процедуру наизусть. Страна, задержавшая человека, свяжется с Москвой и сообщит: «Ваш беглец у нас, какие ваши указания?»

Россия ответит: «Готовьте к экстрадиции». Дальше у нее будет сорок пять дней для отправки формального запроса на мою экстрадицию. После этого у меня будет тридцать дней для ответа на запрос, и у русских еще тридцать дней для ответа на мой протест. Принимая во внимание неизбежные задержки в процессе, мне придется провести за решеткой в душной испанской тюрьме около шести месяцев, после чего меня либо отпустят, либо отправят в Россию.

В тот момент я думал о своей двенадцатилетней дочери — Джессике. Еще неделю назад мы с ней вернулись из долгожданной поездки: мы вдвоем побывали в очень английском местечке Котсволдс. Я думал о второй дочурке — десятилетней Веронике, которой я обещал похожее путешествие. Теперь его, возможно, придется отложить очень надолго. Я размышлял о своем старшем сыне — Давиде, который только что поступил в Стэнфордский университет, и у него уже началась самостоятельная жизнь. Он довольно стойко переносил невзгоды, которые чинил нам Кремль. Но испытания, которые нам предстоят, и мой твит, безусловно, скажутся на нем.

Я думал о жене и о том, как она сейчас сходит с ума и не находит себе места.

Двадцать минут ожидания показались мне вечностью. В комнату вошла молодая женщина, села напротив меня и произнесла на чистом английском: «Я переводчица».

— Когда я смогу увидеть своего адвоката? — потребовал я.

— Извините, но я переводчица. Я только хотела представиться, — ответила она, после чего встала и ушла из комнаты, так и не представившись.

Прошло еще десять минут, и она вернулась в сопровождении пожилого полицейского. Он навис надо мной, зачитывая мне обвинения на английском языке по бумажке. Согласно законам Евросоюза, любому задержанному должны быть предъявлены обвинения на его родном языке.

Я наклонился, чтобы лучше рассмотреть этот документ. Это был шаблонный текст с пропусками в тех местах, куда должны быть вписаны вменяемые мне преступления. Единственное слово, которое было вписано, — «мошенничество».

Стул скрипнул, когда я вернулся в изначальную позу. Я посмотрел на полицейского и переводчицу. Они хотели увидеть мою реакцию. На протяжении многих лет путинский режим обвинял меня в куда более серьезных преступлениях, поэтому просто «мошенничество» не произвело на меня никакого впечатления. Я удивился скупости Кремля в этом вопросе.

Я снова потребовал своего адвоката.

— В свое время, — ответила переводчица.

В этот момент в коридоре началась суматоха. Полицейский, которого я до этого не видел, влетел в соседнюю комнату, заполненную людьми в форме, и громко хлопнул дверью. Полицейский и переводчица, которые были со мной, переглянулись и быстро вышли, опять оставив меня одного. Через пять минут дверь в ту комнату распахнулась, и оттуда вывалилась целая толпа.

Я окликнул переводчицу, она заглянула в мою комнату. «Что происходит?» — взмолился я. Проигнорировав мой вопрос, она вышла и растворилась в толпе.

Но через пять минут в комнату вошел полицейский, который предъявлял мне обвинения. За собой он тащил

переводчицу, как на буксире. Оба выглядели понуро. Он что-то пробормотал ей на испанском, и, повернувшись ко мне, она перевела: «Господин Браудер, мы только что получили указание из Генерального секретариата Интерпола в Лионе. Они потребовали вашего немедленно освобождения, сообщив нам, что ордер на ваш арест недействителен».

Я воспрянул духом. Мой телефон снова зазвонил, я встал и спросил:

— Теперь я могу пользоваться своим телефоном?

— Си. — В переводе я уже не нуждался.

Я быстренько забрал свои телефоны, а заодно и документ с обвинением. 178 пропущенных звонков. Среди них было сообщение от министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона с просьбой позвонить ему, как только смогу. Практически все новостные бюро: «Эй-би-си», «Скай Ньюс», «Би-Би-Си», «Си-Эн-Эн», «Тайм», «Вашингтон Пост» — интересовались тем, что происходит. Были весточки от жены, от сына Дэвида и от многих моих друзей по всему миру, включая и Россию. Я отправил эсэмэску супруге, сообщив, что жив и здоров и скоро ей перезвоню. Такие же сообщения я отправил Дэвиду и коллегам в нашем лондонском офисе.

Я поспешил перейти в часть участка, открытую для посетителей. Настроение у полицейских явно изменилось. Еще бы, они думали, что задержали Карлоса Шакала наших дней, а теперь я просто ухожу.

Наконец-то я дозвонился до моего испанского адвоката. Пока меня держали в участке, он обзванивал всех, кого знает в правоохранительных органах Испании, но всё впустую.

Спас меня «Твиттер». Один твит породил шквал звонков в Интерпол и руководству Испании, которые в конечном счете осознали, в какую авантюру их втянули.

Когда я покидал участок, полицейский, участвовавший в моем задержании, застенчиво подошел ко мне с переводчицей. «Они просят удалить твит с их фотографией. Сможете?» — спросила она.

— Я нарушу закон, если этого не сделаю? — Она перевела мой вопрос. Полицейский пожал плечами.

— Тогда нет, я не буду его удалять.

Мой твит и по сей день там, где он должен быть — на моей странице в «Твиттере».

Как ни смешно, они предложили подбросить меня до отеля. С улыбкой я ответил:

— Пожалуй, не стоит. Из-за всех этих передрыг я уже опоздал на встречу с прокурором Хосе Гриндой на сорок пять минут.

Стоило мне упомянуть его имя, как их лица побелели. Чуть ли не на коленях они умоляли разрешить им отвезти меня к нему.

Я согласился. В этот раз мы поехали на автомобиле классом гораздо выше.

Меньше чем через полчаса мы уже были в прокуратуре. В вестибюле меня встречал сам Хосе Гринда. Он был явно подавлен тем, что, приехав в Мадрид по его приглашению дать показания против русских бандитов, я был арестован его коллегами по приказу этих самых бандитов.

Мы прошли в кабинет, и я рассказал ему историю, которая произошла с Сергеем Магнитским, историю, которую я уже много раз рассказывал. Я рассказал, что Сергей был моим российским юристом, и что в 2008 году его взяли в заложники коррумпированные силовики, и что его убили в СИЗО за то, что он работал со мной. Я рассказывал ему о тех, кто стоит за убийством Сергея, и о тех, кто нажился на краже наших 230 миллионов долларов налогов, той самой краже, которую он помог раскрыть. А еще я рассказал ему о том, что 33 миллиона долларов из этих

преступных денег пошли на скупку элитной недвижимости на Испанской Ривьере.

По блеску в его глазах я чувствовал интерес к нашей истории. По окончании встречи я понял, что у нас появился еще один союзник на Западе, а с растрескавшегося потемкинского фасада путинского авторитета отвалился еще один огромный кусок штукатурки.

Флейта

1975 год

Как меня угораздило оказаться в этой ситуации?

Во всём виновата флейта. Именно она, настоящая серебряная флейта, которую подарили мне на одиннадцатилетие. Это был подарок от моего любимого дяди, которого, как и меня, звали Билл. Он был флейтистом-любителем и профессором математики в Принстонском университете.

Я обожал эту флейту. Мне нравилось в ней всё: и как она выглядит, и как лежит в моих руках. Мне нравилось, как она звучала, но я был еще тот флейтист. И всё равно я занимался на ней столько, сколько мог, и меня даже взяли в школьный оркестр, правда, самым последним флейтистом. Репетиции оркестра проходили три раза в неделю.

Экспериментальная школа при университете находилась в районе Гайд-парк южного Чикаго. Моя семья жила в таунхаусе из красного кирпича в четырех кварталах от Чикагского университета, где мой папа был профессором математики, как и мой дядя. В то время район Гайд-парк был весьма беспокойным, а соседние районы — еще менее благополучными. Детям было строго-настрого запрещено уходить дальше 63-й улицы на юге, Коттедж-Гров на западе и 47-й улицы на севере. На востоке разрешенную территорию ограничивало озеро Мичиган. Вопросы безопасности своих преподавателей и их семей университет всегда ставил превыше всего, поэтому нанял частные

охранные агентства в помощь полиции и установил телефоны безопасности практически на каждом углу. В итоге в районе Гайд-парка охраны на одного человека было больше, чем в любом другом районе страны.

Благодаря этим мерам безопасности родители разрешили мне ходить в школу одному.

Как-то весенним утром 1975-го, когда я шел в школу, ко мне подошли три подростка, которые были старше и крепче меня. Один из них, тыча в футляр с флейтой в моей левой руке, прогремел: «Эй, сопляк, что это у тебя в коробке?»

Прижав флейту обеими руками к себе, я ответил: «Ничего».

— Ну конечно, ничего, — устрашающе заржал он. — А ну-ка показывай, что там!

Прежде чем я успел ответить, второй парень схватил меня, а третий потянулся за футляром. Я попытался вырваться, но бесполезно. Их было трое, а мне было одиннадцать. Самый здоровый с силой рванул футляр, вырвал его из моей руки, и они бросились наутек. Я попытался их догнать и бежал за ними еще несколько кварталов, но где-то в районе 63-й улицы их и след простыл. Я остановился перевести дух. Рядом оказался телефон безопасности, установленный университетом. Взяв себя в руки, я как можно четче рассказал наряду охраны, что произошло. Буквально через несколько мгновений подъехали две машины университетской охраны, а чуть позже и полицейский наряд.

Полицейские отвезли меня домой, подвели к входной двери и позвонили. Открыла мама. «Что случилось?» — спросила она с порога, обводя взглядом каждого. Я зарыдал...

— Мадам, какие-то подростки украли у вашего сына флейту, — объяснил один из них. Мама поблагодарила их за то, что они доставили меня домой. Пока она закрыва-

ла дверь, второй полицейский спросил, не желаю ли я заявить о случившемся и описать хулиганов.

Она ответила не сразу. Я чувствовал, что она не хочет, чтобы я это делал. Но я настоял. Утирая слезы, я сказал: «Я очень хочу сделать это, Ева» (не знаю почему, но у нас с братом была странная привычка называть родителей по имени). Мы еще немного попрепирались между собой, и мама сдалась. Она неохотно пригласила полицейских за стол на кухню.

Я отвечал на вопросы, а они записывали их в блокнот. После их ухода мама отметила, что вряд ли мы еще когда-нибудь услышим о нашей флейте.

Через месяц раздался звонок из полиции. Они арестовали троих подростков, которые пытались сдать ворованные музыкальные инструменты в ломбард. Задержанные подходили под мое описание. Естественно, моя флейта бесследно пропала, но полиция хотела знать, готов ли я прийти в участок на опознание.

Мама не хотела дополнительных проблем, но я был непреклонен, и к назначенному часу мы отправились в полицейский участок на нашем старом «Бьюике-Сенчури».

Нас встретил молодой полицейский и через грязные коридоры проводил в маленькую затемненную комнатку со встроенным смотровым окном. Он объяснил нам, что мы можем видеть подростков через стекло, а они нас — нет. «А теперь посмотри и скажи, здесь есть те ребята, которые отобрали у тебя флейту?» — спросил он меня.

Все трое были там, они стояли вперемежку с другими мальчишками. Один из них даже был одет в тот же красный свитер с короткими рукавами, что и в день ограбления.

- Это они, — сказал я, указывая на них.
- Ты уверен?
- Да, точно они. — Я никогда не забуду их лиц.

—Хорошо, — и повернулся к моей маме: — Мэм, мы хотели бы, чтобы ваш сын дал показания в суде против этих подростков.

— И речи быть не может, — отрезала мама.

Я потянул ее за рукав: «Ну, мам, я очень хочу». Эти ребята поступили плохо, и я хотел, чтобы они получили по заслугам.

Через два месяца нас вызвали в суд округа Кук по делам несовершеннолетних. Это было новое здание на Рузвельт-роуд, напротив здания ФБР. Слушания проходили в большом современном зале, в котором присутствовали только эта троица, их мамы, судья, общественный защитник, помощник окружного прокурора, моя мама и я. Троица вела себя так, будто происходящее их мало заботило.

Они носились по залу, и даже когда судья открыл заседание, продолжали перешептываться и хихикать вполголоса. Но когда прокурор попросил опознать подследственных, они прекратили свои глупые шутки и уставились на меня.

Их адвокат не сумел выстроить защиту. После того как я рассказал, что произошло, судья признал всех троих виновными в краже. Но вместо того, чтобы отправить их отбывать наказание в колонию для несовершеннолетних, судья приговорил их к условному сроку, а это означало, что они и дня не проведут за решеткой.

Моя флейта была утрачена безвозвратно, а весь этот инцидент оставил нехороший осадок в моей душе.

Но всё же произошедшее каким-то образом повлияло на меня, заставив по-иному воспринимать роль правоохранительной системы.

С этого самого момента я стал одержим всем, что было связано с работой полиции.

По пути в школу я всегда проходил мимо греческой закусочной «Агора» на 57-й улице. Около нее всегда были

припаркованы полицейские машины, и мне стало жутко интересно, что там делает столько полицейских.

Однажды я не выдержал, собрался с духом и зашел внутрь. Женщина за кассой разрешила мне воспользоваться туалетом. По дороге я увидел за столиками два полицейских наряда. Они пили кофе и рассматривали фотографии людей с довольно неприятными физиономиями.

Возвращаясь из туалета и вытирая мокрые руки о штаны, я еще раз попытался разглядеть их.

Уже дома я собрал всю свою мелочь и на следующий день по пути из школы опять зашел в «Агору». На этот раз я взял стакан газировки «Рутбир» и сел за соседний столик с полицейскими, украдкой посматривая на фотографии.

Попытка прошла не очень гладко: плотный полицейский средних лет поймал мой взгляд и строго сказал: «Эй, сюда нельзя подглядывать. Это секретная информация».

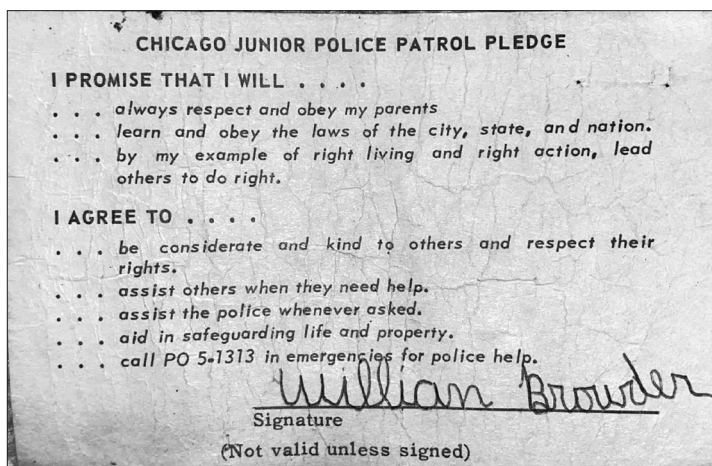
Я потупил взгляд на стакан с газировкой и сделал глоток.

Полицейские рассмеялись. Один из них сказал: «Паренек, а ну-ка подойди». Ну вот, опять влип, подумал я.

Но он продолжил: «Не слушай его. Он пошутил. Хочешь взглянуть?»

Я робко кивнул. Тогда он показал то, что они называли «ориентировками». С одной стороны листа были набиты номера угнанных автомобилей, а с другой — фотографии и описание подозреваемых, разыскиваемых полицией, а также список вменяемых им преступлений. В тот день ориентировки были выданы на пятерых: двух человек разыскивали за убийства, одного — за изнасилование, и еще двух — за вооруженный грабеж.

Я не знал, что это всё означает, но звучало страшно и в то же время захватывающее. Каждая фотография была окном в страшную историю, которую мне очень хотелось узнать.

Удостоверение детского патруля полиции Чикаго Билла Браудера (© Bill Browder)

Дружелюбный полицейский заметил, как меня это увлекло, и спросил: «Хочешь взять их себе?» Я кивнул. «Забирай и приходи завтра за новой партией». Я так и сделал. И после забирал ориентировки каждый день. К июню у меня скопилось их под сотню. Я был так увлечен, что позже полицейские предложили мне вступить в детский патруль полиции Чикаго.

Не очень понимая, что это значит, я с восторгом согласился.

Весь следующий учебный год, каждый четверг во второй половине дня я вместе с другими ребятами из нашего района ходил на лекции, где нам рассказывали о преступлениях, работе полиции и карьере в правоохранительных органах.

Как это часто бывает с детскими навязчивыми идеями, интерес к ним постепенно угасает с возрастом. Со временем мой интерес угас окончательно — я вырос.

И в тот момент никто не мог предположить, что борьба за верховенство закона и правосудие станет основным смыслом моей взрослой жизни.

Джон Москоу

1989–2008 годы

Четырнадцать лет спустя, в 1989 году, я окончил Высшую школу бизнеса Стэнфордского университета. В том же году пала Берлинская стена. Спустя три года я устроился в инвестиционный банк «Саломон Бразерс» в Лондоне, в отдел инвестиций в Восточную Европу. В этой части света открывались огромные возможности, и в 1996-м я учредил инвестиционный фонд Hermitage и переехал в Москву. Я назвал фонд именем музея Эрмитаж в Санкт-Петербурге, где хранятся шедевры изобразительного и декоративно-прикладного искусства России.

Управлять инвестициями фонда в России было совсем не просто. Олигархи и коррупционеры тем или иным способом обворовывали компании, в которые инвестировал фонд.

Моих коллег по финансовому цеху душила обида, но они воспринимали эту ситуацию как данность, своего рода плату за ведение бизнеса в России. А я не смог смириться с тем, что маленькая группа людей наживается на всех остальных и это им сходит с рук. Это напоминало мне ту историю с флейтой, но только в грандиозном масштабе.

Поэтому я решил бороться. Вместо анализа корпоративных отчетов о прибылях и убытках и бухгалтерских балансов (обычное занятие управляющих) мы вместе с моей командой изучали объемы и методы воровства в этих

компаниях и тех, кто на этом наживался. На основании собранных фактов мы подавали судебные иски, боролись за голоса акционеров, а также информировали органы власти, включая министров, о причиненном государству ущербе.

Наша активность, безусловно, имела положительный эффект, но главным оружием была публичность, а именно — вынос всей этой грязи на страницы международной прессы.

Мы не могли остановить воровство полностью, но с точки зрения инвестиций нужно было всего лишь создать достаточное давление для небольших перемен. Дело в том, что компании, в которые мы инвестировали, были настолько недооценены рынком, что даже небольшая положительная динамика приводила к существенному росту акций.

Такой подход к инвестициям в России (можно назвать его «найди и застыди») оказался довольно выгодным. Через некоторое время фонд Hermitage стал одним из первых в рейтинге мировых инвестфондов по прибыльности. На пике карьеры я управлял 4,5 миллиардами долларов инвестиций в российские ценные бумаги.

Но борьба с коррупцией не способствовала моей популярности в глазах олигархов, и со временем мои действия привели к череде катастрофических последствий для фонда и его сотрудников.

В ноябре 2005 года Путин объявил меня угрозой национальной безопасности и выслал из страны. Для защиты активов моих инвесторов мы распродали акции российских компаний фонда Hermitage. Я срочно эвакуировал в Лондон свою команду и их семьи, включая моего операционного директора Ивана Черкасова и директора по корпоративным исследованиям Вадима Клейнера. Как стало ясно позже, это было верное решение.

Через полтора года в мой московский офис вломилась дюжина бойцов МВД, которую возглавлял подполковник Артём Кузнецов. В это же время другая группа полицейских шуровала в офисе наших юристов. Во время обысков эмвэдэшники забрали огромное количество документов, включая нашу финансовую отчетность, правоустанавливающие документы, сертификаты и печати наших российских инвестиционных компаний. (В отличие от Запада, в России не обойтись без печатей: без них просто невозможно вести бизнес.) Всё конфискованное было передано в распоряжение майора МВД Павла Карпова. И пока документы и печати находились у него, часть из них была использована для того, чтобы сфальсифицировать смену собственников наших компаний на лиц со страшным криминальным прошлым.

И хотя наши компании были украдены, финансовые потери были незначительными: мы успели распродать их активы. Наверное, можно было оставить всё как есть. Но для того, чтобы провести обыски и забрать нужные им для мошенничества документы и печати, сотрудники МВД открыли уголовное дело против Ивана Черкасова.

Это уголовное дело обернулось бы катастрофой, если бы Иван остался в Москве, где его бы арестовали и посадили. Но даже несмотря на то, что он был в безопасности в Лондоне, надо было противостоять этим беспочвенным обвинениям, иначе они вернулись бы к нам бумерангом.

Для этого мы наняли команду российских юристов в Москве. Они довольно быстро собрали свидетельства того, что уголовное дело против Ивана было сфабриковано от начала до конца.

В процессе сбора доказательств всплыли совершенно шокирующие факты. Эти воры не только украли наши компании, но еще и на скорую руку сфабриковали иски против них от трех компаний-пустышек суммар-

Иван Черкасов
(© HERMITAGE)

но на один миллиард долларов. Три иска на эту сумму были поданы в суды в трех регионах России. Юристы со стороны мошенников представляли в этих делах одновременно и истцов, и ответчиков, т. е. наши украденные компании, конечно, признавая их виновными. Коррумпированные судьи, не задавая никаких вопросов, за пять минут вынесли и оформили фальшивые решения в пользу лжеистцов.

Мы понятия не имели, зачем им понадобились эти поддельные иски. Но так как в деле были замешаны коррумпированные полицейские, мы надеялись, что, как только мы представим эти факты правоохранительным органам, все участники мошенничества: коррупционеры в погонах и их дружки-преступники — будут арестованы и осуждены, а уголовное дело в отношении Ивана — прекращено.

В начале декабря 2007 года мы подали три заявления в различные инстанции, в которых назвали всех коррупционеров, включая Кузнецова и Карпова, поименно. Но вместо того, чтобы провести расследование, дело передали Карпову, чтобы он проводил его сам против себя. Первое, что он сделал, — это открыл уголовное дело про-

тив меня, и чуть позже я был объявлен в федеральный розыск.

Чем больше работали наши юристы, вскрывая всё новые подробности произошедшего с нашими компаниями, тем стремительнее усугублялась ситуация. В июне 2008 года наш юрист Сергей Магнитский обнаружил, что мошенники использовали украденные компании и фиктивные иски против них для незаконного возврата ранее уплаченных ими налогов в размере 5,4 миллиарда рублей (230 миллионов долларов). Именно столько налогов наши компании заплатили в бюджет в 2006 году, когда мы распродали их финансовые активы. Возврат налогов занял всего один день — 24 декабря. Еще два дня ушло на перевод этой огромной суммы из казначейства. Это произошло 26 декабря, за пять дней до Нового года. Вся сумма перевода в итоге оказалась в неизвестном и довольно мутном банке — «Универсальном банке сбережений». Пожалуй, это была самая крупная кража налогов в новейшей истории России.

Владельцем «Универсального банка сбережений» был сомнительный тип — Дмитрий Ключев, а его предприятие с большой натяжкой можно было назвать банком. В российском банковском рейтинге он занимал 920-ю строчку: банк имел один филиал и капитал в 1,5 миллиона долларов. Всё указывало на пустышку, созданную с целью отмыwania денег, а не на легальное финансовое учреждение.

Наши юристы подали новое заявление об обнаруженном преступлении в надежде на более адекватную реакцию. Российскому правительству может быть безразлично, что обворовали иностранного инвестора, но уж воровство налогов из бюджета должно же было быть воспринято как оскорбление! Тем не менее в ответ последовали новые репрессии.

Мошенники отправили в Лондон двоих своих подельников. Те отправились в офис международного курье-

ра — компании DHL. Офис находился в районе Ламбет на южном берегу Темзы, напротив Вестминстерского дворца. Оттуда они и отправили документы, которые использовали для воровства налогов, в офис наших московских юристов, указав в качестве отправителя нашу компанию и адрес нашего офиса: «*Hermitage Capital Management, 2 Golden Square, London, England*».

Они пытались создать видимость, что мы сами отправили поддельные документы для хищения наших же налогов нашим российским юристам.

Как только DHL доставила посылку, сотрудники полиции ворвались в офис наших юристов и «конфисковали» ее. Юристов немедленно вызвали на допросы, и наконец всё стало ясно как божий день. Они решили выставить нас самих мошенниками, укравшими 230 миллионов долларов налогов, а наших юристов — пособниками. Их надо было срочно спасать. Двое смогли быстро покинуть Россию, уехав в Лондон, но третий, Сергей Магнитский, решил остаться. Мы умоляли его уехать, но он верил, что Россия изменилась в лучшую сторону и что верховенство закона обязательно его защитит.

Мы подумали, что в России ему пригодится помощь Запада. Здесь много адвокатов-защитников, но нам нужен был адвокат, который работает на опережение. Пока я искал такого специалиста, четыре юриста не сговариваясь порекомендовали Джона Москоу. Его фамилия вызвала у меня улыбку.

Джон Москоу проработал 33 года в офисе окружного прокурора Нью-Йорка и был там одним из самых воинственных прокуроров. Он бился с коррупцией и международными финансовыми преступлениями и выступал главным обвинителем в известном деле против Международного банка кредита и коммерции (англ. Bank of Credit and Commerce International), который оказался в цен-

Джон Москоу (© /BLOOMBERG/
GETTY IMAGES)

тре очень шумного скандала с отмыванием денег. Он также вел дело против руководителей высшего звена американского конгломерата компании «Тайко» (англ. Teco), а именно — генерального исполнительного директора и финансового управляющего, которые были признаны виновными в хищении сотен миллионов из компании. В середине 2000-х Джон Москоу занялся частной практикой и в итоге стал партнером в престижной международной юридической фирме в Нью-Йорке — «Бейкер-Хостетлер».

В сентябре 2008 года я связался с «Бейкер-Хостетлер». От секретаря Джона я узнал, что по счастливому совпадению он в тот момент был в Англии, на Международном симпозиуме по предупреждению финансовых преступлений в Кембридже. Она предложила организовать встречу в нашем лондонском офисе.

Человек, появившийся в нашем офисе через несколько дней, никак не походил на знаменитого и беспощадного борца с преступностью. Ростом он был ниже среднего, с сединой, с небольшой амблиопией («ленивым глазом») и выглядел, скажем так, немного неуклюжим.

Я попытался начать со светской беседы, но она явно не клеилась — то ли он не видел в этом смысла, то ли не знал, как ее поддержать. Но когда я положил перед ним нашу презентацию с перечислением совершенных против нас преступлений в хронологическом порядке, он очень оживился и начал задавать вопросы.

— Это подполковник Кузнецов, — сказал он, указывая пальцем на фотографию человека, который руководил обысками в наших офисах. — Надо обязательно документально подтвердить, что происходило во время обысков, что он изъял и где эти документы потом всплыли.

— Хорошо, — сказал я, — они оставили опись изъятых.

— А это официальный документ? — Он улыбнулся.

— Конечно, — ответил я. — Россия — страна победившей бюрократии. Они всё скрупулезно документируют.

— Прекрасно! — Он пролистал несколько страниц презентации. — Так, а вот эти печати и сертификаты, они...

— Да, их использовали для перерегистрации наших компаний.

— Если это дело когда-нибудь дойдет до суда в США, вам понадобится эксперт, который сможет объяснить, как работают печати в России и почему они так важны. Есть кто-нибудь на примете?

Мне очень нравилось, как рассуждал этот человек. Идея судебного разбирательства в Америке была хороша — и почему она не приходила мне в голову раньше?!

— Я уверен, что Сергей Магнитский сможет дать показания, — ответил я. — Он очень грамотный юрист.

— Отлично. Ключ к успеху в суде — качество показаний и репутация свидетелей.

— Вас не пугает тот факт, что мы будем бороться с очень опасными людьми? — спросил я.

— Билл, я потратил большую часть своей жизни, отправляя опасных типов за решетку. Это моя работа.

Теперь я понял, как он заработал такую репутацию, и очень захотел видеть его в нашей команде.

Следы на снегу

Лето 2008 — осень 2009 года

Второго октября 2008 года МВД России открыло уголовные дела на двух наших юристов, тех, которые смогли выбраться в Лондон, обвиняя их в использовании «фальшивых» доверенностей для подачи жалоб и заявлений от имени наших украденных компаний. Обвинение утверждало, что наши юристы не могут на законных основаниях представлять наши компании, так как сами компании уже нам не принадлежат. Это как если бы гаишники сказали, что единственный, кто может подавать заявление об угоне автомобиля, — сам угонщик.

Такой цинизм настолько задел Сергея Магнитского, что через пять дней он уже давал показания в Следственном комитете РФ, несмотря на очевидную опасность. Пытаясь защитить своих коллег, он рассказал, что та же группа мошенников, которая стоит за кражей наших компаний, также похитила из бюджета 230 миллионов долларов*.

Уже после этих показаний Сергей обнаружил новые, еще более убийственные факты о наших врагах. Он нашел документы, подтверждающие, что за год до хищения 230 миллионов долларов из бюджета те же люди увели из

* Это были вторые показания Сергея Магнитского Следственному комитету (СК РФ). Первые обвинительные показания он дал в июне 2008 года. Тогда он рассказал о роли сотрудников МВД Карпова и Кузнецова в хищении российских инвестиционных компаний фонда Hermitage. Он упомянул оба имени 27 раз.

казны еще 107 миллионов долларов. Это тоже были налоги, уплаченные рядом других компаний.

Казалось, если доказать, что та же преступная группа использовала точно такую же схему годом ранее, то обвинение нас в краже 230 миллионов долларов развалится. Надо было срочно обнародовать эту информацию. Я позвонил Джейсону Бушу, англичанину, главе московского бюро еженедельного журнала «Бизнес-Уик». Я хорошо знал его еще со времен наших антикоррупционных расследований по Газпрому, которые мы делали в фонде Hermitage.

Джейсон был заинтригован. Свое расследование по нашим материалам он закончил за две недели. Чем дальше он копал, тем больше всплывало преступлений: та же группа людей переводила миллиарды рублей на счета компаний-пустышек, зарегистрированных где-то в трущобах. Как только деньги покидали их счета, эти компании быстро ликвидировались.

До публикации материала Джейсон хотел поговорить с человеком, который первым обнаружил эти мошеннические схемы, и договорился встретиться с Сергеем тет-а-тет.

В середине октября, прихватив все документы, Джейсон отправился на встречу с Сергеем к нему в офис. За чашкой чая Джейсон разложил материалы на столе и достал диктофон.

— Извините, — сказал Сергей, — но я бы предпочел, чтобы наш разговор не записывался, и не хотел бы, чтобы вы упоминали меня.

— Понял, — сказал Джейсон и убрал диктофон в карман.

— Если начистоту, то мне немного страшно, — сказал Сергей, извиняясь.

— Конечно, конечно, я всё понимаю, — ответил Джейсон, сосредотачиваясь на документах. — Мы можем пройти по этим выпискам?

— Давайте.

После этого они потратили полчаса на кропотливый разбор финансовых документов. Когда они подошли к налоговому возврату в 107 миллионов долларов, или 2,9 миллиарда рублей, Джейсон спросил:

— А здесь может быть какое-то законное обоснование?

— Я пытался его найти, — сказал Сергей, — но, к сожалению, напрашиваются только самые преступные мотивы.

— То есть это еще один незаконный возврат налогов, как и в случае с налогами фонда Hermitage?

— Именно.

Другого объяснения и не могло быть. Финансовые документы это наглядно доказывали. Та же самая преступная группа использовала один и тот же банк, одних и тех же юристов, одни и те же налоговые инспекции, один и тот же механизм для кражи 107 миллионов долларов налогов из российской казны годом ранее. Они даже использовали одни и те же документы, просто заменяя в них даты и названия компаний.

Статья Джейсона вышла через месяц. Благодаря ей у наших врагов появилось огромное количество новых проблем. Теперь им пришлось бы ответить не только за кражу 230 миллионов, но еще и за 107 миллионов долларов налогов. Через шестнадцать дней после публикации статьи они ответили: 24 ноября 2008 года вооруженные полицейские пришли с обыском к Сергею домой и арестовали его на глазах супруги Наташи и их семилетнего сына Никитки.

Арест Сергея поручили тому же подполковнику Артёму Кузнецову, который проводил обыски в наших офисах и против которого Сергей давал показания. До этого момента наши проблемы с властью были, скорее, виртуальными, но теперь они взяли заложника.

Первое, что я сделал, — позвонил Джону Москоу. Он отнесся к ситуации с сожалением, но, будучи хорошо знакомым с поведением преступников, тут же сказал:

— Он для них просто разменная монета! У него есть жена? Дети?

— Да, и мы будем поддерживать их, оплачивая юридическую защиту Сергея и их содержание.

— Вы же не планируете возвращаться в Москву, так?

— Нет, никогда.

— Это хорошо. Мы начнем такую кампанию, после которой ваше пребывание в России будет социально неприемлемым, мягко говоря.

— Отлично!

Джон рассказал, как он видел план дальнейших действий.

— Я хочу знать, у кого эти деньги. Помните, как в фильме «Джерри Магуайер»: «Где деньги?»

— Но проблема в том, что деньги переводятся из одного банка в другой, из другого в третий, — возразил я. — Как мы сможем проследить весь их путь?

— Если они в долларах, то через Нью-Йорк, — просто ответил он.

Джон пояснил, что мы сможем отследить весь путь денег, подав так называемый судебный запрос согласно статуту 28 §1782 США, в простонародье — запрос §1782. Я никогда о нем не слышал, но звучало это многообещающе. Он хотел воспользоваться преимуществом малоизвестной особенности международной банковской системы. Любые переводы в американских долларах — даже между двумя банками в России — проходят через расчетные (так называемые «клиринговые») банки в США. Перевод занимает долю секунды, но оставляет электронный след. И так как эти клиринговые банки находятся на Манхэттене, то все переводы попадают под юрисдикцию судов Соединенных Штатов. Если мы отправим такой запрос в банки и получим нужные данные, то сможем воспроизвести путь этих денег.

— Шаг за шагом, — заговорщически произнес он.

— Понял.

— Хорошая новость в том, что суммы огромные, а их всегда проще отследить. В наши дни один миллион можно передать наличными, а это затрудняет сбор доказательств.

— Но здесь-то аж 230 миллионов долларов, это же...

— Так и я про это, — не дав мне договорить, оборвал он. — Невозможно пройти по заснеженному полю с такой суммой, не оставив следов.

Это был умный ход. Если мы сможем найти конечных получателей денег, это даст нам возможность повлиять на ситуацию и вытащить Сергея из тюрьмы.

Но 11 декабря в Нью-Йорке разразился скандал: Берни Мейдоффа обвиняли в создании крупнейшей в мире финансовой пирамиды, известной как схема Понци. Инвесторы его фонда потеряли немыслимую сумму в 64,8 миллиарда долларов. Спросите, какое отношение его история имеет к нашей? Как ни странно, всё это сказалось на наших отношениях с Джоном Москоу. Как раз начиная с этого скандала связь с ним прервалась. Он больше не отвечал на звонки и в лучшем случае перезванивал через несколько недель, а в большинстве случаев и вовсе меня игнорировал.

Поначалу меня это расстраивало. Случается, что друзья перестают общаться по причинам, понятным только им самим, но Джон Москоу не был моим другом, он был моим юристом, а я — его клиентом, который платил 600 долларов в час. Мое расстройство довольно быстро переросло в разочарование: нам нужна была его помощь. Сергею нужна была его помощь. Игнорирование звонков превратилось в норму, и это выводило из себя. Впервые в моей практике юрист поступал так со своим клиентом. Его поведение отдавало какой-то инфантильностью.

В январе всё стало ясно: Джон Москоу и его фирма «Бейкер-Хостетлер» были назначены временными управляю-

щими банкротства Мейдоффа. Поползли слухи, что вознаграждение фирмы за эту работу составит 100 миллионов долларов. (Ко времени написания этой книги выяснилось, что «Бейкер-Хостетлер» заработала на банкротстве Мейдоффа больше 1,4 миллиарда долларов.) В сравнении с этой цифрой наши жалкие 200 тысяч в виде комиссий не попадали даже в разряд статистической погрешности.

Но юристы, так же как и бизнесмены, обязаны вести себя профессионально. Я наивно полагал, что юрист — как врач: если он взялся за дело, то должен действовать в интересах клиента, что бы ни случилось. Врач никогда не променяет одного пациента на другого только потому, что второй заплатит ему больше за более сложное лечение. Врач будет заботиться о них одновременно. То же самое относится и к юристам.

Поведение Джона усугублялось еще и тем, что к концу весны 2009 года из России стали просачиваться леденящие душу новости: в следственном изоляторе Сергея пытаются. Тюремщики поместили его в камеру с восемью нарами на четырнадцать человек. Свет горел круглосуточно, специально, чтобы лишать людей сна. Дальше — хуже. Они перевели его в неотапливаемую камеру с пустой оконной рамой, и он чуть не замерз до смерти. Потом его отправили в камеру, где не было туалета, а в полу зияла дыра, и нечистоты каждый раз поднимались из нее.

Те, кто удерживал его в заложниках, преследовали две цели: во-первых, заставить его отказаться от своих показаний против Кузнецова и Карпова и, во-вторых, оговорить себя, подписав лжесвидетельство о том, что он украл 230 миллионов долларов по моим указаниям.

Сергей был корпоративным юристом. Он работал в офисе, ходил в костюме, сорочке и красном галстуке. Он обожал классическую музыку и частенько посещал Московскую консерваторию на выходных с супругой

и сыном. Естественно, его мучители полагали, что достаточно легкого давления на человека такого склада, чтобы тот сдался. Но они не знали его по-настоящему. Для Сергея сама мысль оговора и лжесвидетельства была более невыносимой, чем физические страдания, которым они его подвергали. И он не сдался.

Но пытки сделали свое дело. После семи месяцев в заключении его здоровье серьезно пошатнулось. Он похудел на 18 килограммов и страдал от невыносимой боли в желудке.

Ситуация становилось всё более отчаянной. Нам нужно было его вытащить из этого ада. Мы делали всё, что было в наших силах.

Мы давили на Международную коллегия адвокатов, Общество юристов Великобритании, Парламентскую ассамблею Совета Европы и многие другие организации. Ряд из них откликнулись и поднимали вопрос Сергея, но для российской власти всё это было «бурей в стакане воды», не стоившей их внимания. Никогда раньше я не чувствовал себя таким беспомощным.

Нам просто необходимо было срочно отыскать эти 230 миллионов долларов.

Прежде чем бросить нас, Джон Москоу подготовил черновые варианты судебных запросов §1782 в отношении двух клиринговых банков: «Джи-Пи-Морган» и «Сити-банк». Через них прошли суммы, связанные с мошенническим возвратом налогов. Настало время подавать запросы.

Мы наняли других юристов, которые и довели дело с подачей этих запросов до конца. Но к этому моменту здоровье Сергея стремительно ухудшалось. Ему диагностировали панкреатит, камни в желчном пузыре. Срочную операцию назначили на 1 августа 2009 года.

За неделю до операции его мучители снова пришли в его камеру и пытались заставить его подписать лжесви-

детельства. Он снова отказался. Тогда они перевели его из СИЗО с небольшим больничным отделением в изолятор с повышенным уровнем строгости — «Бутырку». Этот филиал ада считается самой ужасной тюрьмой в России. И самое страшное для Сергея было в том, что в ней не было «больнички». Именно там у него появились непроходящие мучительные желудочные боли, но на все просьбы о медицинской помощи следовал отказ.

28 июля наши юристы в США подали запросы §1782 на раскрытие банковской информации в суд, и к нашему удивлению, судья довольно быстро их удовлетворил.

Спустя две недели, в течение которых Сергея гнобили в «Бутырке», «Джи-Пи-Морган» и «Ситибанк» передали нам файлы. Было много надежд, но вскоре стало ясно, что файлы не покрывают и доли того, что мы запрашивали. Оба банка не предоставили огромные блоки данных; были пропущены целые временные периоды. Всё это очень затрудняло поиск финальных получателей украденных денег.

Юристы потребовали от банков исполнения судебных решений надлежащим образом. На это нужно было время, а времени у Сергея оставалось очень мало. Последнее, что теплило в нас надежду, это то, что, согласно российскому законодательству, срок пребывания подследственного в следственном изоляторе ограничивается ровно одним годом. По прошествии 365 дней власти должны были либо передать дело в суд, либо выпустить Сергея. Но российское правительство не могло позволить этому делу дойти до суда. В суде у Сергея была бы международная трибуна, с которой он мог обличить чиновников, виновных в краже 230 миллионов долларов налогов и еще 107 миллионов, украденных годом ранее. Суд вынес бы приговор и, естественно, объявил его самого виновным, но это не помогло бы им закрыть Сергею рот. А им было очень нужно, чтобы он замолчал.

Ночью 16 ноября 2009 года, спустя 358 дней со дня его ареста, состояние Сергея стало критическим. Руководство «Бутырки» не желало дальше брать всю ответственность на себя, поэтому они отправили его на скорой через весь город в изолятор с больничным отделением. Но там вместо реанимации Сергея поместили в карцер, приковали наручниками к нарам, и восемь охранников забили его до смерти резиновыми дубинками.

Ему было всего 37.

Дорожная карта

Конец 2008 — весна 2010 года

На следующее утро, в 7:45, мне позвонили.

Этот звонок до сих пор остается самым душераздирающим событием в моей жизни, искалечившим ее. Я был абсолютно не готов к тому, чтобы вот так потерять коллегу. Сергея убили только потому, что он пытался делать правильные вещи. Его убили потому, что он работал на меня. Чувство вины, которое я ощутил тогда и продолжаю ощущать сегодня, проникло в каждую клеточку моего тела.

Когда отчаяние и печаль немного спали, мне стало ясно, что делать дальше: я отодвину всё, что было важного в моей жизни, на второй план, и направлю всё свое время, ресурсы и энергию на то, чтобы добиться наказания всех причастных к ложному обвинению, аресту, пыткам и убийству Сергея, а также к воровству 230 миллионов долларов.

С тех пор именно этим я и занимаюсь.

После убийства Сергея мы забросали все правоохранные органы сообщениями о совершенных преступлениях с требованием привлечь виновных к ответственности. У нас были горы улик. Пока Сергея 358 дней держали в тюрьме, он и его адвокаты подали 450 жалоб, так что все нарушения и злоупотребления, которым он подвергался, были хорошо задокументированы. Его адвокаты передали все жалобы нам, включая те, что писал сам Сергей.

Это был целый фолиант доказательств преступлений против прав человека. Первый за последние 35* лет истории страны. Власти должны были отреагировать.

Они и отреагировали — но не так, как мы рассчитывали. Вся путинская система, от низовых исполнителей до высшего руководства страны, выстроилась «по стойке смирно». Началась массовая фальсификация и укрывательство. В течение суток со дня смерти Сергея министерство внутренних дел заменило причину смерти с токсического шока на сердечную недостаточность. Его семье отказали в проведении независимой патологоанатомической экспертизы и продолжали утверждать, что Сергей был здоров. Эту ложь, разбавленную другим враньем, повторяли все должностные лица без исключения на всех уровнях власти.

Позже начали всплывать новые детали. За две недели до убийства Сергея Евгения Альбац — зубр расследовательской журналистики и главный редактор еженедельника «Новое время» — сообщила, что сотрудники ФСБ получили взятку в 6 миллионов долларов за организацию ареста Сергея и сокрытие следов хищения 230 миллионов долларов бюджетных денег.

Всё было просто и ясно: причина убийства Сергея — деньги. Надо было вернуться к попыткам получить всю информацию от «Джи-Пи-Морган» и «Ситибанк». Теперь эти деньги были уже не просто грязными — они были запачканы кровью.

И на этот раз банки поняли, что отмахнуться не получится. Они предоставили нам все документы по ряду бан-

* Имеется в виду 1975 год — год подписания 35 государствами (включая СССР) Хельсинкской декларации по правам человека и основным свободам, в их числе: свобода передвижения, контактов, информации, культуры и образования, право на труд, право на образование и медицинское обслуживание; равноправие и право народов распоряжаться своей судьбой, определять свой внутренний и внешний политический статус. (Примеч. переводчика.)

ков из России и бывших советских республик за два с лишним года. Это был просто кладезь информации — у нас оказалась база с 1,3 миллиона банковских операций разных российских банков.

Поначалу нам казалось, что это и есть ключ к раскрытию тайн отмывания денег. Но дальнейшее изучение данных только отдаляло нас от этой разгадки — мы буквально тонули в них. Там были сотни тысяч наименований компаний, несметное количество счетов, и никакой явной связи.

Нам нужна была «дорожная карта», которая провела бы нас сквозь все эти данные к мошенничеству с 230 миллионами долларов. Без нее мы плутали во тьме.

Мы вернулись к поиску денег, углубившись в изучение деятельности наиболее явных фигурантов мошенничества в России: майора Павла Карпова, подполковника Артема Кузнецова и Дмитрия Ключева, владельца «Универсального банка сбережений» — банка, куда стекались преступные деньги.

К сожалению, с нами не было специалиста по противодействию отмыванию грязных денег такого калибра, как Джон Москоу, но и нам самим было не впервой расследовать финансовых махинаций. Скрупулезное исследование именно российских махинаций — наш конек и бизнес-модель фонда Hermitage. Пришло время задействовать его вновь.

Помимо опыта, у нас было еще два преимущества: наш коллега, Вадим Клейнер, и тот факт, что в России вся информация практически полностью открыта.

С самого начала работы фонда Hermitage Вадим был директором по корпоративным исследованиям. Он коренной москвич, в очках и с бородкой, младше меня на шесть лет, защитил докторскую по экономике. Если бы вы встретили его на презентациях или конференциях, скорее всего, вы бы решили, что он из академических или жур-

Вадим Клейнер (© HERMITAGE)

налистских кругов. Но Вадим — инвестиционный аналитик высшего калибра, а в силу нашего подхода к бизнесу со временем он вырос в одного из лучших в мире расследователей запутанных финансовых преступлений. Это не преувеличение. Все, кто когда-либо работал с Вадимом, смогут подтвердить: он в этом профи.

Хорошо было и то, что информации для работы Вадима было достаточно много. Многие думают, что Россия — это «почтовый ящик»*, но на самом деле страна достаточно прозрачна. В силу огромной бюрократии любая информация в России дублируется по четыре раза в разных ведомствах, а зарплата многих чиновников в этих ведомствах не так уж и велика — порядка нескольких сотен долларов в месяц.

* «Почтовый ящик» (Предприятие п/я № такой-то) — служебное наименование заводов, предприятий и организаций оборонного характера, принятое в СССР в целях обеспечения режима секретности. (Примеч. переводчика.)

Центр «Горбушка», Москва (© HERMITAGE)

И естественно, всё продается и покупается.

Базы данных на физических носителях стекаются на «Горбушку» — в торговый центр инфоданных на западе Москвы. Внутри него сотни ларьков и павильонов, торгующих абсолютно всем: от пиратских DVD-дисков «Форсажа» и фигурок из фильмов «Звездные войны» до китайских мобильных телефонов и бытовой техники. Но если вы зададите пару нужных вопросов, в таком ларьке вам предложат и диски с базами данных различных ведомств — с информацией

о зарплатах, телефонных номерах и их владельцах, перелетах и поездках и так далее. Вся эта информация продается по бросовым ценам. На другом конце информационной «цепочки» находятся брокеры, которые располагают более ценными данными, чем те, что с «Горбушки». Эти брокеры продают статистические базы Центрального банка России или Государственного таможенного комитета. Во времена управления фондом Hermitage мы с Вадимом иногда пользовались такими данными для выявления многомиллиардных схем хищения денег в госкомпаниях, в которые инвестировал фонд. Сейчас мы используем их для выявления схем легализации грязных денег, и эта информация стала совершенно бесценной в нашей борьбе.

Поначалу о Дмитриии Ключеве и его «Универсальном банке сбережений» было сложно что-то найти, чего не скажешь об эмвэдэшниках Карпове и Кузнецове. Вскоре после кражи 230 миллионов эти двое ударились в кутеж: порше, мерседесы и ауди для себя и членов своих семей, поездки за границу и пятизвездочные отели в Милане, Мадриде, Лондоне и Париже, элитная недвижимость в Москве... И их не особо волновало, что их годовой зарплаты в 15 тысяч долларов не может хватать на такой шикарный образ жизни. Они сами были будто гротескным изображением коррумпированных ментов.

Наши короткие ролики об этой парочке на «Ютьюбе» снискали огромную популярность, особенно в России. Россияне были возмущены этой мерзостью, но наши расследования дали и другие, неожиданные результаты: на нас вышел Александр Перепиличный.

Александр был финансовым управляющим, и в числе его клиентов были Ольга Степанова, глава налоговой инспекции, через которую была украдена большая часть 230 миллионов долларов наших налогов, и ее су-

Александр Перепиличный

пруг Владлен. Перепиличный помог им открыть счета в швейцарских банках и управлял их активами, но во время финансового кризиса 2008–2009 годов его управление для Степановых обернулось большими финансовыми потерями.

Вместо того, чтобы понять, что в кризис такое бывает, Степановы обвинили Перепеличного в краже денег и начали грозить уголовным преследованием, используя свои связи в МВД. Опасаясь произвола, Александр с семьей уехал в Лондон.

В его распоряжении были документы, подтверждающие, что 11 миллионов из украденных 230 Степановы получили на свой счет в Цюрихе, в банке «Кредит-Свисс». Александр решил предоставить нам эти документы не потому, что был потрясен произошедшим с Сергеем, а потому, что надеялся, что скандал со Степановыми в России

приведет их под следствие, они лишатся поддержки, и их угрозы прекратятся.

Предоставленные Александром выписки о получении 11 миллионов на счета двух новоиспеченных компаний Степанова в «Кредит-Свиссе» стали отправной точкой в создании «дорожной карты», а точнее, базы данных расчетов клиринговых банков.

Вадим прогнал эти компании по базе, и действительно, переводы на их счета подтвердились и оставили банковский след. Он вел нас к следующим компаниям, уходя всё дальше и дальше. В итоге мы проследили весь банковский путь этих 11 миллионов из российского казначейства через «Универсальный банк сбережений», молдовские и латвийские банки в Швейцарию.

Джон Москоу был прав: каждый доллар при переводе на долю секунды оставляет свой банковский след в Нью-Йорке. И даже несмотря на то, что деньги прошли одиннадцать разных уровней, база данных показала их все.

Если наши враги думали, что смогли замести все следы, прогнав украденные деньги через множество банковских счетов в разных странах, то они ошибались. Мы открыли магическую силу нашей «долларовой базы» и намеревались прибегнуть к ней еще не раз.

Финросфорум

Весна-лето 2010 года

Отмывание денег часто считают чисто финансовым преступлением, в котором нет пострадавших. Но не в нашем случае. Пострадавшей стороной был Сергей, а виновной — самодовольные, ехидно улыбающиеся менты, получившие свои барыши от преступления, за раскрытие которого Сергея убили.

Обычно мы представляем себе милиционеров как людей в потертой форме за рулем стареньких служебных жигулей, но в случае с майором Карповым и подполковником Кузнецовым всё было совсем не так.

Они не носили форму, предпочитали дизайнерские итальянские костюмы с обязательным аксессуаром — дорогущими «котлами»* на руке. С Карповым случай вообще вопиющий: он постил на своей страничке «ВКонтакте» фотографии с вечеринок и из зарубежных поездок спустя всего несколько месяцев после преступления.

Его наглость выводила из себя, он будто насмехался над всеми.

* «Котлы», «котел» — в криминальном жаргоне название ценных наручных часов; считается, что слово приобрело такой смысл, потому что в лагерях для заключенных, занятых на разных стройках, о перерыве на обед, а также о начале и окончании работы извещали с помощью списанных с кухни котлов. В такую посуду звонили, как в колокола. Впоследствии это слово стало использоваться вне контекста и перешло в жаргон. (Примеч. переводчика.)

Павел Карпов (слева)
с друзьями на вечеринке
(© ТОСНКА.NET)

У большинства тех, кто посмотрел наши ролики о них на «Ютьюбе», возникало здоровое желание задать этим ментам так, чтобы с их лиц сошла наглая усмешка. Сделать это, в частности, можно было, запретив им и их коррумпированным коллегам держать деньги, заработанные грязными делишками, в западных банках или тратить их на отдых и шикарные заграничные путешествия. Эта идея постепенно нашла свое воплощение в проекте закона Магнитского, который вводил запрет на выдачу виз и замораживал активы тех, кто попирает права человека, включая палачей Сергея.

Эта идея получила поддержку в Вашингтоне, когда сенатор Бенджамин Кардин (от демократической партии штата Мэриленд) сделал ее своей приоритетной законодательной инициативой. Вскоре благодаря сенаторам Джону Маккейну, Роджеру Уикеру и Джозефу Либерману эту инициативу одобрили в обеих правящих партиях.

Поддержка закона Магнитского в Америке имела огромное значение, но коррумпированные российские чиновники проводили большую часть времени и тратили деньги в Европе, останавливаясь в фешенебельных отелях

Куршевеля, Марбельи и Сардинии. Они устраивали своих детей в пансионаты Швейцарии, а сами посещали показы мод в Милане с любовницами, пока жены проводили время на спа-курортах Лазурного берега Франции.

Чтобы уязвить этих людей в самое больное место, нам нужен был европейский закон Магнитского.

Но Европа — это совсем другой политический зверь. В отличие от Штатов, в Евросоюзе 28 стран-членов (было до Брекзита) с множеством мутных пропутинских шкурных интересов.

Чтобы склонить европейцев к принятию аналогичного закона, я начал с Европарламента — законодательного органа Евросоюза, чем-то схожего с американским Конгрессом, только депутатов вдвое больше.

Так как их было очень много, я понятия не имел, с какого бока подступиться; но неожиданно у меня появился проводник — финский депутат от партии «Зеленый союз» Хейди Хаутала. Хейди возглавляла комитет Европарламента по правам человека и активно защищала жертв путинского режима. Она стала известной после участия в мирных акциях протеста в Москве, где митингующих избивали и арестовывали. Эта смелая женщина могла бы стать надежным союзником в нашем деле.

Я встретился с Хейди в Брюсселе в конце мая 2010 года во время своего первого посещения Европейского парламента. В лабиринте его зданий так же легко запутаться, как и в самой Европе. Современные здания соединены со старыми, повсюду эскалаторы, лифты и лестницы причудливых форм, а кабинеты будто специально пронумерованы так, чтобы депутатов невозможно было найти. Ощущение, что ты в доме, который построил Мауриц Эшер.

Наконец я отыскал небольшой кабинет Хейди. Меня встретила невысокая блондинка с короткой прической, на вид около сорока, с сильной деловой хваткой. (Я бы-

стро уяснил, что на финском ее имя звучит «Хей-ди», а не «Хай-ди» на американский манер.)

Я присел напротив нее и рассказал ей о Сергее и о проекте закона Магнитского. Когда я рассказывал о растущей поддержке этого законопроекта в Америке, она одобритительно кивала.

— Это прекрасная идея; я считаю, такой закон необходим и для Европы.

— И я так думаю. Вы сможете мне помочь?

— Конечно, но вы должны понимать, что имеете дело с очень запутанной системой. — Она обвела руками комнату, имея в виду Европейский парламент. — Чтобы сдвинуть эту махину с места, вам понадобится помощь русских. Я имею в виду, хороших русских! В идеале — известных правозащитников.

Она была слишком хорошо воспитана для того, чтобы сказать мне прямо: англичанин американского происхождения, ранее управлявший инвестфондом, а теперь возглавивший правозащитную кампанию по борьбе с засильем российской коррупции, вызовет в Брюсселе больше раздражения, чем симпатии. Европа всегда была эгалитарной, здесь успех в бизнесе воспринимается неодобрительно. В Германии, например, инвестфонды называют не иначе как «Heuschrecke», дословно — «саранча», а в переносном значении — «жадность».

— К сожалению, я не знаком ни с одним правозащитником, — ответил я.

— Ничего, я знакома. Приезжайте в Хельсинки, и я вас представлю.

В июле в историческом месте под Хельсинки Хейди планировала проводить «Финско-российский гражданский форум», сокращенно «Финросфорум», который собрал бы вместе всех известных российских оппозиционеров и правозащитников.

— Приезжайте! Расскажите о законе Магнитского! — пригласила она.

— Конечно, — кивнул я.

С одной стороны, это была отличная идея, но с другой — поездка в страну, имеющую 1341 километр общей границы с Россией, немного пугала. Такое соседство гарантировало огромное количество русских.

Но не мог же я упустить этот шанс из-за страха! 20 июля 2010 года я отправился в Хельсинки вместе с Вадимом. С нами ехали три телохранителя: впервые с начала двухтысячных, со времен моего противостояния российским олигархам, я был снова вынужден прибегнуть к их услугам.

В первую же минуту нашего пребывания на форуме мы почувствовали себя не в своей тарелке. Только мы одни были в костюмах, да еще в тени трех громил, следующих за нами по пятам. Я походил на олигарха, а именно с ними боролись все присутствующие. Казалось, многие возненавидели меня с первой минуты, и на их месте я, наверное, почувствовал то же самое.

Хейди разговаривала с небольшой группой участников форума. Она тепло встретила меня и представила российским диссидентам и оппозиционерам, блогерам, журналистам и правозащитникам.

Никто из них не знал, что я за фрукт, поэтому все предпочитали держаться на расстоянии, кроме одного человека — документалиста Андрея Некрасова. Это был молодой интеллектualan пятидесяти с небольшим лет с копной седых волос. Он был любовником Хейди и прибыл на форум с небольшой съемочной группой, чтобы задокументировать происходящее. Андрей только что закончил фильм о судьбе Александра Литвиненко, бывшего эфэсбэшника, которого отравили радиоактивным полонием в центре Лондона.

Пользуясь случаем, он попросил меня об интервью, чтобы я рассказал о Сергее, и я с удовольствием согласился.

За день до моего выступления на форуме я встретился с Андреем в атриуме здания, куда проникал мягкий свет. В ходе нашей долгой беседы Андрей задавал серьезные вопросы. Его интересовало всё, что было связано с убийством Сергея. Он пришел в негодование от содеянного властью и всех их последующих попыток замести следы.

Андрей хотел, чтобы это интервью стало началом чего-то большего. Он задумал снять фильм и попросил меня встретиться с ним еще несколько раз, а также познакомить его с вдовой и мамой Сергея. «Конечно, — ответил я на все просьбы, — конечно».

Даже если бы моя речь на форуме не имела успеха, встреча с Андреем уже окупила мою поездку с лихвой.

Во второй половине следующего дня я вошел в просторную аудиторию, облицованную деревом, и занял место в президиуме выступавших. Зал был заполнен людьми и гудел на разных языках: русском, английском и финском. Холодный прием предыдущего дня сменился на некое спокойствие после того, как Хейди познакомила меня с участниками форума.

Россияне были хорошо знакомы с историей, произошедшей с Сергеем, но не со мной. Я рассказал, что связывает меня с Сергеем, и после того, как я изложил идею закона Магнитского, зал оживился.

Кому, как не россиянам, знать, как притесняют граждан, нарушают их права и сколько несправедливости обрушивает на них путинский режим. Друзья бесследно исчезают, родных преследуют, их лишают средств к существованию, приговаривают к уголовным срокам — в большинстве случаев за «преступные» выступления против режима. И несмотря на все протесты, ничего не меняется.

Борис Немцов (© EVGENIY FELDMAN/NOVAYA GAZETA)

И тут появляюсь я, странный управляющий инвестфондом с американским акцентом, и рассказываю им, что есть способ что-то изменить и наказать Путина и его прихвостней. Всем в зале было понятно, что режим ценит деньги больше, чем человеческую жизнь, и, кроме того, что все коррупционеры держат деньги на Западе. Все понимали, что закон Магнитского сможет ударить в самое сердце путинского режима. А самое главное — Кремль никак не сможет повлиять на ввод этих санкций.

Сразу после выступления ко мне подошел мужчина лет пятидесяти с ровным загаром, в голубой льняной сорочке и белых брюках. Он выглядел так, будто только что сошел с яхты где-нибудь на Капри. Я не видел его раньше, но узнал бы его из тысячи. Он протянул мне руку со словами: «Господин Браудер, меня зовут Борис Немцов».

Невероятно!

Борис Немцов — человек-легенда. В свое время он был первым заместителем премьер-министра в правительстве президента Ельцина, и многие прочили ему роль преемника, но, столкнувшись с путинской коррупцией и произволом, Борис стал одним из самых ярких критиков этого режима. Его несколько раз арестовывали за проведение несанкционированных митингов. Он был автором докладов о незаконном обогащении Путина. Он был неподкупен и бесстрашен.

В течение жизни мы не так часто встречаем людей абсолютной харизмы. Борис был одним из них.

— Ваш закон Магнитского — это гениально, — продолжил он. — Но реалистично ли это?

— Не знаю. Это мой дебют как правозащитника. Хейди посоветовала мне заручиться поддержкой российской оппозиции, чтобы сделать это реальностью.

— Я поддерживаю вас, господин Браудер, — вызвался он.

— Просто Билл. Спасибо вам.

Он улыбнулся.

— Билл, давай сделаем так, чтобы этим мерзавцам икалось каждый раз при упоминании имени Сергея Магнитского.

С этого момента Борис Немцов стал моим соратником в борьбе за справедливость в отношении Сергея и продвижении закона Магнитского по всему миру.

Кембриджский симпозиум по противодействию преступности

Лето — конец 2010 года

Присоединение Бориса к нашей команде увеличило шансы принятия закона Магнитского не только в Америке, но и в Европе, во много раз.

Но было ясно, что даже в лучшем случае на принятие законов уйдут годы, поэтому мы сосредоточились на том, что могли сделать уже тогда, а именно на миллионах Владлена Степанова в банке «Кредит-Свисс» в Цюрихе.

Для того чтобы заняться ими, не нужны были новые правозащитные законы. Эти деньги были получены преступным путем и попадали под законодательство о противодействии легализации преступных доходов. На этом основании их можно было арестовать и конфисковать. Если бы удалось убедить власти Швейцарии начать уголовное расследование, это существенно подорвало бы позиции наших врагов.

Оставался один вопрос: как это сделать?

Кроме моего скромного опыта в детском патруле полиции Чикаго, я никогда не общался с правоохранительной системой на Западе, но отсутствие опыта меня не останавливало. Когда я запускал фонд Hermitage, я знать не

знал, как управлять фондом, не знал ни одного человека в России, не говорил на русском, но всё же преодолел все препятствия, с головой погружаясь в новые для меня области. Я обзванивал своих однокурсников по университету, изучал непонятную финансовую литературу, ходил на бизнес-семинары и не упускал возможностей понять, как заниматься инвестициями в России.

Безусловно, общаться с правоохранительной системой Запада — это совсем иное. В отличие от России, в которой после краха коммунизма не было никаких правил, в том числе правил работы на фондовом рынке, правоохранительная система Запада всё же имела вековые традиции, законы и прецеденты. Но я решил попробовать применить тот же самый подход и посмотреть, что из этого выйдет.

Я начал с семинаров. Единственный семинар по этой теме, о котором я знал до этого момента, был тот самый Кембриджский симпозиум по противодействию преступности, где в 2008 году я встретил Джона Москоу и пригласил его в наш офис. Я поискал его в «Гугле». Полное название звучало так: Кембриджский международный симпозиум по противодействию экономическим преступлениям. Убедительно! Симпозиум проводился ежегодно в начале сентября в колледже Христа Кембриджского университета, в часе езды поездом от Лондона.

Судя по программе симпозиума, на нем ожидалось сотни чиновников из правоохранительных органов. Более того, на второй день работы было запланировано выступление швейцарского прокурора по вопросам борьбы с отмыванием денег и экономическими преступлениями.

Я решил съездить туда и попробовать «поймать» этого швейцарского прокурора.

Зарегистрировавшись и оплатив оргвзнос, 5 сентября 2010 года я отправился в Кембридж с вокзала Кингс-Кросс. Забросив вещи в ближайшую к университету го-

стиницу, «Хилтон Дабл-Три», я нашел колледж, получил бейдж участника на стойке регистрации гостей и вошел в зал приемов. Там я стал всматриваться в толпу участников. Было очень оживленно, люди разговаривали, смеялись, попивали напитки, громко радовались встрече с теми, кого давно не видели. Я не ожидал, что на симпозиуме правоохранителей будет такое веселье.

Я попытался найти в толпе кого-нибудь из официальной делегации Швейцарии, но быстро понял, что это бесполезно, и стал просто бродить, читая имена на бейджах и пытаясь завязать разговор.

Но и это было сложно. Похоже, все знали друг друга, а мой бейдж с надписью «*Hermitage Capital Management*» никому ничего не говорил.

В очереди за напитком я обратил внимание на бейдж стоящей за мной женщины — «Финансовый регулятор Карибских островов». Это, конечно, далеко от Швейцарии, но на Карибах зарегистрировано много отмывочных компаний, поэтому такое знакомство могло быть полезным.

Я представился и объяснил, зачем приехал. Она вежливо слушала и кивала, но, получив свой напиток и бросив взгляд на мужчину в стороне, с которым ей явно хотелось поболтать, оборвала меня на полуслове фразой: «Было приятно познакомиться, господин Браудер», — и ретировалась.

Я продолжил бродить по залу со стаканом диетической колы в руке, тщетно пытаясь завязать нужное знакомство. Через некоторое время раздался удар гонга, и толпа стала перетекать в обеденный зал. Он напомнил мне трапезную из книги про Гарри Поттера, которую я читал своим детям: высокие своды потолков, деревянные инкрустации, картины XVI века, писанные маслом. Рассадка гостей была произвольной, и некоторые группы друзей и коллег занимали столы целиком.

В поисках свободного места я увидел дружелюбно улыбающегося человека и воспринял это как приглашение. На его бейдже было написано: «Генеральный прокурор Буэнос-Айреса». Мы приятно поболтали во время обеда, но, к сожалению, прокуратура Аргентины ничем не могла нам помочь.

После обеда последовал очередной раунд обмена любезностями за кофе и десертом, но неловкость всей ситуации меня расстраивала, а швейцарского прокурора я так и не нашел. Но я не терял надежды: в любом случае, он должен был объявиться на запланированном выступлении.

Свежее утро следующего дня и вкусный завтрак поправили мое настроение. Я отправился в один из лекционных шатров, специально разбитых на зеленых лужайках университета для проведения лекций по темам симпозиума. Я не помню толком, о чем была речь швейцарского прокурора — это была одна из самых скучных презентаций, на которых мне довелось присутствовать, но, похоже, всем остальным она понравилась. Да, в их мире я определенно был чужим.

После презентации я подошел к подиуму и дождался, пока прокурор ответит на все вопросы. Наконец, мы остались одни, и я представился.

Было абсолютно очевидно, что он не желал со мной разговаривать, но отступать было некуда. Я начал с нашей истории и закончил 11 миллионами долларов на счетах в банке «Кредит-Свисс». «Как вы думаете, этого достаточно, чтобы заинтересовать правоохранительные органы Швейцарии начать расследование?» — спросил я.

Прочитав мое имя на бейдже, он грубовато ответил: «Господин Браудер, ваша ситуация понятна. Если у вас есть жалоба, то подайте ее в генпрокуратуру города Берна». Затем прокурор развернулся и ушел, не протянув мне даже визитки. Сейчас я понимаю: наверное, было наивно ожидать другого ответа на просьбу случайного гостя сим-

позиума открыть уголовное расследование в Швейцарии. Этот симпозиум всё же обсуждал аспекты права, а прокуроры в первую очередь следуют правилам.

Прогуливаясь по кампусу колледжа, я ругал себя за глупую затею с приездом в Кембридж и хотел уже уезжать, как вдруг заметил знакомое лицо. Джон Москоу!

Конечно, он здесь. Это же его мир и его люди.

Я заметил его раньше, чем он меня. Я всё еще очень злился: как он мог бросить Сергея и нас? Но было слишком поздно: мы двигались навстречу друг другу. Я был уверен, что он пройдет мимо, но, как только мы встретились глазами, он как ни в чем не бывало протянул мне руку.

— Билл! Что ты тут делаешь? — воскликнул он.

— Да вот, ищу тех, кто бы мог помочь с делом Магнитского, — ответил я на рукопожатие и постарался справиться со своими чувствами.

— Я знаю пару таких людей, — ответил он.

В чем бы ни была причина его внезапного расположения ко мне, он всё же был одним из титанов юриспруденции, и было бы глупо сейчас его критиковать.

Пока мы болтали, утренняя сессия симпозиума подошла к концу, шатры опустели, и зеленую поляну сразу наводнили юристы. Джон осмотрелся и, заметив кого-то в толпе, направился к нему, а мне помахал, чтобы я шел за ним. Мы подошли к мужчине приблизительно моего возраста, в синем официальном костюме, белой сорочке и красном галстуке. С виду он казался американцем.

— Адам, хочу представить тебе Билла Браудера, — сказал Джон, протягивая ему руку. — Билл, знакомься, это Адам Кауфман. Он из прокуратуры Нью-Йорка, где я раньше работал.

Пока мы разговаривали, народ начал передвигаться в сторону «трапезной» на обед. Адам пригласил нас составить ему компанию.

Мы втроем расположились за тем же столиком, за которым я обедал днем ранее. Оставив пиджаки на спинках стульев, мы пошли за едой. Выглядела она совсем не аппетитно. Меню было будто из студенческой столовой: говяжий рулет «Веллингтон» с зеленым горошком на пару, сосиски в тесте и недоваренные макароны. Но мне было не до еды.

Я спешил рассказать Адаму нашу историю, но нас постоянно перебивали его знакомые, проходившие мимо нашего столика. Его внимания искали многие. Он заметил, что вся эта суматоха меня расстраивает, и предложил встретиться «без дураков» в Лондоне в конце недели. Это было большим облегчением.

Мне было нечего больше делать в Кембридже, и после обеда я уехал.

Адам пришел в наш лондонский офис на Голден-Сквер в последний рабочий день той же недели. Я рассказал ему об афере с 230 миллионами долларов наших налогов, об убийстве Сергея и показал документы по Швейцарии.

— Если вы сможете найти какие-нибудь хвосты этого преступления в Нью-Йорке, я возьмусь за него, — ответил он на мой рассказ.

Я чуть не прыгал от радости. Ведь благодаря Джону Москоу «хвосты этого преступления в Нью-Йорке» у нас как раз были — все эти платежи в долларах оставили свой след, пусть и секундный, в банках Нью-Йорка, «Джи-Пи-Морган» и «Ситибанк».

Адам не разделял моего восторга.

— Это жидковато. Вот если бы деньги были на счетах в Нью-Йорке или вложены в недвижимость, тогда это был бы «хвост». Тогда мы могли бы с этим что-то сделать.

Если этот «хвост» существует, то мы обязаны его найти.

«Вешай» всё на мертвецов

Конец 2010 года

2008 год, обычный теплый сентябрьский московский вечер. Мужчина пятидесяти семи лет, русский, с виноватым лицом и жесткими усами, ехал из центра к строящейся высотке около Московского государственного университета. Мерседес с персональным водителем, в котором он двигался, принадлежал одному из друзей Дмитрия Ключева, владельца «Универсального банка сбережений».

На строительной площадке мужчину ждал риелтор. Оба надели строительные каски и, проделав длинный путь, поднялись на 17 этаж в пентхаус.

Высотка была еще «в бетоне»: ни дверей, ни окон, ни перил на балконах. Что именно произошло дальше, доподлинно не известно, но вскоре после приезда мужчина выпал с балкона семнадцатого этажа. Его изломанное и искореженное тело нашли на земляном отвале. Водитель, который оставался в машине, сказал полиции, что не видел падения. То же самое сказал и риелтор. Полиция списала произошедшее на несчастный случай. Звали этого мужчину Семён Коробейников.

За шесть месяцев до этого другой мужчина прибыл на поезде в Бердянск на встречу со своими четырьмя товарищами. Все они были компаньонами Дмитрия Ключева с криминальным прошлым и уголовными сроками за пле-

чами: от воровства и разбоя с отягчающими до неумышленного убийства.

Загрузившись в поезд, они отправились дальше, в Киев, где провели несколько недель. В апреле четверо из пяти товарищей вернулись в Россию. Согласно свидетельству о смерти, пятый скончался 30 апреля в Борисполе, рядом с основным аэропортом Киева. Причина смерти — цирроз печени. Его звали Валерий Курочкин. Ему было 43.

1 октября 2007 года, за год до того случая с падением с семнадцатого этажа, третий мужчина, в прошлом музыкант и ночной сторож из Баку, проводивший дни за бутылкой в московском дворе, скончался в своей квартире. Официальная причина смерти — сердечная недостаточность. Его звали Октай Гасанов. Ему было 53 года.

Казалось бы, какое отношение эти три преждевременные, на первый взгляд не связанные между собой смерти имеют отношение к нам? Согласно российским официальным лицам — прямое.

15 ноября 2010 года, за день до годовщины убийства Сергея, я был у себя в кабинете, в лондонском офисе, погруженный в свои мысли. Вошел Вадим, которого я заметил не сразу.

— Билл? — окликнул он.

— Да? — очнулся я.

— Я говорю, власти только что официально обвинили Сергея в воровстве 230 миллионов долларов!

Вадим показал мне стенограмму утренней пресс-конференции МВД в Москве и статью в «Коммерсанте».

Похоже, Кремль состряпал очередную теорию заговора: якобы Сергей подготовил все документы для налоговой аферы и передал их алкоголику Октаю Гасанову, а тот, в свою очередь, отдал их своим подельникам. Один из них, бывший зэк Валерий Курочкин, подписал все поддельные документы на мошеннический возврат налогов

и отнес в налоговую инспекцию. Как только деньги из казны были выплачены, Семён Коробейников — тот, что разбился насмерть, выпав с семнадцатого этажа, — отмыл эти деньги в банке. И как утверждало МВД, банк принадлежал именно ему. Этим банком был «Универсальный банк сбережений», который, как мы точно знали, принадлежал Дмитрию Ключеву. Ни в стенограмме пресс-конференции, ни в статье «Коммерсанта» имя Ключева упомянуто не было.

— Кто они такие? — спросил я.

— Не знаю, — ответил Вадим. — Но их объединяет одно — они все мертвы.

— Не понял. Их всех убили?

— Понятия не имею. Они могли умереть и своей смертью, но ясно одно, они уже не смогут защищаться в суде или объяснить, что произошло на самом деле, — ответил Вадим.

— Нам надо узнать, кто такой Ключев на самом деле.

— Уже приступил.

Вадим хоть и прекрасный малый, но ужасно неорганизованный. В офисе невозможно найти ни одного человека, который хотел бы сидеть с ним рядом. Его стол похож на помойку: сплошь заваленный бумагами, причем они всегда переползают и на соседние столы, занимая всё свободное пространство. Спустя неделю после того, как он «занырнул в глубокую разработку» Ключева, его бумажные завалы превысили даже ожидания привычных к этому коллег. Выросли горы документов на русском языке.

— Что это? — брезгливо спросил я, проходя мимо.

— Это файлы Михайловского ГОКа.

— Михайловского ГОКа?

— Это горно-обогатительный комбинат. МВД не первый раз вытаскивает Ключева из передраг. В 2006-м его самого и его «Универсальный банк сбережений» поймали на кра-

Павел Карпов (на экране в центре) (© HERMITAGE)

же акций Михайловского ГОКа стоимостью в 1600 миллионов долларов у одного из российских олигархов.

— Не думаю, что олигарху это понравилось, — усмехнулся я.

— Конечно, нет. Он и открыл уголовное дело против Ключева. Угадай, кому поручили его расследовать?

— Даже не представляю.

Вадим вытащил из-под кучи бумаг диск, подошел к моему компьютеру и вставил его в дисковод. Это был документальный фильм о расследовании аферы с Михайловским ГОКом, который он нашел в интернете. Он остановил кадр на моменте, когда трое молодых людей нависли над грудой папок с документами.

— Узнаешь? — спросил он, указывая на человека в середине кадра.

Я всмотрелся в экран. Мне было видно только опущенную голову мужчины в центре, но хватило и прически.

— Это же Карпов! — Это был он, транжир, эмвэдэшник, участник аферы с хищением 230 миллионов долларов.

— Ага. А теперь посмотри сюда.

Вадим вывел на экран два списка с авиаперелетами Ключева и Карпова и указал на выделенные желтым даты.

— Они вместе летали в Ларнаку, когда Карпов «расследовал» дело Ключева.

— Удивительно. — Хотя чему тут было удивляться.

Вадим вытащил папку с прошнурованной стопкой бумаги. Это был приговор по уголовному делу Ключева.

— Ключев был признан виновным, но получил условный срок.

— То есть никто не сел?

— Нет, почему, двоих посадили. Водителя Ключева и какого-то администратора-помощника.

— А они действительно были причастны?

— Кто знает? Оба скончались до суда. Одному было тридцать девять, второму сорок шесть.

— Дай угадаю. Сердечная недостаточность?

— Она!

По моей спине побежали мурашки. Это же *modus operandi* Ключева: совершать преступления и «вешать» их на мертвецов. Мы никогда не узнаем, как погибли эти люди. Конечно, можно предположить, что они умерли своей смертью, но это не делает Ключева и его ОПГ менее страшной.

Вадим продолжал копать. Вскоре мы узнали, что Ключев служил в спецназе в Афганистане в военной разведке в конце 1980-х. В конце 1990-х его имя фигурировало в милицейских сводках. Его обвиняли в разбое и грабеже. Спустя несколько лет он снова засветился: они с женой едва избежали покушения. Убийца поджидал их на парковке дайнера «Старлайт» — московской круглосуточной забегаловки, популярной среди экспатов и москвичей среднего класса.

Несмотря на такой богатый послужной список, Вадим смог найти только одну фотографию Ключева — старый

Дмитрий Ключев

снимок мужчины лет сорока, ничем не примечательного, можно даже сказать, приветливого, лысого, как коленка.

Последующий поиск перестал приносить новые результаты, поэтому Вадим решил побеспокоить свой источник в Москве. Мы называли его Аслан. Он работал в ФСБ, но оказался втянут в междоусобицу с теми же чиновниками, что прессовали нас.

Аслан довольно часто делился информацией с Вадимом, но делал это не по зову сердца, а по заветам Макиавелли. Опыт работы с ним показывал, что ему можно доверять.

Во время разговора Вадим спросил о Ключеве, но в ответ повисло молчание.

— Зачем он тебе? — спросил Аслан после затянувшейся паузы.

— Похоже, именно он в центре всех наших дел, — ответил Вадим. — Кто он такой?

— Слушай, разговор о нем сам по себе опасен, — приглушенно сказал Аслан. — Он мафиози. Разъезжает на бронированном брабусе с тремя машинами эскорта, везде ходит с крепкой охраной.

— А почему его крышует МВД?

— Вадим, они работают на него. По слухам, ему честь отдают, как генералу, когда он появляется в министерстве.

Аслан закончил разговор на зловещей ноте.

— За Браудером и вашей командой идет охота, но что-то я разболтался... Будь осторожен, Вадим, и смотри в оба.

Швейцарская жалоба

Зима-весна 2011 года

Предостережения Аслана — не пустые угрозы. Мы знали, что они повесят на нас все свои преступления, и очень опасались за свои жизни. Я не знал, как обезопасить нас от этой мафии, и это меня ужасно тяготило, но понимал, что если власти Швейцарии действительно начнут полномасштабное расследование в отношении Степановых, то Кремлю будет тяжело продолжать обвинять нас в их же преступлениях. Это могло снизить и вероятность физической расправы. Такой шаг выглядел логичным, да и выбирать было не из чего.

Мы были готовы подавать заявление в прокуратуру Швейцарии в начале 2011 года, но, прежде чем опустить его в почтовый ящик в Берне, уповая на чудо — что кто-то прочтет его и начнет настоящее расследование, я решил еще раз попытаться найти влиятельного союзника в Швейцарии, который помог бы ускорить процесс.

Такой случай представился мне в конце января в Давосе на Всемирном экономическом форуме.

С 1996 года я ежегодно посещал Давосский форум и 25 января отправился самолетом из Лондона в Цюрих, а оттуда поездом через Альпы в течение трех часов. Давос был завален снегом и швейцарскими военными с их блокпостами, и снайперами на крышах. Все эти меры должны были защитить ВИПов со всех концов света, снизо-

шедших до этой забытой в остальное время года горной деревушке.

По приезде я поселился в отеле «Конкордия», скромной трехзвездочной гостинице рядом с Центром конференций, но с весьма нескромной ценой — 500 швейцарских франков, или 520 долларов, за тесный номер с душем за ночь. Но грех жаловаться: кому действительно не повезло, так это тем гостям форума, которым пришлось жить в гостиницах соседней деревни, Клостерс, и ездить дважды в день в Давос и обратно, тратя полчаса на дорогу в одну сторону.

Официальный девиз Всемирного экономического форума того года — «Великое преобразование мира». На самом же деле большинство участников форума — это миллиардеры, диктаторы, высокооплачиваемые управляющие из списка «Форчун-500», которым нет никакого дела до преобразования мира, а тем более до великого. Некоторым нужно ровно обратное.

Но чтобы поддерживать видимость этой благородной миссии, форум приглашает горстку людей, которым она небезразлична. Одним из них в 2011 году был эксперт по уголовному праву, криминалист, швейцарец Марк Пит. В начале 1990-х он работал в швейцарской прокуратуре и возглавлял отдел по борьбе с экономическими преступлениями и организованной преступностью. Позже защитился, получил степень профессора по уголовному праву в Базельском университете и стал одним из ведущих мировых экспертов по борьбе с коррупцией и отмыванию преступных доходов.

Каждый участник форума тщательно планирует свой график встреч, чтобы оправдать ежегодный взнос — в 2011 году он составлял 50 тысяч долларов. Конечно, добиться личной встречи с такими людьми, как Билл Гейтс или Ричард Брэнсон, практически невозможно. Но на

встречу с экспертами по уголовному праву и противодействию отмыванию преступных доходов, к счастью для меня, очереди нет. Скорее даже наоборот: многие предпочли бы держаться подальше от людей типа Марка Пита.

В день моего приезда у нас с Марком была запланирована встреча в одном из исторических швейцарских шале, гостинице «Мейерхоф». Это от Конгресс-центра вниз по главной улице Променад. Когда я пришел, Марк как раз заканчивал встречу с мужчиной, в котором я узнал главу «Тоталь», французского нефтегазового гиганта, в то время погрязшего в коррупционных скандалах. Он казался спокойным, но, наверное, имел влиятельных врагов, так как с обеих сторон от него стояли громадные телохранители в кожаных пиджаках.

Как только Марк освободился, я поприветствовал его, и мы пошли искать свободный столик подальше от этих ребят. Среди них не было россиян, но всё же я не хотел, чтобы они слышали наш разговор.

Выбрав столик в укромном уголке ресторана, мы решили позавтракать. На вид Марку было примерно 60, седые волосы зачесаны назад, сам он был худощавый, с задорной улыбкой. Рассказав немного о себе, я перешел к истории о Сергее, о котором он уже немного слышал. Я достал проект нашего заявления и положил перед ним на стол.

Дав ему минутку бегло пролистать документ, я открыл страницу со схемой движения денег из «Универсального банка сбережений» через банки Молдовы и Латвии на счета в «Кредит-Свисс». Глаза Марка загорелись.

— И всё это вы сможете документально подтвердить? — озадаченно спросил он.

— На сто процентов.

— Откуда у вас данные? Я так понимаю, что не от российских правоохранительных органов.

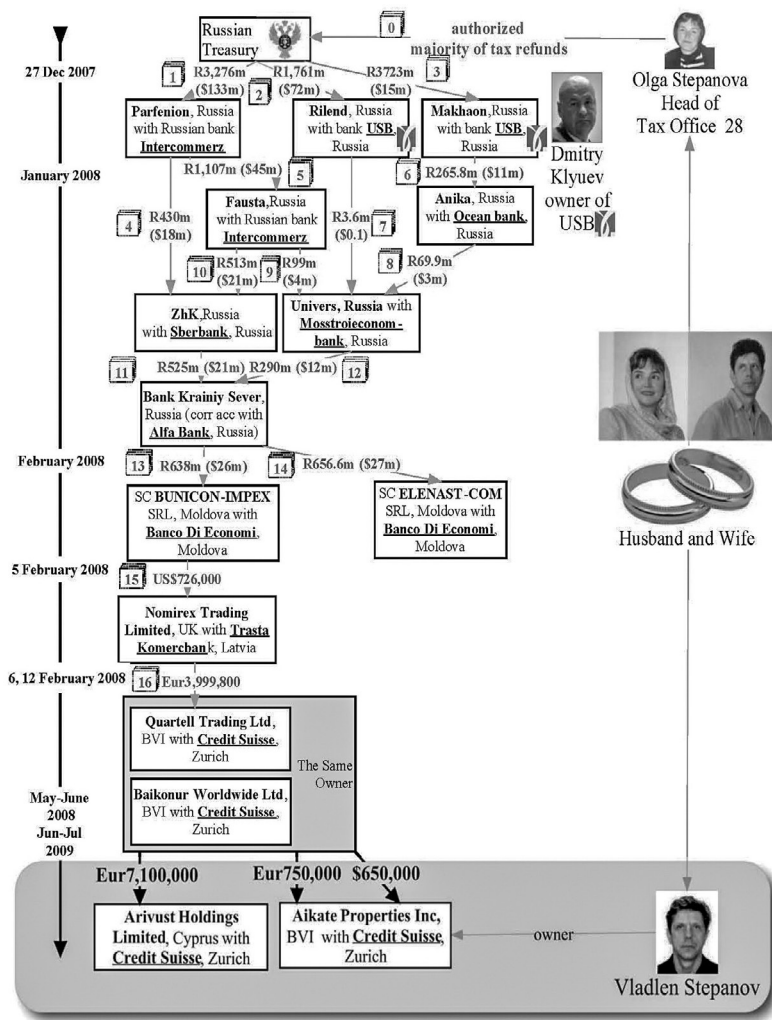

Схема движения денег из Российского казначейства на швейцарские счета Степановых (© HERMITAGE)

— Нам помог информатор. Он передал нам выписки банка «Кредит-Свисс», а долларовые проводки мы получили по судебному запросу в Нью-Йорке.

— Впечатляет, господин Браудер.

— Спасибо, я передам. Большая часть работы была проделана моим коллегой Вадимом Клейнером. Я планиро-

вал подать это заявление в Берне, но потом подумал, что было бы эффективнее, если бы его подал кто-то вашего калибра. Вы не согласитесь?

Он оперся на локти и по-заговорщически наклонился ко мне.

— Мне нужно внимательно всё прочитать и обдумать. Это важно для меня: я борюсь с такими преступлениями много лет. Конечно, мне интересно, особенно если всё в вашем заявлении обосновано.

Мой график работы в Давосе был плотным: встречи были расписаны на следующие несколько дней, но именно эта оказалась крайне важной. Мне очень хотелось, чтобы Марк согласился.

Сразу после Давоса я отправился в Штаты на встречи в Вашингтоне и Нью-Йорке — на повестке был закон Магнитского, и движение в его поддержку в Конгрессе набирало обороты. Когда я был в Нью-Йорке, мне позвонили. Определитель номера показывал неизвестный номер с кодом Швейцарии. Я ответил. Связь была отвратительная, с треском и разрывами, я практически ничего не мог разобрать и уже собрался нажать отбой, как вдруг услышал знакомый голос.

— Билл? Билл? Это Марк, Марк Пит. Вы слышите меня? — слышимость улучшилась.

— Марк! Как дела?

— Прошу прощения за помехи со связью — я за рулем, в дороге. Я прочитал ваш документ. Очень убедительно. Настолько убедительно, что я очень хочу присоединиться к вашему делу.

— Правда?

Если бы я смог обнять его на расстоянии, то обязательно сделал бы это.

— Если вы не против, я хотел бы подать жалобу как можно быстрее.

Я моментально согласился. На следующий день он перезвонил и сказал:

— Бомба сброшена, теперь посмотрим, где рванет.

Вовлеченность Марка усиливала надежду, но не гарантировала, что власти Швейцарии начнут действовать. По большому счету, прокуроры берутся за дело тогда, когда видят, что смогут его выиграть. И хотя в данном случае доказательства были неопровержимыми, кому как не швейцарцам не знать, что все дела с российским «правосудием» — это всегда мука. Заведомо известно, что кремлевская власть не выполняет обязательств, постоянно пытается пустить всех по ложному следу и всегда лжет, по случаю и без.

Мне предстояло сделать всё, чтобы не дать швейцарцам похоронить наше дело, а лучший помощник в этом — пресса.

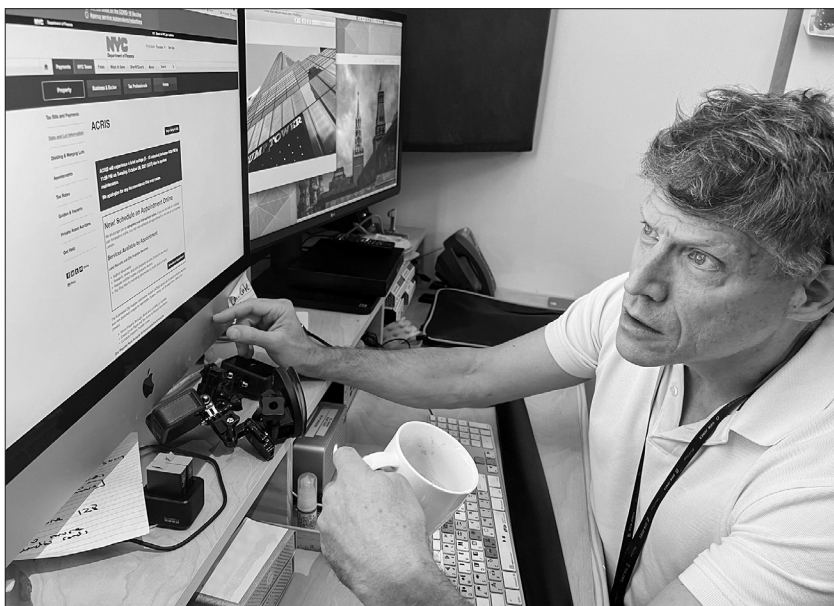
На нашей примирительной встрече с Джоном Москоу на Кембриджском симпозиуме он познакомил меня со своим старым товарищем — репортером еженедельника «Барронс» Биллом Алпером. Джон назвал его лучшим представителем жанра журналистских расследований в Нью-Йорке. Билл ежедневно освещал новости здравоохранения и технологий фондового рынка, а также писал содержательные разоблачительные статьи о коррупции и должностных преступлениях.

Перед тем как вернуться в Лондон, я пригласил Билла на обед в гостиницу «Мандарин Ориентал», на 35-й этаж, с видом на Центральный парк. Он пришел в ресторан в наглухо застегнутой потертой синей парке и выдавших виды кроссовках. Я подумал, что, наверное, ему некомфортно ходить в такие роскошные заведения.

— Вы Билл? — спросил он, приближаясь к столу.

— Я Билл. А вы Билл?

— Виновен, — сострил он.

Билл Алпер, журналист «Барронс» (© BILL ALPERT)

Он понравился мне с первой секунды. Его совершенно не волновал антураж, в который он попал. Всё в нем, начиная с внешности и заканчивая беспечностью, напоминало современного инспектора Коломбо.

Мы начали болтать и быстро поняли, что нас объединяет не только имя — мы оба приходились родственниками знаменитым партийным деятелям Коммунистической партии. Мой дед, Эрл Браудер, был генеральным секретарем Коммунистической партии Америки (1932–1945), а Билл — дальним родственником Максима Литвинова, народного комиссара по иностранным делам СССР при Сталине до начала Второй мировой войны (1930–1939). (Литвинова сменил Молотов, «прославившийся» многим, включая знаменитым «коктейлем».)

Еще один общий момент: нам обоим удалось отдалиться от идей коммунизма настолько далеко, насколько

ко это возможно. Билл стал журналистом на Уолл-стрит, а я — управляющим иностранного инвестиционного фонда в Москве.

До того, как стать журналистом, Билл закончил юридический факультет Колумбийского университета в 1980-х и стал практикующим юристом. Одним из его хобби было просматривать юридические файлы в поисках корпоративных скандалов. Его босс в «Барронс» не был в восторге от интереса Билла к журналистским расследованиям, но, поскольку Билл справлялся со своей текущей работой, босс закрывал на это глаза.

За время обеда я ознакомил Билла с нашим заявлением в прокуратуру Швейцарии. Его реакция была похожа на реакцию Марка Пита, но несколько отличалась. Билл видел в моем рассказе сенсационный сюжет, где было всё: убийство, банковские счета в Швейцарии, информатор, российские коррупционеры и сокрытие преступлений Кремлем.

Выслушав меня, он сказал, что хочет поработать над этой историей.

Но когда я вернулся в Лондон, наши юристы, узнав о моей встрече с Биллом, потребовали притормозить статью, не особенно стесняясь в выражениях. Они считали, что публикация вызовет раздражение у швейцарской прокуратуры и та в ответ может рассматривать наше заявление бесконечно долго или просто сразу отказать.

Я объяснил это Биллу, и он согласился подождать решения прокуратуры.

Мы все ждали ответа из Берна. Ожидание — всегда самая тяжелая часть процедуры подачи. Шли недели. Тишина.

В середине марта я позвонил Марку и поинтересовался, сколько еще нам ждать, но он ответил: «Билл, мы должны запастись терпением. Эти люди работают в другом ритме».

22 марта 2011 года вдруг началось какое-то движение, но не в Швейцарии. В Москве в аферу с хищением 230 миллионов долларов ввели нового игрока. Это был еще один бывший зэк и вор, Вячеслав Хлебников, но, в отличие от предыдущих фигурантов, он был жив.

МВД утверждало, что Хлебников был одним из соучастников преступления. На языке блатных такой человек называется «грузчик» — тот, кто осознанно берет всю вину за преступления соучастников на себя. Он не только покался в хищении, но и «признался», что совершал их вместе с Сергеем Магнитским и еще тремя подставными лицами, правда, уже мертвыми.

Министерство внутренних дел подкрепило это «признание» обширными материалами, пытаясь представить всё законным. Дело было срочно рассмотрено в Тверском районном суде Москвы, но к его материалам у нас не было доступа.

Суд признал Хлебникова виновным на основании его же «признаний» и приговорил к пяти годам колонии (минимальный возможный срок) без компенсации нанесенного ущерба или обязанности указать, где находятся украденные деньги.

Следственные органы постановили, что Ольга Степанова и другие работники налоговых инспекций, которые утвердили незаконный возврат налогов, оказывается, были жертвами преступления, которых «ввели в заблуждение». Они удобно проигнорировали тот факт, что незадолго после аферы на счета мужа Степановой в «Кредит-Свиссе» в Цюрихе поступило 11 миллионов долларов из суммы налоговых возвратов, которые Степанова же и одобрила. Они также проигнорировали, что Степановы проживают в подмосковной резиденции стоимостью 28 миллионов долларов, в особняке, удостоенном всероссийского приза за лучший загородный дом и заре-

Московское поместье Степановых (© ANDREI MAKHONIN)

гистрированном на пенсионерку — мать Владлена. Забыли власти и про их виллу в Дубае за 3 миллиона долларов. При этом совокупный официальный доход обоих супругов составлял немногим более 38 тысяч долларов в год.

В постановлении также не было ни слова о хищении из бюджета 107 миллионов долларов годом ранее, тоже в виде незаконного возврата налогов, который одобрила Степанова. Складывалось впечатление, что для совершивших преступление его просто не существовало.

И тогда я подумал: «Черт с ними со всеми. У них больше не получится беспрепятственно скрывать свои преступления и переписывать доказательства себе в угоду. Мы не будем дожидаться швейцарцев».

Мы с Биллом обсудили эту мысль, и 16 апреля 2011 года в «Барронс» вышла статья «Преступление и наказание в путинской России». Разоблачительное расследование на шести страницах описывало путь грязных денег, рассказывало, как часть из них очутилась на счетах в банке

«Кредит-Свисс», изобиловало фотографиями московской загородной виллы Степановых, разъясняло, как к этому причастен Ключев, и заканчивалось требованием к швейцарским властям начать расследование.

23 апреля, спустя неделю после публикации, Швейцария сделала в точности то, чего от нее требовала публикация. Были арестованы счета Степановых в «Кредит-Свисс» и все 11 миллионов долларов. Это положило начало череде арестов активов по делу Магнитского.

Александр Перепиличный

Лето 2011 — весна 2012 года

Мария-Антонелла Бино, прокурор Швейцарской республики, вызвала меня в Лозанну для дачи показаний в рамках открытого уголовного дела об отмывании преступных доходов.

Швейцария всемирно известна своим нейтралитетом. Звучит хорошо, но зачастую это не так. Безусловно, в Швейцарии подписывают мирные договоры воюющие страны, здесь располагаются штаб-квартиры всемирных организаций, таких как Всемирная организация здравоохранения, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека и т. п. Но швейцарский «нейтралитет» зачастую сочетается с поддержкой самых кровавых диктаторов в мире. Чуть ли не каждый год страну сотрясают скандалы: в швейцарских банках находят спрятанные африканскими вождями или клептократами из стран Центральной Азии сотни миллионов долларов. Швейцарцы, похоже, гордятся своей «неразборчивостью»: для них одинаково хороши и люди с безукоризненной репутацией, и отпетые мерзавцы, пока те приносят прибыль.

Поэтому я переживал, что именно швейцарский «нейтралитет» такого типа помешает нашему делу; но, к счастью, после статьи Билла Алпера швейцарские медиа тоже заинтересовались нами. Когда в швейцарской вещатель-

ной компании «Эс-Эр-Эф» узнали, что я еду в Лозанну, они отправили своего репортера взять у меня интервью.

16 мая я прилетел в Женеву и сел на поезд в Лозанну. Дорога заняла час и пролегла по кромке Женевского озера вдоль красивейших заснеженных Альп. Прежде я здесь не бывал. Лозанна оказалась живописным городом, будто сошедшим с почтовых открыток: продуваемые улочки, старые здания с черепичными крышами, часто встречающиеся церквушки с колоколенками, средневековые башенки и, конечно, озеро.

Утром я отправился в прокуратуру. В отличие от городка, это здание милым назвать было нельзя. Практичное пятиэтажное офисное строение, возведенное в 1970-х, с магазинами на первом этаже и с парковочной площадкой спереди, выглядело скорее антонимом всего «миллого».

Съемочная группа «Эс-Эр-Эф» была уже на месте. Для короткого интервью мы разместились в крытой галерее. Репортер спросил, чего я ожидаю от расследования и появились ли у нас новые доказательства. Я придерживался общей линии ответов, говорил, что, разматывая этот клубок, мы, возможно, выйдем на всю сеть отмывания денег, которую использовали преступники, укравшие 230 миллионов долларов.

Съемка подходила к концу, когда к нам подошла женщина лет сорока в сером костюме.

— Господин Браудер? — поинтересовалась она.

— Да?

— Прокурор Бино, — представилась она, и, бросив взгляд на оператора и репортера, добавила на хорошем английском:

— Здесь нельзя вести съемку.

— Извините, мы уже закончили. — Я показал жестами съемочной группе. — Они останутся снаружи.

— Пожалуйста, следуйте за мной, — с небольшим раздражением произнесла она.

Мы вошли в здание, я предъявил паспорт охране, и мы прошли к лифту. Уже в лифте она с укором произнесла: «Надеюсь, вы понимаете, что расследование — это конфиденциальный процесс. Поэтому прошу вас больше так не делать».

Возможно, мы и начали наше знакомство не с той ноты, но мне было важно дать понять, что если швейцарцы будут проявлять свой «нейтралитет» в этом деле, то весь мир будет говорить об этом.

Комната для дачи показаний была похожа на маленький судебный зал, где прокурор Бино сидела на возвышении, а я — внизу, за столом свидетелей. Там же присутствовали прокурорские клерки, пристав и переводчик. Согласно швейцарским законам, все процедуры должны вестись на одном из официальных языков — в нашем случае на французском. Поэтому прокурор Бино вела опрос на французском, после чего мне всё переводили на английский. Далее я отвечал на английском, а ей переводили на французский. Из-за этого вместо часа с небольшим процесс растянулся на целых пять часов.

Суть слушаний сводилась к простому повторению того, что было уже написано в нашем заявлении, за одним исключением — прокурору Бино очень хотелось знать, как зовут нашего информатора.

Но частью наших договоренностей с Александром Перепиличным было обязательство не разглашать его имени, и именно поэтому я его не назвал. Я говорил о нем как о «человеке», который вышел с нами на контакт. Он сильно рисковал, предоставив нам улики, и я не мог подвергать его еще большему риску. Бино отступила, и наша беседа вскоре закончилась.

Моя осторожность в отношении имени Александра оказалась напрасной. Наши враги в России пристально

сlediли за происходящим в Швейцарии, и в тот же день в Москве муж Ольги Степановой разместил в одном бизнес-издании развернутое интервью, оплатив его на правах рекламы, в котором и рассказал о Перепиличном. «Я уверен в причастности Перепеличного к моей „дурной славе“, поскольку ряд деталей знает только он», — писал Степанов, пообещав «добиваться возмещения ущерба». (Орфография и пунктуация сохранены. — Примеч. переводчика.)

На следующий день корреспондент швейцарского телевидения «Эс-Эр-Эф» на пресс-конференции в Кремле задал вопрос президенту России. В 2008–2012 годах президентом был Дмитрий Медведев; Путин в это время был премьер-министром. Естественно, все рычаги власти в этом театре были у Путина. Журналист спросил: «Господин Президент, ... по делу *Hermitage Capital* и Сергея Магнитского. Федеральная прокуратура Швейцарии ведет расследование по заявлению *Hermitage Capital*, связанное с налоговым мошенничеством в России и возможным отмыванием этих денег в Швейцарии. Будет ли Россия содействовать Швейцарии в этом деле?»

Отвечая, Медведев уклонился от сути вопроса; он начал с того, что это дело серьезное и он обсуждал его с руководителем Следственного комитета и с директором ФСБ, но затем свернул в обычное для него русло: «Не всё так просто, как это иногда представляется в средствах массовой информации, — вещал он. — В этом тоже нужно разобраться и установить круг причастных лиц, как российских, так и заграничных». На их языке это означало, что процесс сокрытия преступления продолжится, а что касается меня, моих коллег и Александра Перепиличного — так мы уже в «кругу причастных лиц, как российских, так и заграничных».

Спустя несколько недель в надежде закрыть это дело Медведев направил своего высокопоставленного «си-

ловика» — генпрокурора Юрия Чайку — на встречу с его швейцарским коллегой.

Впоследствии Генпрокуратура подала два запроса о взаимной правовой помощи (ВПП) в Швейцарию на получение доступа к материалам дела*.

Я видел много безумных поступков российской власти, но чтобы президент России и высший государственный советник российской юстиции открыто и напрямую участвовали в покровительстве организованной преступности как в стране, так и за рубежом? Это было за гранью.

Но похоже, что у них ничего не получилось. Швейцарцы на том этапе не закрыли дело и отказали Чайке в доступе.

Неудача с закрытием дела переносила удар российской власти на Перепиличного.

Для этого эмвэдэшники быстренько состряпали новое уголовное дело, сделав Александра его главным фигурантом. После этого, в начале сентября Андрей Павлов, личный юрист и советник Дмитрия Ключева, связался с Сашей по «Скайпу».

Павлов намекал на возможное решение проблем Перепиличного, но для этого якобы нужно было переговорить тет-а-тет. Они договорились встретиться в аэропорту Цюриха, поскольку возвращаться в Москву Саше было опасно.

Шестого сентября Александр вылетел из Лондона в Цюрих утренним рейсом. Саша не был знаком с Павловым, поэтому надел яркий пиджак апельсинового цвета, чтобы выделяться в толпе. До появления Павлова он хотел по-

* Запросы ВПП (взаимной правовой помощи) базируются на международных соглашениях между странами в целях сбора доказательств и информации, необходимой для следствия и обвинения, по уголовным и гражданским делам. В большинстве случаев страны предоставляют запрашиваемую информацию.

кинуть нейтральную зону аэропорта и быть в юрисдикции Швейцарии. Хотя похищение человека среди бела дня, да еще в аэропорту Цюриха, — вещь крайне маловероятная, но «береженого бог бережет». Заняв свободный столик в кафе «Старбакс» в Терминале-2, он стал ждать.

Около 8:30 он получил сообщение от Павлова. Тот настаивал на встрече в зоне вылета, но Перепиличный был непреклонен. В конце концов Павлов сдался, и они нашли друг друга через 20 минут. Переговоры начались.

Целью Саши было добиться закрытия уголовных дел в России.

Цепь событий, произошедших после разоблачения Степановых, не принесла результатов, на которые рассчитывал Перепиличный, когда предоставлял нам компромат. Скорее наоборот: Степановы стали еще сильнее, чем прежде. Павлов был живым подтверждением этого. Александр понял, что просчитался, и был готов к сотрудничеству.

Целью Павлова было склонить его к публичному признанию, что, мол, деньги Степановых в «Кредит-Свиссе» не имеют никакого отношения к налоговым аферам, а являются доходом от законной предпринимательской деятельности. Павлов, наверное, надеялся, что если это и не расшатает швейцарское дело, то уж точно поможет продолжать скрывать преступления. По формуле «Ты мне — я тебе»: Перепиличный публично опровергает заявления о Степановых, а в ответ все его проблемы в России разрешаются.

Итогом встречи, вероятно, стало согласие Александра подписать такое заявление по мере готовности. На этом переговорщики расстались.

По дороге в Лондон у Саши было время подумать, и по всей видимости, он понял, что предложение Павлова только усугубит ситуацию. Возможно, его проблемы в России

исчезнут, но тогда они возникнут в Швейцарии. Ведь если он заявит, что Степановы не получили денег от аферы с 230 миллионами долларов, то превратится из симпатичного информатора в прожженного соучастника и станет фигурантом расследования швейцарской прокуратуры вместе со Степановыми. Это был выбор из двух зол: уголовное преследование в России, если он не выполнит условий Павлова, или уголовное преследование в Швейцарии, если выполнит.

Скоро Павлов прислал заявление, но Саша отказался его подписывать. Этот шаг сбил Павлова с толку, и он тут же настоял на повторной встрече, на этот раз в аэропорту Лондона — Хитроу.

Разговора на встрече не получилось. Две недели спустя шурина Александра вызвали на допрос в Следственный комитет МВД.

Похоже, что и от него они не смогли добиться того, что хотели. 19 ноября Павлов написал Александру: «[Д]опрос вашего сотрудника очень плохо прошел», «Зря вы так решили сделать... Существует реальная возможность, если вы не приедете на допрос, подготовки в отношении вас обвинения в „дежурном“ режиме, чтобы иметь возможность вас достать через задержание [н]а границе».

Всё это ужасно давило на Александра в период Нового года и Рождества, и в начале января 2012 года он позвонил Вадиму. Они встретились в «Поло-баре» в гостинице «Вестбюри» и сели за столиком около окна.

Саша — коренастый мужчина сорока трех лет с густой копной темных волос — всегда был в хорошем настроении и с прекрасным чувством юмора. Но сегодня он нервничал, выглядел напряженным, постоянно оглядывался во время беседы.

— Что с тобой? — спросил Вадим.

Александр отодвинул чашку чая.

— Я думаю, меня хотят убить, — вырвалось у него.
— Что за чертовщина? — отреагировал Вадим.
— Моим родным в Москве позвонили из ОМОНа. Сказали, что в ходе обыска у наемника по какому-то делу они нашли список, в котором было мое имя.

— Наемника?
— Угу. Какой-то чеченец.
— С чего ты взял, что это правда? Они пытаются тебя запугать уже который месяц.

— Да потому что у них была вся информация обо мне, о моей семье, о нашей жизни здесь, в Англии! Что меня немного успокоило, так это то, что у них наш старый домашний адрес.

— Небольшое утешение, — посочувствовал Вадим.

Как выяснилось позже, этим наемником был Валид Лурахмаев, чеченский убийца в розыске, по кличке «Валидол». По всей видимости, тот, кто придумал эту кличку, имел весьма извращенное чувство юмора: название успокаивающего средства приравнял к окончательному успокоению жертв.

Что предпринять в такой ситуации? Саша решил застраховать свою жизнь в Англии на крупную сумму. В случае, если произойдет непоправимое, это хоть отчасти смягчит боль потери его семье.

Но опасения не помешали ему дать показания. И той весной он, как и я ранее, отправился в Лозанну. 26 апреля 2012 года он как свидетель был официально допрошен прокурором Бино по уголовному делу об отмывании денег Степановыми.

Рубикон был перейден.

Любовная западня

Лето 2012 года

4 июля 2012 года я вылетел из Лондона в Ниццу, на юг Франции, рейсом «Британских авиалиний». В иллюминаторе появилась кромка лазурного берега Средиземноморья и красные черепицы крыш Ниццы. Я по-доброму завидовал другим пассажирам: они улыбались, на многих были шорты и сандалии, все явно летели в долгожданный отпуск. А на мне был деловой костюм.

Я направлялся на заседание Парламентской ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ПА ОБСЕ). Ассамблея объединяет сотни парламентариев из 57 стран, которые ежегодно собираются для обсуждения важных вопросов соблюдения прав человека, демократии и безопасности. В том году заседание проходило в Монако, в получасе езды на машине от Ниццы. Важность этого события для меня была в том, что парламентарии должны были голосовать за принятие резолюции, призывающей страны-участницы ОБСЕ ввести аналогичные законы Магнитского в своих государствах.

Генеральный секретарь Парламентской ассамблеи — Спенсер Оливер, общительный американец из Техаса — пригласил меня принять участие и провести в рамках ассамблеи эксклюзивное мероприятие о законе Магнитского. Обычно такие мероприятия проходят довольно скучно, например, какая-нибудь НКО представляет свои

программные документы, поэтому я подумал оживить его коротким видеороликом о преступлениях Дмитрия Ключева, который мы недавно сняли. Он был сделан в том же ключе, что и ролики о Карпове и Кузнецове, и на этом мероприятии прошла бы его международная премьера.

Ключев — это квинтэссенция сращивания российской власти с организованной преступностью. Из ролика станет ясно, почему закон Магнитского так необходим.

С политической точки зрения это мероприятие было Эверестом возможностей, но с точки зрения собственной безопасности — я бы не поехал в Монако. Дело в том, что с 2008 года я был в розыске внутри России, и объявить меня в международный розыск для российских властей было лишь делом времени. О том, что это уже случилось, я узнал бы только в момент ареста при пересечении границы. Каждый раз, когда я проходил паспортный контроль, мой пульс учащался. А в Монако это чувствовалось еще сильнее.

Альбер II, князь Монако, был известен своим расположением к Владимиру Путину. Он был единственным иностранным гостем Путина на охоте в Сибири в 2007 году, которая «прославилась» фотографией с полуголым Путиным на кляче. В силу их дружеских связей князь Альбер с большим энтузиазмом поддерживал российского президента, периодически оказывая ему разные услуги. Ходили слухи о том, как врагов Путина арестовывают в тот же момент, когда они предъявляют паспорт при заселении в гостиницы Монако.

Зная это, а также и то, что границы между Монако и Францией не существует, я поселился на французской стороне, обходя расставленные капканы. Я остановился в одном из отелей Рокбрюн-Кап-Мартен, в 15 минутах езды от Монако. Безусловно, появляться в Монако было рискованно, но поскольку я был приглашен на международ-

Князь Альбер (посередине в панаме) и Владимир Путин (Сибирь, 2007 год)
(© DMITRY ASTAKHOV/AFP/GETTY IMAGES)

ное межправительственное мероприятие, то предполагал, что любая попытка меня задержать обернется грандиозным скандалом.

5 июля за завтраком в отеле я встретился со своим коллегой, Марком Саба. Марк — очень энергичный, молодой тридцатипятилетний политтехнолог, моя правая рука в нашей кампании за справедливость для Сергея Магнит-

ского. И хотя его фамилия звучит на арабский манер, он еврей из северного Лондона. У Марка богатый опыт ведения политических кампаний в Великобритании.

Другими словами, Марк — прирожденный лоббист. Его невероятные способности экстраверта позволяют ему легко завязывать разговор с любым человеком, и в 99% случаев люди проникаются к нему очень быстро.

Покончив с завтраком, мы с Марком взяли такси в конгресс-центр Монте-Карло, Гримальди-форум — огромное авангардное здание из стекла и бетона, расположенное на небольшом обрыве у моря. Воздушный вестибюль центра был настолько залит солнечным светом, что многие люди, включая Марка, но не меня, оставались в солнцезащитных очках.

За двадцать минут до начала заседания мы уже были в конференц-холле в глубине здания. Пока мы проверяли оборудование, народ начал стекаться в зал, и ко времени начала сеанса в нем не осталось свободных мест. Думаю, он вмещал больше ста человек, и половина из них были члены парламентской ассамблеи из многих стран.

Пока шел фильм, я наблюдал за реакцией людей, их эмоциями, их восприятием Ключева. Он рассказывал о криминальной жизни Ключева, о том, как он «чудом» избежал тюрьмы в деле Михайловского ГОКа, о его дружбе с майором Карповым и другими сотрудниками МВД, а также о том, как за ним и его сообщниками тянулся шлейф мертвецов, на которых так удобно было «вешать» преступления.

После фильма я взял слово, убеждая присутствующих в необходимости принятия резолюции Магнитского, и, подытоживая, сказал: «Вы только что наглядно убедились — в России не существует разницы между властью и организованной преступностью». После моего выступления многие из депутатов выступили со своими комментариями, в которых выражали поддержку пред-

стоящему голосованию, но часть из них считала, что я перегнул палку, говоря о сращивании власти и криминалитета в России.

В конце мероприятия к нам подошел депутат Европарламента от Бельгии и пригласил нас с Марком на коктейльный прием премьер-министра Монако вечером в гостинице «Меридиан». Мы с благодарностью согласились.

Около шести вечера мы оба вновь отправились на такси, но уже к отелю «Меридиан». Войдя в фойе, я с тревогой отметил, что повсюду слышна русская речь.

Фойе выходило к вытянутому в форме полумесяца бассейну с маленькими мостиками между дорожками, окруженными кипарисами. За всем этим великолепием мерцало Средиземное море. Пока мы изучали гостей, к нам подошла знакомая Марка, американская сотрудница ОБСЕ — Анна Чернова.

— Откуда здесь столько россиян? — спросил Марк.

— Для большинства политиков это работа, а для них — отпуск, тем более что всё оплачивает Кремль, — заговорила ответила Анна.

Россия — участница ОБСЕ наряду с другими неевропейскими странами, такими как США и Канада, но в отличие от них Россия отправила непомерно большую делегацию.

— Вон они, депутаты от России, — Анна кивнула в сторону бара, где сгрудилась толпа чрезмерно упитанных мужчин среднего возраста. — А вот их жены, — кивнула она в сторону буфета на группу безвкусно, но дорого одетых женщин, излишне увешанных украшениями. Дальше она перевела взгляд в конец бассейна на стайку молодых блондинок в бикини и туниках: — Ну а это любовницы. Детишки уже по своим комнатам с айпадами.

Это было уже слишком, просто гротеск! Я хотел сбежать, но Марк уговорил меня остаться.

— Помимо этих русских, здесь может быть много важных для нас людей, Билл; возможно, это наш шанс, — сказал он.

Я неохотно согласился.

Анна пошла дальше, а мы с Марком бродили от одной группы болтающих людей к другой. Марк был в своей тарелке. Пока он со всеми общался, я почувствовал, что проголодался. День был таким напряженным, что не хватило времени на обед.

Я направился к буфету и встал в очередь. Правительство Монако не поскупилось — стол ломился от французских мясных яств и деликатесов, груд свежих креветок и очищенных крабов. Там было всё что душе угодно.

Стоя в очереди и просматривая новые сообщения на мобильном, я почувствовал легкий толчок в спину и подвинулся вперед, чтобы пропустить человека за мной, но меня снова толкнули. Повернувшись, я обнаружил свою обидчицу — элегантную высокую блондинку с ярко-красными губами с силиконовой припухлостью. Запах сандала, легкое черное коктейльное платье, лабутены и теплая улыбка. Она заговорила по-английски с легким русским акцентом.

— Привет. Я Светлана. Вы здесь на конференции?

— Да, а вы?

— Я живу в Монако и вызвалась помочь в проведении ОБСЕ. Захватывающее событие, да?

Я кивнул. Очередь медленно подходила. Я взял тарелку и серебряные приборы, завернутые в хрустящую хлопковую салфетку. Дама, взяв тарелку, продолжала поддерживать беседу.

— Ну, вобще-то я работаю в индустрии моды, но политика — это так интересно.

На сегодня было достаточно того, что я обвинил российское правительство в сращивании с организованной

преступностью, поэтому общаться с русскими не очень хотелось, а тем более с блондинкой, которая «ваще-то работает в индустрии моды».

Подошла моя очередь. Наполнив тарелку, я отошел подальше, к отдельному барному столику, чтобы перекусить в одиночестве.

Вернувшись за десертом, я опять столкнулся со Светланой. На этот раз она стала расспрашивать:

— А вы выступаете на конференции?

— Да.

— А что за тема?

— Правозащитная деятельность.

— Да вы чё! Правозащитная деятельность — это так интересно! У вас есть визитка?

Она прикоснулась к моей руке кончиками пальцев и специально задержала их подольше.

В эту минуту к нам подошли два депутата Европарламента, которые были на показе нашего фильма, и начали засыпать меня вопросами. Светлана не уходила. Спустя несколько минут они попросили мои координаты, и я достал визитки. Светлана ожидаемо протянула руку. Я немного замешкался, но было неудобно дать визитки всем, кроме нее.

Подтянулись Анна и Марк, группа рассредоточилась, и Светлана растворилась в толпе. Марк спросил:

— Кто эта жгучая блондинка?

— Русская девица, интересуется одновременно модой и правозащитной деятельностью, — ответил я сухо. Марк хихикнул.

Я был уже никакой и не стал задерживаться на приеме. Я взял такси на французскую сторону и оставил Марка обрабатывать толпу. Оказавшись наконец в номере, я принялся просматривать пропущенные за время приема сообщения, и тут пришло еще одно новое. От некоей Светланы Мельниковой.

«Дорогой г-н Браудер, — читал я, — мне очень понравилась наша встреча. Я чувствую, что наша связь сильна, и была бы не против поболтать за коктейлем в вашем отеле. Где вы остановились?» И подпись: «Целую, С.»

Связь сильна? Две минуты в очереди в буфет, о чем она? Я не стал отвечать.

Спустя час, уже в постели, я получил еще одно сообщение: «Уильям, ты не спишь? Я — нет. Не могу перестать думать о тебе. Очень хочу встретиться сегодня. Целую еще крепче. С.»

Мне стало смешно. Я лысеющий мужчина средних лет ростом метр восемьдесят. Такие не привлекают длинноногих блондинок с пышной грудью. Всё это смахивало на банальную любовную западню.

Но пока я лежал в темноте, мой мозг просто взорвался. Наши враги постоянно пытаются подставить нас, обвиняя в преступлениях, которые совершили они. В России я уже был самым разыскиваемым преступником. Александр Перепиличный тоже стал мишенью чеченского киллера. И даже здесь, в Монако, на конференции, они подсунули мне соблазнительницу. Конечно, западня была бездарной и неуклюжей. Но не исключено, что сегодня вечером я стоял рядом с оперативницей ФСБ.

Ловушка не сработала, но русские прекрасно знали, что я буду в Монако. Пытаясь заснуть, я понял, что не стоит туда возвращаться.

Как только забрезжил рассвет, я собрал вещи и с чемоданом подошел к стойке консьержа с просьбой вызвать такси.

Ночной портье предложил мне свободное такси, которое уже ожидало у дверей, но я отказался и попросил: «Пожалуйста, вызовите другое». Он не понял, зачем вся эта суета, а я не стал объяснять. Но такси он вызвал.

Через несколько минут подъехал черный «мерседес-седан». Я сел в машину и попросил отвезти меня в Ментону — французский городок в противоположном направлении от аэропорта Ниццы. В этот ранний час дороги были пусты, и я начал успокаиваться — хвоста не было.

Я продолжал оборачиваться, пока мы мчались в Ментону. Убедившись, что за нами действительно никого нет, я попросил водителя развернуться и ехать в Ниццу.

Я набрал Марка, разбудив его, и рассказал о Светлане и своем страхе, что за мной следит ФСБ. Я попросил его встретиться со мной в аэропорту у стойки «Британских авиалиний».

— Здесь совсем небезопасно. Мы уже показали фильм, а всё остальное сможем сделать из Лондона.

— Билл, ты слишком остро реагируешь. За мной никто не следит. Обещаю, что не буду встречаться с русскими девушками! Давай я закончу всё, что планировали, и приеду.

Я сдался и вернулся в Лондон. Следующие несколько дней Марк в одиночку методично работал с делегациями Европарламента, убеждая их в необходимости принятия резолюции Магнитского. Иногда он встречал на своем пути и сопротивление.

В день голосования Марку неожиданно позвонил Нил Сайман — пресс-атташе генерального секретаря Парламентской ассамблеи Спенсера Оливера. До этого Нил работал над законом Магнитского в Штатах и хорошо знал Марка.

— Ты, блин, не поверишь, кто сейчас в офисе Спенсера, — выпалил Ник, как только Марк снял трубку. — Дмитрий Ключев с Андреем Павловым!

— Что? — Марк чуть не подавился. — Ключев здесь, со Спенсером?! Что он там делает?

— Пытается убедить Спенсера снять с повестки дня голосование по резолюции Магнитского.

Дмитрий Ключев (слева) и Андрей Павлов в кабинете Спенсера Оливера в Монако, июль 2012 года (© HERMITAGE)

— Дмитрий Ключев? «Наш» Ключев?

— Ну да!

Марк на секунду потерял дар речи.

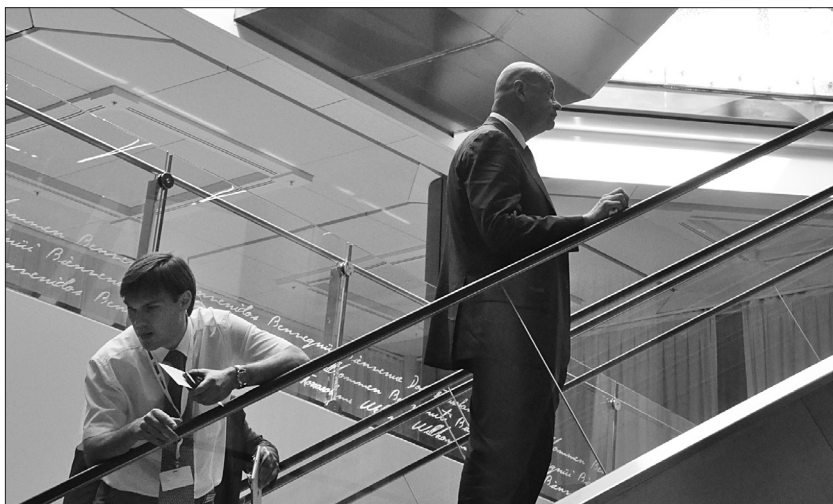
У ФСБ в арсенале много трюков, но чтобы вот так отправить главного мафиози преступного синдиката давить на главу международной политической организации? Это было нечто.

Марк попросил Нила сделать фото. Уже через секунду он получил фотографию Ключева и Павлова, сидящих на диване во временном кабинете Спенсера Оливера в Гримальди-форуме. Это было первое четкое изображение Ключева в наших руках.

Марк тут же перезвонил Нилу.

— Еще есть? — Нам нужны были фотографии Ключева, а лучше видео, чтобы наглядно показать всему миру, чем он занимается.

— Это рискованно. Вдруг меня уволят? — Нил явно не хотел брать на себя такую ответственность.

Дмитрий Ключев в сопровождении представителя российской делегации на ПА ОБСЕ в Монако, июль 2012 года (© KETEVAN KARDAVA / GEORGIAN TV)

Марк помчался в пресс-центр форума в попытке найти кого-нибудь, кто сможет помочь. В пустом холле он обнаружил съемочную группу грузинского телевидения за кофе. Отдышавшись, он обратился к Кетеван Кардаве, журналистке, с которой он был знаком.

— Кетеван, очень нужна твоя камера!..

— Я свою камеру не отдам! — пробурчал оператор, больше похожий на регбиста.

— Ребята, вы же были на нашем показе?

— Были, — ответил оператор.

— Дмитрий Ключев здесь!

— Да ладно!

— Он здесь. «Герой» нашего фильма сейчас здесь. Встречается со Спенсером Оливером!

Они смотрели друг на друга в недоумении.

— Не может быть, — опомнилась Кетеван.

Марк протянул ей свой телефон с фотографией, которую прислал Нил. Кетеван вытаращила глаза, переброси-

лась с коллегами парой фраз на грузинском искомандовала: «Вперед!» (Россия вторглась в Грузию в 2008 году, и рана еще была свежа. Впрочем, и до этого никакой большой любви между грузинами и россиянами не было.)

Марк со съемочной группой грузинского ТВ поспешили к эскалатору в главном вестибюле форума, где расчехлили камеру и заняли позицию. Дмитрий Ключев и Андрей Павлов с двумя сотрудниками российского МИДа появились спустя несколько минут. У обоих на шее болтались бейджики с аккредитацией на ОБСЕ, которые они получили от официальных представителей российской делегации, несмотря на то, что эта парочка не имела ничего общего с российским правительством.

Съемка началась. Ключев пытался не обращать на них внимания. Ссутулившись, он снял бейджик и засунул его в карман пиджака. Нервно оглянувшись, он поехал на эскалаторе вверх к выходу.

Удалось заснять только минуту, но этого было больше чем достаточно для наших целей.

После того как Ключев покинул форум, ребята уже в пресс-центре выложили ролик в публичный доступ и сбросили ссылку Марку.

Неожиданный визит Ключева в Монако стал просто подарком. Спенсер Оливер никогда не согласился бы встречаться с Дмитрием Ключевым, если бы российское правительство не попросило его об этом официально. Всё это доказывало, что ОПГ Дмитрия Ключева и российское правительство — две части одного целого.

До голосования оставалось несколько часов, за это время Марк обошел практически все делегации ассамблеи и показал им клип с Ключевым.

Теперь все сомнения, которые оставались у кого-то после просмотра нашего фильма, испарились. Ассамблея проголосовала за резолюцию не просто большин-

ством голосов, а практически единогласно: 291 голос «за», 18 «против». Против голосовали депутаты из России, Беларуси и Казахстана.

Кремль эффектно подыграл нам, можно даже сказать, что они сделали практически всю работу за нас. Россияне не только не смогли остановить голосование по резолюции Магнитского, но и крепко сели в лужу, не говоря уже о том, что Дмитрий Ключев теперь стал мировой «знаменитостью».

Марк вернулся домой триумфатором, но на этом хорошие новости не заканчивались — события в Монако сподвигли швейцарских правоохранителей арестовать банковские счета Ключева.

Это был уже второй арест активов по делу Магнитского. За ним последуют другие.

Молдовский файл

Лето 2012 года

Как-то утром через некоторое время после возвращения из Монако я собирался в офис, и мне позвонил Билл Алперт. Я уже давно его не слышал.

«Я кое-что нашел! Прямо здесь, в Нью-Йорке!» — сказал он взволнованно.

После публикации статьи по швейцарскому расследованию он стал просто одержим делом Магнитского. В поисках информации, используя свои связи, он получил доступ к базе данных банковских переводов банка «Ди-Экономи» из Молдовы — небольшой бывшей советской республики, зажатой между Украиной и Румынией.

База данных была опубликована только что созданной НКО «Центр исследования коррупции и организованной преступности» (англ. OCCRP). Это объединение СМИ и независимых репортеров занималось журналистскими расследованиями коррупции в Восточной Европе и России. Проект родился в Сараеве и Бухаресте, там же были расположены его офисы. Когда он только появился, мне показалось, что это больше смахивает на прикрытие отмывочных контор, чем на антикоррупционную организацию, но я глубоко ошибался.

У Центра был свой человек в столице Молдовы — Кишиневе, который смог раздобыть уголовное дело в отношении банка «Ди-Экономи», а в его материалах — эту базу

данных. Ребята из Центра поделились ею с Биллом Алпером и с нами.

База открывала новые возможности для расследований. До этого Вадим мог отследить путь денег только внутри России, за исключением 11 миллионов долларов, которые оказались в Швейцарии, и более крупной суммы в 55 миллионов долларов, поступившей на счета двух молдавских компаний в банке «Ди-Экономи». На этом месте ниточка обрывалась. Но теперь с помощью молдавского файла Вадим смог увидеть, куда деньги отправились дальше. Переводы были в долларах, и часть из них прослеживалась по базе, которую мы получили по судебному запросу в Нью-Йорке.

У нас снова появилась «дорожная карта». Используя этот файл, Вадим выяснил, что деньги из Молдовы ушли на счета в банки Кипра, Литвы, Латвии и Эстонии. К сожалению, ни у нас, ни у Центра исследований коррупции не было полицейских файлов из этих стран. Зная, что Евросоюз серьезно защищает свои электронные базы, мы понимали, что не сможем так запросто приобрести их, как это было в России.

Наша команда в Лондоне начала готовить заявления об открытии уголовных дел в правоохранительные органы стран, получивших грязные деньги. Мы надеялись, что там начнутся расследования, которые помогут нам двигаться дальше.

Но с данными можно было работать и по-другому — такой способ использовал Билл Алперт. Вместо того чтобы отслеживать деньги линейно, из пункта в пункт, из России по всем транзитным странам до финального получателя, на что ушли бы годы, он предложил стратегию интеллектуального анализа данных.

В молдавском файле были указаны тысячи пустышек — компаний с ничего не значащими именами типа «Декстер-

сон ЛЛП», «Грин Пот Индастриал Корпорейшн», «Превезон Холдингс», «Малтон Интернэшнл», и так далее. Билл решил прогнать все эти компании через реестр недвижимости Нью-Йорка, который был в открытом доступе, предполагая, что кто-то из жуликов должен был купить недвижимость на Манхэттене на деньги от 230-миллионной аферы.

Заканчивая писать отчеты по фондовому рынку, он ночи напролет упорно исследовал базы, расшифровывая их причудливый юридический жаргон, в надежде, что что-нибудь всплывет.

И, похоже, что-то всплыло.

— Получилось только с одной компанией, — сказал он в трубку. — «Превезон». Тот, кто ею владеет, скупает недвижимость в Нью-Йорке охапками.

— Не может быть!

— Может. Сам не поверил. Только что нарыл, прямо сейчас! Кстати, который час? — В Лондоне было восемь утра, а в Нью-Йорке еще три часа ночи. — Ого, пойду немного посплю, а завтра схожу посмотрю, что за недвижимость. Просто очень хотел сообщить о находке сразу.

— Иди ложись, а я попрошу Вадима поискать этот «Превезон».

— Отлично. Наберу попозже. Давай.

Вадим уже был в офисе, и ему не составило труда отыскать «Превезон» в нашей копии молдовского файла. Две молдовские пустышки перевели 857 764 доллара из украденных 230 миллионов на счет «Превезона». Сама компания «Превезон» была зарегистрирована на Кипре, что для нас было большой удачей. Дело в том, что на Кипре реестр компаний находится в открытом доступе, в отличие от Британских Виргинских островов и Панамы, где он засекречен. Поэтому для того, чтобы понять, на кого зарегистрирована кипрская компания, достаточно проделать ряд несложных манипуляций в онлайн-реестре.

Вадим зашел в реестр и выяснил, что «Превезон Холдингс» принадлежит некоему Денису Кацыву.

Обычно в любой схеме по отмыванию денег владение компанией напоминает матрешку. За каждой компанией стоит еще одна, и как только вы подбираетесь к ней, вы узнаете, что ею владеет следующая, и так далее. И в конце этой цепочки в 99 случаях из 100 владельцем будет какой-нибудь алкоголик, безработный, тренер по йоге или еще какой-то случайный человек, который продал свои паспортные данные за пару сотен баксов. Эти номинальные владельцы редко что-то знают о «своих» компаниях-пустышках, через которые преступники прокачивают миллионы, а иногда и миллиарды долларов.

Сначала Вадим так и подумал: Денис Кацыв — один из этих номинальных владельцев. Но, полистав «Яндекс», он узнал, что отцом Дениса был Петр Кацыв — высокопоставленный российский чиновник.

Вечером перезвонил Билл Алперт.

«Недвижимость очень симпатичная. У них несколько квартир в новом доме, в центре, дом 20 по улице Пайн, бывшее здание банка „Дж-Пи-Морган“. Комплекс смахивает на Рокфеллеровский центр, а там, где раньше было банковское денежное хранилище, теперь бильярдная. Консьерж, патио на крыше, всё очень цивильненько», — рассказал он.

Кроме того, Билл узнал, что эти квартиры были куплены у Льва Леваева, российско-израильского алмазного магната.

На секунду я потерял дар речи.

В общей сложности Денис Кацыв через «Превезон» купил нью-йоркской недвижимости почти на 17 миллионов долларов. Конечно, сумма превышала 857 764 доллара, которые мы нашли, идя по цепочке украденных 230 миллионов. Было не очень понятно, за что именно Денис получил эти деньги, но то, что сын высокопоставленного

российского чиновника каким-то образом связан с украденными миллионами долларов, было огромным прорывом в нашем расследовании.

— Мне кажется, «Барронс» заинтересует эта новость, — сказал я.

— Пожалуй, — ответил он.

«Барронс» и Центр исследования коррупции договорились скоординировать свои публикации по этому расследованию: в один и тот же день, 12 августа, «Барронс» должен был опубликовать свою статью в печатном журнале и в онлайн-версии, а Центр исследования коррупции — на своем веб-сайте.

Чем ближе была назначенная дата, тем сложнее мне было найти себе место от волнения. Я вспоминал, как швейцарские власти в свое время отреагировали на статью Билла Алпера, и мне казалось, что так же поступят и американские правоохранительные органы. И к концу лета они безо всякой помощи наложат арест на активы Дениса Кацыва в Нью-Йорке и возбудят уголовное дело по отмыванию преступных доходов.

Я набрал Билла вечером накануне публикации.

— Как идут дела? — спросил я, ожидая услышать историю о том, как Денис Кацыв методично всё отрицал, отвечая на вопросы Билла. Но вместо этого я услышал его подавленный голос:

— Извини, Билл, статью зарубили. Юристы редакции отказались ее пропускать.

— Как?! Что-нибудь сможет изменить их решение?

— Нет, — ответил он.

Похоже, внутренняя юридическая служба издания решила не рисковать и не нарываться на возможный иск, даже несмотря на то, что все факты были железобетонными.

— Я не могу тебе всего рассказать, но поверь, я разозлен не меньше твоего, если даже не больше, — сказал Билл.

В отчаянии я повесил трубку. Без публикации в Америке не может быть никакого расследования по «Превезону».

Отрадно было только то, что Центр исследования коррупции не испугался и разместил историю у себя на сайте. Безусловно, посещаемость веб-сайта Центра — одна тысячная от «Барронса», но тот, кому надо, — отдел COMPLIANCE банка «Ю-Би-Эс» в Цюрихе — прочитал расследование. В этом банке «Превезон» держал на своих счетах семь миллионов долларов. После публикации сотрудник банка подал так называемую докладную по подозрительным операциям (англ. SAR) напрямую в правоохранительные органы Швейцарии. Такая форма отчетности банков обязательна, если у них возникают сомнения в отношении клиентов и их операций. Теоретически, эта обязанность снимает с банка ответственность, если позже выясняется, что клиент был преступником.

Ежедневно подаются тысячи таких докладных по всему миру, и практически все остаются без должного внимания, но не в этом случае! Вскоре после подачи докладной швейцарские органы арестовали все семь миллионов «Превезона» в банке «Ю-Би-Эс».

Это был уже третий арест активов по делу Магнитского. Следующим должен быть Нью-Йорк.

Адам Кауфман просил найти ему «хвост» в Нью-Йорке, и мы его нашли!

Гостиница «Ле Бристоль» (Париж)

Конец 2012 года

Прошло три месяца. 8 ноября 2012 года Александр Перепиличный отправился в Париж на тайную встречу со своей любовницей Эльмирой Мединской, двадцативосьмилетней украинкой ростом метр восемьдесят, очень похожей на куклу Барби — крашеная блондинка, накачанные губы и ноги от ушей.

Он забронировал номер в гостинице «Ле Бристоль», одной из самых роскошных и престижных парижских гостиниц, по тарифу «Романтик» — 1400 евро за ночь (или 1600 долларов). В номере их ожидало ложе, усыпанное лепестками роз, шампанское в ведерке со льдом и корзинка с французской выпечкой.

Александр хотел не только произвести впечатление, но и хотя бы на какое-то время отвлечься от своих проблем. Они отобедали в отеле «Георг V» и, заскочив в аптеку за презервативами, провели остаток дня в постели. Вечер закончился ужином в мишленовском ресторане «Л'Экрин» в отеле «Де Криллон».

Следующий день начался с шопинга в бутиках улицы Сент-Оноре: «Ив Сен-Лоран», «Лабутен» и «Прада». Александр с легкостью расстался с несколькими тысячами долларов, купив подруге дорогую сумку и туфли на шпильках. Он хотел было подарить ей и шубу в придачу, но она отказалась — сочла, что это уже слишком. В последний вечер

Эльмира Мединская
(ELMIRA MEDYNSKAYA /
INSTAGRAM /
VIA INSTAGRAM:
@ELMIRAMEDINS)

они сходили в «Будда-бар» в 8-м округе Парижа, где перекусили суши и темпурой.

Оба дня Александр был в отличном расположении духа, но в последний вечер его что-то тяготило, и он нервно оглядывался по сторонам. В середине ужина он попросил официантов забрать еду, ссылаясь на то, что она несвежая.

Когда парочка вернулась в гостиницу, Эльмира налила себе бокал красного и удобно устроилась на оттоманке. Саша хотел было присоединиться, но желудок всё же дал сбой. Бедолага провел весь вечер в ванной: его выворачивало наизнанку. Хватило сил лишь на то, чтобы доползти до кровати и забыться.

Утром он почувствовал себя лучше, а полный английский завтрак вернул его к жизни. Сидя в такси по доро-

ге в аэропорт, они обсуждали, когда встретятся в следующий раз. Прощание было быстрым — самолеты не ждут.

В Хитроу Александра встретил его водитель и отвез домой, в закрытый поселок с красивым названием Сент-Джордж-Хилл (англ. St. George's Hill — Гора Св. Георгия) в графстве Суррей — весьма зажиточном районе рядом с Лондоном. В тот день жена приготовила его любимый суп — украинский щавелевый борщ.

За обедом дочка не переставая жаловалась на неработающий компьютер, и они вместе отправились в супермаркет гаджетов «Пи-Си-Ворлд» в торговом центре «Бруклэндс» в надежде, что там его починят. Вернувшись, Саша переоделся в спортивную форму, надел кроссовки и отправился на пробежку. Уже в конце своего обычного маршрута, у самого дома, ему стало плохо, и он упал замертво.

Его обнаружил повар соседа, который и вызвал скорую, набрав 999 (общий номер службы спасения в Англии). Он знал, как оказывать первую медицинскую помощь: в прошлом он служил в спецназе британской армии. Склонившись над Сашей, он начал делать ему массаж сердца и искусственное дыхание. Из рта Александра полилась зеленая слизь, выплюнув ее, повар продолжал оказывать первую помощь. Позже в своих показаниях он укажет, что вкус этой слизи был похож на электролит.

Скорая прибыла через несколько минут, но было уже поздно: тело Саши Перепиличного было мокрым, холодным и безжизненным.

Медики констатировали смерть в 17:52, 10 ноября 2012 года. Еще один свидетель в деле Магнитского скончался.

Нью-йоркский «хвост»

Зима 2012–2013 годов

Я узнал о смерти Александра спустя шесть дней, в третью годовщину со дня убийства Сергея. В тот день в Вашингтоне было намечено голосование по закону Магнитского в нижней палате американского Конгресса — Палате представителей.

Целых два года мы добивались принятия этого закона, и вот наконец этот день настал. Борис Немцов, как и обещал в Хельсинки, продвигал его со своей стороны в ходе многочисленных встреч на Капитолийском холме, и во многом благодаря его стараниям закон Магнитского был принят Палатой представителей в тот день (16 ноября 2012 года) абсолютным большинством голосов: 365 за и 43 против. Через несколько недель законопроект будет поставлен на голосование в Сенате, а после этого, несомненно, будет подписан президентом и вступит в силу.

Я должен был бы ликовать от радости, но неожиданная смерть Александра Перепиличного, как и убийство Сергея, вернула меня с небес на землю и погрузила во мрак. С Перепиличным нас не связывали дружеские или партнерские отношения, как с Сергеем, но он был очень важным звеном в нашем расследовании грязных денег. Каковы бы ни были его мотивы, он подвергал себя огромному риску в этом деле — и вот его не стало.

Его смерть была трагичной, но вместе с тем и пугающей. Всё выглядело так, как будто власть охотится на людей, которые расследуют коррупцию в деле Магнитского, отправляя на Запад убийц. И похоже, пришло время привлечь к этому делу американских правоохранителей.

4 декабря я отправился в Нью-Йорк. С собой я вез толстый пакет, в котором лежало наше шестистраничное заявление в прокуратуру и еще 166 листов приложений и доказательств.

Документы вскрывали связь между «Превезоном», Денисом Кацывом и украденными 230 миллионами долларов. Я должен был доставить пакет в прокуратуру Нью-Йорка и вручить его лично Адаму Кауфману.

5 декабря я уже входил в здание прокуратуры в нижнем Манхэттене по адресу Хоган-Плейс, 1. Само строение, облаченное в гранит, было величественным и впечатляющим, но вестибюль мрачноват. Я влился в толпу, состоявшую, как мне показалось, из детективов или низкооплачиваемых адвокатов по назначению. Все посетители проходили по очереди через металлодетекторы под окрики неприветливых охранников с сильным нью-йоркским акцентом. Радости там и в помине не было. Это было царство покорности и скрытой агрессии. Обстоятельства заставили их прийти сюда, но никто из них не хотел этого.

Никто, кроме меня.

Первое, что бросилось мне в глаза уже в офисе Адама, — это огромное количество упаковочных коробок. Сделав вид, что не замечаю этого, я поздоровался. «Присаживайтесь, — тепло предложил он. — А я приглашу своих коллег».

Через минуту он вернулся вместе с Дунканом Левином, главой отдела по изъятию активов и его коллегой. «У него сумасшедшая история, — сказал Адам, обращаясь к ним и показывая на меня. — Уверен, она вас заинтересует».

Устроившись за большим, выдавшим виды столом с разнокалиберными стульями, я сразу перешел к делу: «На нашей последней встрече вы сказали обратиться к вам, если мы сможем найти „хвосты“, ведущие в Нью-Йорк. Вы не поверите, но мы их нашли». И, достав из портфеля пакет с нашим заявлением, я пододвинул его к Адаму. «Мы нашли около трех миллионов долларов из украденных денег по делу Магнитского, которые осели здесь, в недвижимости нижнего Манхэттена».

Атмосфера в комнате молниеносно изменилась. Мне показалось, что Адам ожидал, что это будет очередная ничего не значащая встреча ради встречи и не более того, но сейчас он понял, что всё становится гораздо серьезнее. Я показал им снимки недвижимости и цепочку движения грязных денег.

— Откуда у вас всё это? — изумился Адам.

— Частично из российских баз, частично из полицейских дел в Молдове и частично из открытых источников здесь в Нью-Йорке.

Дункан, большой специалист по изъятию активов, еле слышно вздохнул. Увиденное его впечатлило.

В папке было гораздо больше, чем они привыкли видеть на начальном этапе работы с заявителями. Обычно к ним приходят и говорят: «Меня ограбили! Помогите, пожалуйста!» Никто никогда не говорил им: «Меня ограбили! Вот автомобиль грабителей, вот его номер, здесь они проживают, здесь хранят награбленное, а вот что они приобрели на деньги с продажи краденого».

А я, в сущности, именно это и говорил.

Безусловно, Адаму и его команде придется провести более тщательное расследование и собрать все доказательства, но они смогут использовать наше заявление как основу для выигрышного дела против легализации преступных доходов в Нью-Йорке.

Адам постучал пальцем по папке с нашим заявлением: «С этим можно работать».

— Отлично, — сказал я. — Когда сможете начать?

— Понимаете... — замялся Адам. — Я не смогу. Вы видите эти коробки?

— Угу.

— Я ухожу в частную практику. Если бы вы пришли на два дня позже, мы с вами здесь уже не встретились бы.

— Тогда... поздравляю?

— Не переживайте, Билл. Дункан остается, и если всё, что вы принесли, подтвердится, то он этим займется, — улыбнулся Адам. Дункан кивнул.

Я услышал то, на что и рассчитывал.

На следующий день Сенат Конгресса принял закон Магнитского: 92 голоса за, 4 против, — а президент Обама ввел его в действие, скрепив своей подписью 14 декабря 2012 года.

Я чувствовал: это прорыв!

Дункан не заставил себя долго ждать и позвонил уже во время рождественских праздников:

— Билл, я хотел связать вас с ИТП.

— И-тэ-пэ? — переспросил я, не понимая, что за «и т. д. и т. п.» он имел в виду.

— Иммиграционная и таможенная полиция, ИТП, — пояснил он.

Странно... Мне всегда казалось, что работники иммиграционной службы — это те, кто проверяет документы на паспортном контроле, скажем, в аэропорту Кеннеди, или пограничники в джипах на американо-мексиканской границе, но только не следователи, занимающиеся денежными аферами.

— То есть вы этим заниматься не будете? — разочарованно переспросил я.

— Нет-нет, я просто хочу услышать их точку зрения. ИТП тоже занимается расследованием незаконной легализацией денег.

— О'кей. Тогда дайте им мои координаты.

Через несколько недель, в январе, мне позвонил специальный агент ИТП Тодд Хайман. По манере разговора он совсем не походил на спецарента. У него был городской, но не манхэттенский акцент, и он сразу стал называть меня Биллом (а не полным именем Уильям, как принято в официальном разговоре). Его манера общения была теплой и располагающей. Он рассказал, что получил степень магистра делового администрирования в Колледже Баруха на Манхэттене и до того, как устроился в правоохранительные органы, работал в аудиторской компании «Делойт и Туш». Он больше напоминал администратора инвестиционного фонда, чем федерального агента с удостоверением и пистолетом — по крайней мере, я думал, что у него есть пистолет.

В конце нашего разговора я поинтересовался, будут ли они открывать дело. «Я не могу ответить на это вопрос, но мы свяжемся с вами», — твердо, но вежливо произнес он.

Но с нами никто не связался.

В это время Кремль начал яростную атаку против США в ответ на принятие ими закона Магнитского.

Со времен холодной войны это был первый законодательный акт, вводящий персональные санкции. Путин был взбешен. Он ответил запретом на усыновление российских детишек-сирот американскими семьями. Это не только звучало ужасно, но и было омерзительно по сути. Дело в том, что Россия разрешала иностранцам усыновлять только тех детей, которые страдали тяжелейшими недугами: синдромом Дауна, пороком расщепления позвоночника, эмбриональным алкогольным синдромом, — и зачастую эти дети были обречены на тяжелей-

шее существование в российских детских домах. Запретив американцам усыновлять таких детишек, Путин фактически приговорил многих из них к смерти. И всё для того, чтобы защитить своих коррупционеров. Это было вопиющим скотством — даже по бесчеловечным путинским стандартам.

Путин лично причастен к сокрытию убийства Сергея. На ежегодной пресс-конференции он заявил, что Сергея никто не пытал, а умер он, мол, *«от сердечного приступа»*. Это означало, что никто и никогда в России не будет привлечен к ответственности за пытки или убийство Сергея.

Однако привлечение к ответственности отдельных лиц в России всё же намечалось.

На той же пресс-конференции Путин упомянул и Сергея, и меня в связи с *«экономическими преступлениями»*. И ровно через неделю московский суд назначил дату судебных слушаний в отношении меня — заочно.

Но не только мне одному предстояло быть ответчиком.

Со мной судили и Сергея — посмертно.

Это был первый судебный процесс в России над умершим. Они, конечно, не стали эксгумировать тело Сергея и сажать его в клетку для подсудимых в зале суда, как это сделали бы в Средние века, но то, что они совершили, по подлости не уступало этому. Вместо Сергея они попытались усадить в клетку как ответчика его жену. Слава богу, незадолго до этого мы успели вывезти ее и их сынишку Никиту в Англию, и они были в безопасности.

Процесс над Сергеем и мной был назначен на начало марта 2013 года.

Путин решил использовать всё свое влияние и бросить арсенал российского правительства на то, чтобы раздавить каждого, кто так или иначе связан со мной и с делом Магнитского, вплоть до физического устранения. Поэтому, чтобы как-то уравнивать силы, нам нужны были мощные

союзники в лице правоохранительных органов США, которые были лучшими из лучших.

Но надежда на это таяла с каждым днем. Адам Кауфман ушел в частную практику; Дункану Левину вроде бы сначала было интересно, но потом он сбросил всё на специального агента Хаймана, а тот после беседы со мной исчез.

В тот момент я ощущал, что мы остались один на один с безжалостным противником в этой неравной борьбе.

Южный округ Нью-Йорка

Зима, конец 2013 года

Наконец-то всплыл Дункан и с ходу поинтересовался, смогу ли я приехать в Нью-Йорк на встречу с департаментом по изъятию активов федеральной прокуратуры Южного округа Нью-Йорка.

Всё-таки нас не бросили. Процесс развивался, и всё-ма активно. Одно дело разговаривать с прокурорами на городском уровне, и совершенно другое — работать с их коллегами на федеральном. То, что дело передали в федеральную прокуратуру Южного округа Нью-Йорка (в просторечии именуемого «Суверенным округом»), означало, что ему придавалось куда большее значение, чем мы могли предположить.

День, когда я шел в прокуратуру Южного округа на Сент-Эндрюс-плаза, 1, был промозглым, хмурым и довольно типичным для февраля. К зданию было невозможно подъехать, и таксист высадил меня на Фоли-сквер — в треугольнике с островками газона и голых платанов посреди скопища бетонных зданий правоохранительных органов, где я тут же заблудился. Сначала я зашел в здание Федерального суда. Потом в муниципальный исполнительный центр. И наконец, через несколько минут я нашел Федеральную прокуратуру Южного округа: уродливое, похожее на крепость сооружение разительно отличалось от величественных зданий по соседству.

Естественно, я опоздал. После регистрации на входе в здание секретарь проводил меня на восьмой этаж в большую переговорную, где не было ни одного окна, но был длинный стол, а вдоль стен стояли стеллажи, заставленные юридическими фолиантами с красными корешками. В торце переговорной на стене был размещен логотип Федеральной прокуратуры Южного округа. Несмотря на то, что всё вокруг отдавало затхлой казенщиной, я ощущал себя в центре одного из самых могущественных правоохранительных институтов мира.

Переговорная легко вмещала человек двадцать и, к моему удивлению, была наполовину заполнена. Я обошел вокруг стола и поздоровался с каждым: здесь был Дункан Левин с помощником, Тодд Хайман с коллегой из министерства внутренней безопасности и Шэрон Левин (однофамилица Дункана), глава департамента по изъятию активов федеральной прокуратуры, с двумя юристами из ее департамента.

Здесь же были еще два человека, которые не представились и вели себя как-то подозрительно молчливо. Из опыта многочисленных встреч с различными госслужбами США я понимал, что тот, кто не представляется и всегда молчит, скорее всего, из разведки.

Начал встречу Дункан с объяснения того, почему дело передали федералам. Как оказалось, если бы дело, связанное с легализацией преступных доходов, вела городская прокуратура, то по закону она должна была бы предъявить уголовные обвинения конкретному физическому лицу — Денису Кацыву. В этом случае он должен был бы физически находиться в Нью-Йорке и участвовать в судебном процессе. Но поскольку между Соединенными Штатами и Россией нет соглашения об экстрадиции и с учетом того, что Кацыв вряд ли согласился бы добровольно предстать перед правосудием в Нью-Йор-

ке, начинать это дело в городской прокуратуре было невозможно.

Однако, продолжал он, согласно федеральным законам, физическое присутствие подозреваемого не требовалось. Федеральная прокуратура могла просто обратиться в суд с иском о конфискации собственности и попытаться в ходе судебного процесса добиться ее изъятия как приобретенной на доходы от преступной деятельности. И хотя в этом случае никого не посадят, другого варианта нет и надо исходить из реалий.

Я начал рассказывать подробности дела, когда в комнату вбежал запыхавшийся парень и, переведя дух, сказал: «Извините, я только что с судебного заседания».

— Билл, это Пол Монтелеони — помощник прокурора, — представила его Шэрон. — Я попросила его вести это дело.

Это был высокий, атлетически сложенный молодой человек тридцати с небольшим лет, с каштановыми волосами и аккуратной короткой стрижкой. Хотя он и был чиновником того же ранга, что и другие помощники прокурора, а Шэрон — его начальницей, чувствовалось, что присутствующие его ценили. Я бы сравнил Шэрон с тренером, а Пола — с основным нападающим ее команды.

Он занял место за столом, и я продолжил рассказ. В начале моей речи мне показалось, что Пол слушает несколько безучастно: закрыв глаза и немного откинувшись назад, крепко сжимал ручки кресла. Время от времени он оживлялся, разглядывал потолок и задавал острые вопросы. Многие из них касались движения денег, и я пытался на них ответить, как мог.

Встреча длилась более часа. Когда мы закончили, я снова сделал «круг почета», пожимая всем руки.

— Всё это очень здорово, но есть ли кто-нибудь в вашей команде, кто сможет помочь мне лучше разобраться в деталях? — спросил Пол, когда очередь дошла до него.

— Вам надо поговорить с моим коллегой Вадимом Клейнером — он в этом профи.

— А он сможет приехать к нам?

— Конечно.

По возвращении в Лондон я попросил Вадима слетать в Нью-Йорк.

Через несколько недель Вадим с лэптопом в руках и с чемоданом «Самсонит» на колесиках, доверху заполненным документами, прибыл в здание окружной прокуратуры. В офисе Пола его уже ждала тьма народу. Когда ты встречаешься с прокурором, жди, что с ним всегда будут его коллеги и спецagentы.

В тот день Вадим работал с Полом и его командой до девяти часов вечера. Они были последними, кто покинул здание. На следующий день они работали с восьми утра и снова до глубокого вечера. И так еще три дня кряду. К концу недели у Пола не осталось ни одного неотвеченного вопроса.

Точнее, мы так думали.

Спустя две недели после возвращения в Лондон Вадим вошел в мой кабинет, и я сразу почувствовал, что он возбужден. «Когда я был в Нью-Йорке, то сказал Полу, что в принципе можно найти остатки на каждом счету, с которого уходили деньги по цепочке их отмывания. Теперь он просит меня это сделать!»

Я понятия не имел, о чем он: Вадим лучше меня понимал, как устроен мир отмывания денег, но эта просьба Пола, очевидно, свидетельствовала о хорошем развитии событий.

— Так в чем проблема?

— Билл, похоже, ты не понимаешь, — распаляясь, сказал Вадим. — Чтобы сделать то, о чем он просит, мне придется прочесать буквально десятки тысяч транзакций более чем пятидесяти компаний в дюжине международных

банков. Часть из этих переводов — всего на несколько сотен долларов. На это уйдут недели!

— Но если ты им сказал, что сможешь, то надо это сделать.

Чертыхаясь, он развернулся и вышел. Следующие две недели Вадим приходил в офис первым и уходил последним, за полночь. На восьмой день у него появились мешки под глазами, а его обычно щегольской вид — костюм и галстук — остался в прошлом. Частенько в обеденный перерыв я слышал, как он пытается объяснить супруге, почему она и их трое сыновей не видят его дома.

Наконец, в начале апреля он всё закончил. Измученный, но довольный, он отправил свой отчет в прокуратуру округа, надеясь на небольшую передышку.

Но не тут-то было. Не прошло и дня, как федералы прислали новую партию запросов. За ней еще одна, и еще, и еще. Их аппетит рос, и казалось, не было этому ни конца ни края.

Вначале я считал, что каждый вопрос прокуратуры — это подтверждение их заинтересованности в деле, а значит, расследование продвигается. Но через несколько месяцев постоянных ответов на их вопросы я начал беспокоиться: не окажется ли это просто неким упражнением по сбору данных, которое закончится ничем?

События в Москве усугубляли ситуацию.

6 марта на государственном телеканале НТВ в прайм-тайм вышел 45-минутный «документальный» фильм «Список Браудера». В моем «списке» значилось, что я не только уклонялся от уплаты налогов, но и каким-то образом увел из-под носа российских и международных властей весь транш МВФ в четыре с половиной миллиарда долларов, выделенных на спасение страны (в 1998-м) от дефолта, и убил своего бывшего партнера по бизнесу Эдмонда Сафру, который трагически погиб во время пожара

в своем доме в Монако в том же 1998-м. Такие «документальные фильмы» и раньше предвосхищали начало больших политических процессов и создавались для того, чтобы внушить аудитории, что обвиняемый просто не может не быть гнусным типом.

Судебное слушание по нашему с Сергеем делу начиналось на следующей неделе, и в мае наступил кульминационный момент: Кремль отправил своей первый запрос о моем аресте в Интерпол — так называемый красный циркуляр. Хотя я и ожидал такого поворота, но всё же это было для меня как гром среди ясного неба. Вот я и в международном розыске!

К счастью, после вмешательства моих адвокатов Интерпол счел запрос политически мотивированным и удалил его из своей системы.

Но путинский маховик и не собирался останавливаться. Россия превращала Интерпол в свое оружие. Эта организация была известна своей небрежностью при проверке запросов на арест, исходящих от авторитарных государств. Всё это ужасно огорчало. Теперь при пересечении границы возникал вполне реальный риск ареста и экстрадиции в Россию.

Сейчас больше, чем когда-либо, я хотел быть на одной стороне баррикад с Соединенными Штатами. Но всякий раз, когда я спрашивал Пола, что нового по «Превезону», он уходил от ответа.

В июне мне нужно было быть в Нью-Йорке по совершенно другим делам, и, пользуясь случаем, я хотел задать этот вопрос Полу тет-а-тет, надеясь, что личная встреча прояснит ситуацию.

Мой второй визит на Сент-Эндрюс-плаза пришелся на жаркий летний день. После обмена любезностями с Полом и Шэрон Левин я не стал ходить вокруг да около и спросил напрямик: «Это дело увидит свет в конце кон-

цов, верно?» Но ответом мне были лишь невозмутимые лица.

Несолоно хлебавши я улетел обратно в Лондон, размышляя о том, приведет ли это дело к чему-нибудь. А запросы от федералов и не думали прекращаться.

Пока Вадим корпел над ответами в Лондоне, в Москве закончился суд по нашему с Сергеем делу, и 10 июля 2013 года нас обоих признали виновными в уклонении от уплаты налогов. Они уже убили Сергея, поэтому большего вреда ему причинить не могли. Ну а меня приговорили к девяти годам лагерей — заочно. И уже с «обвинительным» приговором Кремль отправил второй красный циркуляр в Интерпол, но там и его завернули.

Неопределенность сменилась отчаянием: что они там себе думают в прокуратуре Южного округа? Но в начале августа всё неожиданно прекратилось: больше никаких имейлов, никаких запросов, вообще ничего — тишина. И как это теперь понимать?

Я чувствовал, что наш единственный шанс восстановить паритет с Кремлем ускользает. Прошел август. Начался сентябрь. Ничего — никаких вестей от федеральной прокуратуры.

Но 10 сентября 2013 года я увидел письмо от Пола Монтеонеи в своем электронном почтовом ящике. В нем не было ни «Здравствуйте», ни «До свидания» — ничего, кроме ссылки на пресс-релиз под заголовком «Прокуратура США подает иск о конфискации имущества у компаний, занимающихся недвижимостью, которые предположительно были причастны к отмыванию преступных доходов, полученных от мошенничества с возвратом налогов в России».

Давно пора!

Иск прокуратуры Южного округа включал судебное ходатайство об аресте четырех роскошных апартаментов

«Превезона», которые обнаружил Билл Алперт в бывшем здании банка «Джи-Пи-Морган» на Пайн-стрит.

Но это было только начало. Пока Пол и его команда на протяжении месяцев забрасывали Вадима запросами, специальный агент Тодд Хайман методично прочесывал весь Нью-Йорк в поисках недвижимости «Превезона». Так он нашел квартиру на 49-й Ист-стрит, торговую точку на 7-й авеню и счета «Превезона» в «Бэнк оф Америка».

Более того, Министерство юстиции обратилось в суд с ходатайством о наложении ареста на активы «Превезона» по всему миру, а это около 20 миллионов долларов в недвижимости и наличных деньгах в Нью-Йорке и активы в Голландии на сумму 3 миллиона евро (примерно 3,5 миллиона долларов).

Общая сумма иска в 27 раз превышала те 857 764 доллара, которые мы изначально нашли в Нью-Йорке из похищенных 230 миллионов. Похоже, правоохранители США вознамерились забрать всё, что смогли бы найти, то есть все 230 миллионов долларов.

Иск федеральной прокуратуры был безоговорочным и независимым подтверждением всего, о чем мы говорили начиная с 2008 года. Всё было черным по белому, и теперь прокуратура была готова отстаивать свою правоту в федеральном суде США.

На следующий день суд удовлетворил ходатайство об аресте активов. Это был четвертый арест активов по делу Магнитского.

Иск к «Превезону» был настолько убийственным, что я подумал, что эти ребята вряд ли явятся оспаривать его. Каким наивным юнцом я был тогда, думая так...

Возвращение Джона Москоу

Конец 2013 — лето 2014 года

Месяц спустя по дороге домой я получил имейл от Билла Алпера. В заголовке письма была короткая фраза — «Мой кумир!». Послание не содержало никакого текста, кроме ссылки на судебное уведомление о назначении юристов защиты по делу «Превезона». К моему удивлению, Кацывы решили защищаться. Но кто их будет представлять?

Джон Москоу!

Я немедленно набрал Билла и, как только он поднял трубку, выпалил:

— Это наш Джон Москоу?

— Единственный и неповторимый.

— Не может быть.

— Но это так. И ты не представляешь, как я этим раздавлен, — с чувством произнес он.

Помимо того, что у Джона Москоу была безупречная репутация, Билла Алпера связывала с ним многолетняя дружба. Они оба любили одну греческую закусочную в нью-йоркском Сохо, где регулярно завтракали вместе. Билл был приглашен на «отходную» в честь Джона, когда тот уходил из окружной прокуратуры в частную практику. Он даже взял сына Джона своим стажером в «Барронс».

Поведение Джона представляло серьезную угрозу для меня и моих коллег. В Нью-Йорке более 57 тысяч аккредитованных юристов, но Кацывы нашли того единствен-

ного, кто представлял нас по этому же делу. Джон Москоу работал на нас, вел нас и помогал нам, а теперь он работал против нас. В это было невозможно поверить.

Не надо быть дипломированным специалистом, чтобы понять, что юристам нельзя перебегать на противную сторону. У меня было такое чувство, что нас просто предали.

Создавало ли это угрозу? Безусловно, это было чрезвычайно опасно. Джон Москоу знал нас как облупленных. Мы общались с ним постоянно, провели огромное количество телефонных конференций; он знал все наши доказательства и источники, наши цели и наши страхи. Он знал, как устроена наша система безопасности. Он знал каждого из нашей команды — черт побери, он знал мою супругу, которая тоже участвовала в разговоре с ним!

Я понимал, почему именно его наняла российская сторона — чтоб проникнуть в наш мир, который мы охраняли как зеницу ока. Но я не мог понять, как он мог согласиться на это. Как опытный прокурор по уголовным делам, он знал, на что способны эти русские. Именно он, когда только начал работать на нас, предупреждал меня об опасности, которая исходит от них! Кроме того, если он продолжит работать на «Превезон», это оставит несмываемое пятно на его репутации.

Мы попробовали решить эту проблему простым способом: Джон Москоу всё-таки американский юрист, партнер в известной юридической фирме с офисами по всему миру, а не какой-то проходимец, которого крышуют влиятельные коррупционеры. И если предположить, что он сам решил пойти на этот шаг, то его юридическая контора — «Бейкер-Хостетлер», получающая в год гонорары на сумму более 600 миллионов долларов, просто не позволила бы ему это сделать.

Мы написали письма управляющим партнерам фирмы «Бейкер-Хостетлер», напомнив, что мы с Сергеем стали

жертвами мошенничества в размере 230 миллионов долларов, а также, что их фирма ранее работала на нас, помогая отследить и отыскать получателей этих денег. А теперь они работают на одного из них! Налицо явный конфликт интересов: их новый клиент является противной стороной в этом конфликте с нами. Мы напомнили, что в процессе совместной работы они получили доступ к нашей конфиденциальной информации. Коллегия адвокатов Америки однозначно запрещает такого рода вероломство, и мы потребовали, чтобы «Бейкер-Хостетлер» и Джон Москоу незамедлительно самоустранились из процесса*.

Всё было очень просто, и мы ожидали услышать их извинения и получить обязательство немедленно отказаться от дела.

Прошло две недели. Тишина.

Чуть позже мы получили ответ, но вместо извинений фирма «Бейкер-Хостетлер» решила схитрить или рискнуть. Письмо было написано Марком Цимротом — партнером, но из вашингтонского офиса, — в крайне вызывающих тонах. Он писал, что фирма и не подумает брать самоотвод, обосновывая это тем, что мы вовсе не жертва налогового мошенничества. Поскольку 230 миллионов долларов были украдены из российского бюджета, то, утверждал он, пострадавшей стороной является российское правительство и только оно заинтересовано в этом деле.

Дальше — больше: он «не верит», что его фирма располагает какими-либо конфиденциальными документами, полученными от нас, так как «более 3000 страниц» ин-

* Правило 1.9 Профессионального кодекса поведения юристов Нью-Йорка гласит: «Юрист, ранее представлявший клиента по делу, не может впоследствии представлять иное лицо в том же или по существу связанном деле, в котором интересы этого лица материально противоположны интересам бывшего клиента, за исключением случаев, когда бывший клиент, информированный об этом, дает на это согласие в письменной форме».

формации о нас «доступны на публичных сайтах», и поэтому всё, что мы им сказали или предоставили, уже стало достоянием общественности. Далее он «уверял» нас, что даже если фирма и обладает какой-то конфиденциальной информацией, то они ее не «изучали» и не «раскрывали» «Превезону». И закончил он тем, что «Превезон» никак не может быть «противной стороной» по отношению к нам, потому что мы вообще не являемся «стороной» в деле. Он утверждал, что только ответчики и истцы по одному и тому же делу могут «противостоять» друг другу. Суммируя вышесказанное, с их точки зрения, у нас нет никаких оснований просить их отказаться от дела!

Для многих «юрист» и «этика» — взаимоисключающие понятия. Все знают, что юристы — объект бесчисленных насмешек. (Анекдот: в чем разница между юристом и медузой? Один — бесхребетный и ядовитый жирный пузырь, а другая — форма морской жизни. Почему акулы не нападают на юристов? Из профессиональной солидарности!) Я почему-то думал, что такое неуважение вызывает только определенная категория юристов — сутяжники, принимающие клиентов в дешевых офисах в торговых центрах, но никак не адвокаты Лиги плюща, работающие с совсем другими клиентами в роскошных офисах в стеклянных небоскребах центра Манхэттена. Шокировало, что «Бейкер-Хостетлер» — юридическая корпорация, существующая с 1916 года и имеющая таких клиентов, как «Форд» и «Майкрософт», упала так низко, что стала соответствовать этому стереотипу.

Однако правила в отношении юристов, нарушающих установленные законом нормы, четко прописаны, и совершенно неважно, работают ли они в торговых центрах или в офисах на Манхэттене. Поэтому раз «Бейкер-Хостетлер» не хотела уходить самостоятельно, то нужно было заставить их сделать это по закону.

6 декабря мы подали жалобу в Комитет прокуратуры Нью-Йорка по рассмотрению жалоб — надзорный орган, в задачи которого входит отслеживать этические нарушения в поведении юристов. В этой жалобе мы изложили, как Джон Москоу и «Бейкер-Хостетлер» перешли на другую сторону. Одно дело — их попытки завалить нас отписками с использованием пресловутого юридического жаргона, и совсем другое — попасть под проверку Комитета прокуратуры, по результатам которой можно лишиться юридической лицензии. И даже на этом этапе у них была возможность просто и без репутационных потерь выйти из дела «Превезона».

Но «Бейкер-Хостетлер» продолжал удивлять. В ответе комитету они не только повторили версию, изложенную в их письме нам, но и пошли дальше, заявив, что их фирма «не была нанята компанией Hermitage для поиска украденных 230 миллионов долларов и установления выгодоприобретателей этого мошенничества».

Прочитав это, я подумал, что они сами себя загнали в угол. У нас остались копии судебных запросов о раскрытии информации американскими банками, подготовленных Джоном Москоу специально для поиска украденных 230 миллионов долларов. Всё лежало на поверхности, и оспорить это было невозможно. Им не выкрутиться! Нам просто необходимо было слушание по нашей жалобе.

Но только его никак не назначали. Прошла зима, и началась весна 2014-го, а мы всё ждали ответа от Комитета по рассмотрению жалоб.

Болтая со своей подругой, юристом из Нью-Йорка, я пожаловался на задержку; она ответила:

— В Комитете работает — сколько?.. — полдюжины человек, которые должны следить за каждым нечистоплотным адвокатом в Нью-Йорке. Ты знаешь, сколько тут мерзавцев среди нас?

— Пятьдесят семь тысяч? — съязвил я.

— Практически, — рассмеялась она. — Кроме того, у вас сложный случай. Самые простые дела — это те, в которых юристы убивают своих клиентов или крадут у них деньги.

Я очень надеялся, что она ошибается, но если это так и у них всего шесть человек, которые разбирают каждое нарушение юристами этических норм в Нью-Йорке, то могу себе представить, сколько времени уйдет, пока они доберутся до нашей жалобы.

В начале апреля я работал у себя в кабинете, но мои занятия были прерваны неожиданным появлением секретаря с увесистым пакетом DHL. «Это доставили из Нью-Йорка, — сказала она. — Похоже, из суда».

Ну, наконец-то! Ответ из Комитета по жалобам, подумал я. Открыв пакет и бегло просмотрев первые несколько страниц, я понял, что ошибся. Документы были вовсе не из комитета. Это было судебное постановление с требованием о раскрытии информации от «Превезона», и оно было адресовано мне!

До этого мне не приходилось сталкиваться с требованиями американских судов. Оно начиналось так: «ВАМ НАДЛЕЖИТ явиться в день, время и место, указанные ниже». Через пять недель мне предписывалось явиться в офис юрфирмы в Рокфеллеровский центр на допрос. Помимо этого, постановление обязывало меня предоставить документы по 21 категории, включая всю нашу переписку с журналистами из Центра по исследованию коррупции и организованной преступности (OCCRP), всю нашу переписку со всеми нашими осведомителями, журналистами и политиками, которые помогали нам в наших расследованиях, всю нашу конфиденциальную переписку с правоохранительными органами, ведущими расследование хищения в размере 230 миллионов долларов.

Далее они требовали всю информацию по всем нашим «сотрудникам, консультантам, агентам, представи-

телям и иным лицам, представляющим наши интересы, включая: любую переписку, изображения, графические изображения, схематические изображения и диаграммы, фотографии, аудиозаписи, черновики и иную информацию», находящуюся в нашем офисе, квартирах или там, где мы ее хранили.

В общем, они хотели получить всё.

Из опыта нашей работы с Джоном Москоу мы знали, что использовать такие судебные запросы — его излюбленная тактика. С наших первых встреч он не уставал бахвалиться тем, что так он нащупывает болевые точки своих оппонентов, а потом давит на них, требуя у них именно то, что трудно или невозможно отдать. И теперь он обратил свое оружие против нас. Но ему не нужно было нащупывать наши болевые точки — он их прекрасно знал по нашей совместной работе.

Было ясно как божий день, что, заполучив таким образом всю информацию о нас, Джон Москоу незамедлительно передаст ее своему клиенту — сыну высокопоставленного российского чиновника, а от него, скорее всего, она попадет в руки мерзавцев всех мастей. Это поставит под угрозу не только наши жизни, но и жизни всех наших информаторов и тех, кто негласно помогал нам в России.

Кремлю больше не нужны были наемники типа Валидола, чтобы отслеживать нас и собирать о нас сведения, — теперь они ломались в парадную дверь американского правосудия и нагло требовали всю информацию.

Нам нужно во что бы то ни стало остановить это безумие.

Мечась по кабинету, как зверь по клетке, я лихорадочно набрал номер своего лондонского адвоката.

— Билл, что случилось? — спросил он. Я начал говорить так быстро, что он перебил: — Стоп, стоп. Притормози и давай с самого начала, но спокойно.

Когда я рассказал ему про судебное требование, он совершенно будничным тоном, как воплощение самого спокойствия, попросил:

— Прежде чем мы продолжим, дай мне на него взглянуть.

Я переслал его по электронке, и он перезвонил в мгновение ока.

— Билл, начнем с того, что на вас это требование не распространяется, — сказал он. — Вы находитесь в Лондоне, вам его не вручали в Нью-Йорке. Поэтому оно считается недействительным, пока его не вручат вам там лично. Тут больше не о чем разговаривать.

— Вы серьезно?

— Вполне. До тех пор, пока его вам не вручат лично в руки, это остается всего лишь их хотелкой. Не больше и не меньше!

Тяжкий груз свалился с моих плеч, но, зная Джона Москоу, я понимал: это только начало.

У меня был хороший адвокат в Лондоне, но если это только начало, то мне срочно нужен адвокат такого же калибра в Соединенных Штатах.

Я составил список из десяти самых влиятельных юридических контор в Нью-Йорке и связался с каждой. Шесть из них с ходу заявили, что им это неинтересно, причем без объяснения причин. Хотя и так было понятно: богатые россияне платили щедрые гонорары, швыряясь деньгами в Нью-Йорке направо и налево. Они судились друг с другом, разводились, покупали роскошную недвижимость, оформляли визы и открывали банковские счета. И это нравилось их американским юристам. Зачем кусать руку, которая тебя кормит, работая с таким, как я, — змеей подкольной в глазах этих людей?

Остальные четыре фирмы были готовы встретиться, и в мае 2014-го я отправился в Нью-Йорк. Первые три

ни на йоту не отличались друг от друга. Меня принимали в шикарных переговорных в офисах в центре Манхэттена, на встрече обязательно присутствовали старшие партнеры, кичащиеся своей судебной удачей и успешностью, а рядом с ними сидели их молодые, хорошо одетые подмастерья, недавние школяры, выпускники юридических факультетов. Но стоит подписать контракт, и вы вряд ли увидите кого-либо из старших партнеров. Дела будут вести молодые подмастерья. Последней из назначенных мне встреч была встреча с Рэнди Мastro, главой департамента судебных тяжб фирмы «Гибсон, Данн и Кратчер».

В своей «предыдущей профессиональной жизни» он был замом мэра Нью-Йорка Руди Джулиани (это было задолго до того, как Джулиани совершил публичное самоуничтожение). У Рэнди была репутация одного из самых яростных юристов в Нью-Йорке. В интернете я нашел много отзывов о нем как о человеке, с которым *«вы не захотите повстречаться в темном переулке — и точно не захотите повстречаться в освещенном зале суда»*. Кто-то еще написал, что идти против него — всё равно что «бороться с аллигатором».

Я с нетерпением ждал встречи с ним.

Офис фирмы «Гибсон, Данн и Кратчер» располагался в небоскребе Метлайф-Билдинг прямо над Центральным вокзалом. Я поднялся на лифте на 47-й этаж и вошел в высокий двухэтажный вестибюль с белым мраморным полом, стенами, отделанными панелями из темного дерева, красивой мебелью и монументальным современным муралом рядом с зоной ресепшен. Моей реакцией было — *это мне не по карману*.

Секретарь Рэнди встретил меня и провел в его угловой кабинет в конце коридора. Окна кабинета выходили прямо на вершину Крайслер-билдинг с его знаменитыми гаргульями в виде орлиных голов, а дальше открывался вид

на юг до Уолл-стрит и нью-йоркской гавани. Рэнди сидел за своим столом и заканчивал телефонный разговор, жестом приглашая меня присесть напротив.

На вид ему было далеко за пятьдесят, и он был совершенно непохож на других юристов, которых я встречал в Нью-Йорке. В сером костюме, но без галстука, в рубашке с расстегнутым воротничком, с длинными седыми волосами (то есть «длинными» для людей его профессии) и очень ухоженной бородой. Я не помнил, чтобы раньше встречался с адвокатом без галстука.

Его кабинет был сплошь заставлен бейсбольными атрибутами, включая нашивку знаменитого Роберто Клементе в футляре на столе и деревянную битую на видном месте. Я улыбнулся в «усы», представив его с битой в суде. Рядом с футляром лежал маленький резиновый аллигатор.

Через пять минут он повесил трубку и, представившись, спросил:

— Билл, чем могу...?

Я рассказал ему нашу историю. Он не перебивал и дослушал ее до конца, после чего растерянно покачал головой.

— Я знаю Джона Москоу. Он был одним из лучших при Моргентау, — произнес он, имея в виду одного из самых известных окружных прокуроров Южного округа Нью-Йорка — Роберта Моргентау. — Это чертовски стыдно... Я могу вам помочь?

— Они не оставят нас в покое и снова заявятся, и вот тогда мне понадобится кто-то, кто сможет дать им отпор.

— Вы пришли по адресу.

— А то, что придется иметь дело с русскими, вас не беспокоит?

— Ничуть! — и он протянул свою визитку. — Это мой прямой номер. Звоните в любое время дня и ночи.

Я вернулся в Лондон в приподнятом настроении, зная, что теперь мы готовы к новым атакам Джона Москоу.

Засада в Аспене

Лето 2014 года

Прошло несколько недель; как-то раз я возвращался с делового обеда по Бёрдкэйдж-Уолк в парке Сент-Джеймс. Это неподалеку от здания парламента. Я машинально просматривал поступившие сообщения на смартфоне; среди них было одно от Пола Монтелеони. От него не было вестей с тех пор, как прокуратура США возбудила дело против «Превезона».

«Позвоните мне. Срочно!» — прочитал я и удивился его повелительному тону.

Таких сообщений от Пола я еще никогда не получал.

Я нырнул в первую попавшуюся нишу здания и набрал номер Пола. Он ответил молниеносно — еще до того, как в трубке раздался гудок.

— Привет, Пол. Это Билл. Что случилось?

— Привет, — он замялся, прежде чем продолжить, как будто ему нужно было выйти со встречи. — Я, э-э, я не хочу вас тревожить и не могу быть уверен на сто процентов, но мы получили информацию о том, что некие люди предлагают деньги наемникам, чтобы разыскать вас и отправить в Россию.

— Отправить меня? Что за люди? — начал расспрашивать я.

— Это русские.

— Кто они?

— Это всё, что я могу сказать. Мы сообщим об этом британским коллегам, но я хотел также предупредить вас лично, чтобы вы смогли принять меры предосторожности, которые сочтете необходимыми.

Я повесил трубку и, стоя в нише, смотрел на пышную зелень парка Сент-Джеймс. Букингемский дворец был неподалеку, к западу от меня, а парламент, хотя отсюда его и не было видно, — всего в нескольких кварталах к востоку. Я вдруг почувствовал себя неуверенно, несмотря на то что находился в самом центре Лондона, в районе, где камер видеонаблюдения на квадратный метр было больше, чем где бы то ни было в Королевстве.

Выйдя обратно на тротуар, я почувствовал, как обостряется мое восприятие. Через парк я шел, уже ускорив шаг. Сообщение от американских служб о том, что я стал объектом заговора с целью похищения, вновь всколыхнуло все мои былые страхи. Если эта информация надежна, а я исходил из этого, то я больше не был в безопасности в Лондоне. И неважно, сколько в нем было камер видеонаблюдения: это никогда не останавливало Кремль.

Вдобавок здесь постоянно проживает, работает или путешествует более 300 000 россиян. Они как фонарные столбы или красные двухэтажные автобусы — их можно увидеть повсюду, и воспринимаются они как должное.

Но я никогда не воспринимал их как должное. Если не считать моей русской супруги и коллег, я всегда сторонился их общества. Заслышав на улице русскую речь, я инстинктивно ускорял шаг. Когда меня приглашали на коктейль или ужин, я избегал модных баров и ресторанов, в которых россияне были завсегдатаями.

Но, в отличие от меня, британское правительство воспринимало их как нечто само собой разумеющееся. И не было никаких сомнений в том, что после получения предупреждения от спецслужб США британцы не ударят палец

о палец. И хуже того: если бы меня действительно похитили, не было бы никаких реальных последствий.

Мои опасения возникли не на пустом месте: они подтверждались скандалом с Александром Литвиненко, перебежчиком из ФСБ, которого в 2006 году в центре Лондона отравили радиоактивным полонием два российских агента. И хотя следствие установило, что убийство Литвиненко было актом террора, за которым стоял Кремль, единственное, на что решилось британское правительство, — это выслать горстку российских дипломатов и объявить в бессмысленный розыск убийц Литвиненко, которых Кремль никогда не выдаст. Такой беззубый ответ окончательно развязал руки Путину — в Великобритании он безнаказанно мог делать всё, что захочет.

Угроза похищения вынудила меня усилить охрану. Я нанял телохранителей с опытом работы в таких странах, как Мексика и Афганистан, где похищения людей уже давно стали привычным делом. Однако и под охраной, несмотря на немалый опыт и постоянное присутствие моих телохранителей, я не чувствовал себя спокойнее. Как это ни парадоксально, но самый большой спрос на телохранителей в Лондоне был среди россиян (которые боятся своих же).

Большие деньги, циркулирующие в этом бизнесе, подрывали мое доверие к этим людям. Уяснив, что моя безопасность зависит только от меня самого, я задался вопросом: что бы я сделал, если бы оказался на их месте и пытался похитить сам себя?

Планирование такой операции обязательно включало бы слежку, изучение моих привычек для выяснения того, как проходит мой день, где я бываю и так далее. Это означало, что мне необходимо расстаться со своими привычками и моя жизнь не должна подчиняться какому-либо жесткому графику. Я изменил распорядок дня, стал начи-

нать его в разное время — иногда очень рано, иногда ближе к полудню. Я менял маршруты, которыми добирался до офиса, часто наматывая лишние круги. Приезжал на такси в один день, автобусом в другой, на метро в третий. Иногда я шел пешком, или проезжал только одну остановку на метро, или заходил в кафе, прежде чем продолжить путь. Иногда рядом со мной шли мои телохранители; в других случаях они были где-то поодаль, пытаюсь понять, не следит ли кто за мной.

Самое главное изменение моих привычек заключалось в том, что теперь я вел свой ежедневник по старинке, перестав пользоваться электронной версией — уйдя в офлайн.

Всё это было очень утомительно, но еще больше меня напрягала необходимость постоянно находиться в состоянии боевой готовности. Долго продолжаться так не могло. К счастью, всё это закончилось само собой. В середине июля мы всей семьей: Елена, дети и я — уехали в Аспен, штат Колорадо, на летние каникулы, где я смог вернуться к более привычному ритму жизни.

Мы прибыли на место 14 июля. Выйдя из самолета, я ощутил себя в другом мире. В Аспене очень маленький аэропорт, и вы выходите из самолета так же, как в пятидесятых годах прошлого века: дверь самолета открывается, и вы сходите по трапу на взлетно-посадочную полосу. Воздух чистый и сухой, пропитанный ароматами черной сосны, что растет на склонах гор среди осин и тополей.

Я люблю Колорадо. Я вырос в Чикаго, но в первый год учебы в старшей школе жил в интернате в Стимбот-Спрингс, где катался на горных лыжах практически каждый зимний день. Тогда я и проникся любовью к этому скалистому краю. После школы я два года учился в университете Колорадо в Боулдере и с тех пор при каждом удобном случае возвращаюсь в Скалы (англ. Rockies). В тот

раз (то есть в 2014 году) не только мне, но и всей моей семье понравилось жить в этом прекрасном месте.

Мне потребовалось несколько дней, чтобы успокоиться. Я вернулся к своему удобному распорядку дня, к прогулкам на велосипеде с детьми, к посещению концертов под открытым небом, ужинам в гостях в кругу друзей. Было здорово ощущать себя свободным и не оглядываться через плечо.

Главным для меня в этом отпуске была моя семья, особенно супруга, которая взвалила на свои хрупкие плечи всю тяжесть нашей ситуации. Ей пришлось не только жить в постоянном стрессе, опасаясь того, что ее муж может исчезнуть в любой момент, но и демонстрировать абсолютное спокойствие нашим детишкам. Каким-то образом она смогла внушить им, что бороться с Владимиром Путиным — это нечто само собой разумеющееся, и что все папы так делают, и что наша жизнь совершенно нормальная.

Тем не менее нужно было продолжать работать. В конце июля меня пригласили выступить в Институте Аспена с докладом о законе Магнитского. Этот институт — международный аналитический центр, здесь регулярно проводятся семинары, куда приглашают активистов, предпринимателей, политиков и журналистов для обсуждения самых разных тем. Кампус института расположен вдоль реки Роринг-Форк — одного из самых идиллических мест на земле. На семинар я поехал вместе со своим семнадцатилетним сыном Дэвидом, надеясь, что ему здесь понравится.

В конце первого дня семинара все были приглашены на коктейльный прием в Центре Дёрра и Хозьера (англ. Doerr-Nosier Center) — главном зале приемов Института Аспена. Дэвид только что поступил в Стэнфордский университет и был рад оказаться среди известных предпринимателей Кремниевой долины, а я был рад провести с ним время.

Прием подходил к концу, а небо затягивали тучи. С гор в долину Аспен-Вэлли надвигался сильный шторм.

— Прости, Дэвид, но нам пора, — поторапливал я сына, который болтал с молодым венчурным предпринимателем. Не успели мы выйти, как разразился ливень.

Я позвонил своему другу Пьеру, который приехал из Бельгии к нам погостить. Он подбросил нас на семинар, а потом отправился в город за покупками.

— Пьер, ты случайно не рядом с институтом? Погода не располагает к прогулке.

— Вам повезло! Я недалеко. Буду минут через пять.

К Центру Дёрра и Хозьера со стороны дороги вела пешеходная дорожка, так что Пьер не смог бы подъехать прямо к нам. Получив его эсэмэску о том, что он подъехал и ждет нас в тупике, где останавливались все машины, мы вышли из центра.

Зонтов с собой у нас не было, поэтому мы бросились бегом к машине, прикрывая голову руками от ливня. В эту минуту буквально из ниоткуда появилась женщина, которая приближалась ко мне, выкрикивая на ходу: «Господин Браудер! Господин Браудер!»

У нее был довольно неприятный голос. На секунду мы оба остановились. Я щурился, пытаюсь разглядеть ее сквозь потоки дождя, но не узнавал. И вдруг я заметил, что на ней не было бейджика Института Аспена, как у всех приглашенных на семинар.

Тут меня словно громом поразило. Сработал инстинкт «бей или беги», и разом вернулись все плохие предчувствия, мучившие меня месяц назад в Лондоне. Кто бы это ни был, я чувствовал, что добра от этой женщины ждать не стоит. Я схватил Дэвида и бросился бежать.

Она тоже побежала, продолжая кричать еще громче. Но я не обращал внимания. Единственное, о чем я думал в ту минуту, так это о том, что нам с Дэвидом надо поско-

рее добраться до машины. Дэвид вырвался вперед. Я оглянулся и увидел, что к женщине присоединился мужчина, который тоже бежал за нами.

И в эту секунду небеса разверзлись, и ливень превратился в стену воды.

Дэвид первым подбежал к машине и обернулся. На его мокром лице была растерянность.

— В машину! — выкрикнул я. Открыв дверь, он запрыгнул на переднее сиденье. Через секунду добежал и я, чуть не врезавшись в нее. Задняя дверь открылась — и вот я уже внутри. Пьер неторопливо копался в айфоне, не замечая, что происходит вокруг.

— Пьер, газу! — закричал я.

Он посмотрел на меня, пытаясь понять, шучу я или нет. «Вперед!» — вопил я. До него дошло. Отбросив свой айфон, он переключил передачу и привел автомобиль в движение.

Институт Аспена — это, по сути, пешеходная зона, и мы не могли просто взять и втопить газ. При выезде из тупика к машине подбежал тот мужчина, что преследовал нас, и бросил что-то на лобовое стекло. Это что-то застряло под дворниками, которые яростно метались из стороны в сторону. Пьеру пришлось остановиться. Из-за каскада лившейся воды и предмета на лобовом стекле ему было не видно дороги. Не мешкая ни секунды, Дэвид выпрыгнул из авто, вытащил предмет из-под дворников, швырнул его на землю и запрыгнул обратно.

— Что это было? — спросил я.

— Не знаю, — крикнул он.

Дав газу, мы оставили институт позади и помчались по мокрому улицам Аспена.

Я оглянулся посмотреть, не преследуют ли нас, а Пьер завопил:

— Что, черт возьми, происходит?

— Не знаю, — ответил я. — Ясно только, что дело дрянь.

Я был рад тому, что мы в безопасности. Но радость омрачалась тем, что враги выследили меня в Аспене.

Вернувшись домой, я рассказал супруге, что произошло. Хотя это наверняка были американцы, я знал, что они связаны с россиянами.

— Если Кремль знает, что мы здесь, — сказал я, — нам нужно уезжать.

Я и так должен был на следующий день возвращаться в Лондон, чтобы обсудить с моим британским издателем выпуск моей первой книги «Красный циркуляр». Но после всего, что с нами случилось, я не хотел оставлять свою семью и попросил Елену собраться.

Елена на удивление спокойно произнесла: «Конечно, нам не нужно уезжать, Билл».

Когда мы впервые встретились в Москве, Елена работала главным антикризисным управляющим в американской пиар-компании — практически недоступная должность для молодой женщины в такой патриархальной и душной стране, как Россия, — и никогда не позволяла панике взять верх.

— Тогда я никуда не полечу, — сказал я.

— Нет, — ответила она. — Книга очень важна. Тебе нужно ехать. Кроме того, здесь Пьер и Дэвид. И мы всегда можем позвонить Стиву. — Наш друг Стив был местным и заядлым охотником с внушительной коллекцией ружей. — Поезжай в Лондон.

Наверное, она была права. Я всегда чувствовал, что моя супруга — как врач по редким тропическим болезням, и я был болен именно одной из них. Мне несказанно повезло в жизни, что со мной была именно она, помогая мне вынести все эти испытания.

На следующий день я вылетел в Лондон с пересадкой в Денвере. Ожидая рейс из Денвера, я позвонил супруге, и она включила камеру в «Фейс-тайме».

Стоял прекрасный солнечный день. Дети притащили на дорожку, ведущую к дому, разбрызгиватель для полива газонов и, смеясь, бегали друг за другом под струями воды.

Через час, уже ночью, я летел в Лондон. Представляя детишек, играющих около дома, я погрузился в глубокий сон.

Около полудня следующего дня я прошел таможенную в Хитроу и отправил эсэмэску Елене о том, что благополучно добрался до Лондона. В Аспене едва рассвело, и ее молниеносный ответный звонок меня удивил.

— Билл, они приставали к нашим детям! — сказала она голосом, близким к истерике.

— Кто? Когда?

— Вчера во второй половине дня двое мужчин подошли к нашему дому. Дети играли на улице. Один спросил: «А твой папа дома?»

— Что?

— Вероника ответила ему: «Нет». А он опять: «А где он?» Она испугалась и убежала с остальными детьми в дом. А он им вслед что-то кричал. Дальше другой начал называть в дверь. Мы забаррикадировались в подвале. — Переведя дыхание, она продолжила: — Мне страшно здесь оставаться.

За все пятнадцать лет, что мы вместе, я никогда не слышал, чтобы она была так испугана. Я проверил расписание рейсов. Первый самолет в Колорадо вылетал только на следующий день, и пока меня там нет, нам нужна была помощь.

Стив был первым, кому я позвонил. Он жил на небольшом ранчо в предгорьях, к западу от города. Услышав о произошедшем, он взял инициативу в свои руки: «Не волнуйся, Билл, с твоей семьей ничего не случится. Я с двумя приятелями немедленно еду к тебе, и мы будем наблюдать за домом».

Второй звонок был Полу Монтелеони в Нью-Йорк. Как прокурор, он мало что мог сделать сам, поэтому привлек специального агента Хаймана, а тот, в свою очередь, связался с начальником полиции Аспена. (Он связался бы и со своими коллегами по национальной безопасности, но их ближайший офис — в городе Сентенниал (тоже в штате Колорадо), в четырех часах езды.)

Я регулярно просматривал полицейские сводки в местной газете «Аспен Таймс». Самыми громкими преступлениями в городе были редкие случаи вождения в нетрезвом виде, мелкие кражи в магазинах и потасовки в барах; в остальном в местном отделении полиции всегда было спокойно. И так как шериф совсем не хотел видеть свой город в центре крупного международного скандала с участием российских бандитов, он немедленно позвонил мне.

— Меня проинформировали о вашей ситуации, господин Браудер, — сказал он с явно выраженным местным акцентом. — Я навещу вашу жену в течение часа и организую регулярное патрулирование вокруг вашего дома. — Он дал мне свой личный номер и сказал, чтобы я звонил ему в любое время.

Я рассказал всё супруге; судя по ее голосу, она еще не оправилась от произошедшего.

— Дорогая, я возвращаюсь, — сказал я. — Вылетаю завтра первым рейсом.

Я поехал домой, чтобы переодеться, отменить все встречи и забронировать билет обратно в Аспен.

Через пару часов я перезвонил домой узнать, как дела, и, к моей радости, в голос супруги вернулось спокойствие и бодрый дух: «Стив с другом охраняют нас и сидят на капоте своего грузовичка с ружьями. Приезжал шериф, и мимо дома каждые пятнадцать минут проезжает полицейская машина. Я думаю, у нас всё будет хорошо. Поэтому заканчивай там, что планировал».

Это было как бальзам на душу. И я всё же остался в Лондоне на несколько дней, хотя и неохотно. Чем больше я думал о том, что произошло, тем сильнее закипала во мне злость.

Кремль выследил мою семью, и в этом я подозревал Джона Москоу. Ладно переметнуться на другую сторону в судебном процессе и прогнуться перед российской властью, но вовлекать в это дело мою жену и детей — это было уже слишком.

Судья Гриеса

Лето — конец 2014 года

Позже мы выяснили, что люди, преследовавшие меня, не были ни похитителями, ни убийцами. Они оказались приставами, которых наняли российские ответчики по делу «Превезона». Предмет, который они бросили на лобовое стекло машины, оказался пакетом с судебным запросом §1782 на раскрытие информации. И действительно за всем этим стоял Джон Москоу.

Новый судебный запрос был еще опаснее прежнего.

Вдобавок к уже затребованному массиву данных, Джон Москоу с партнерами теперь хотели получить всю мою личную информацию за последние восемь лет, копии моих паспортов и виз за предыдущие двадцать лет, всю мою переписку с Интерполом и Евросоюзом и всевозможную личную информацию о моих коллегах, Вадиме и Иване. Передай мы эту информацию в «Бейкер-Хостетлер», она наверняка нашла бы свой путь к нашим врагам в Кремле. А там уж сумели бы ею воспользоваться и наделать нам гадостей. Если учесть шлейф мертвецов, который тянулся за ними, всё вкупе действительно выглядело ужасно. Судя по тому, что они требовали, их действия больше походили на сбор оперативных данных российской разведкой, чем на подготовку к судебному процессу в США.

Вскоре эти опасения подтвердились. Через несколько дней Государственное информационное агентство России

ТАСС опубликовало сообщение: «Уильям Браудер вызван на допрос в Нью-Йорк». В статье цитировались юристы «Превезона»: «Если г-н Браудер не явится на допрос, он может быть подвергнут наказанию вплоть до ареста». Московский адвокат семьи Кацывов — Наталья Весельницкая, дама, о которой я никогда не слышал, — пыталась представить дело так, будто ответчиком в этом деле был я, а не «Превезон».

Настало время звать на помощь нашего «аллигатора».

В середине августа, выбросив из головы всю мишуру, связанную с муралом и блеском мраморных полов офиса «Гибсон, Данн и Кратчер», я позвонил Рэнди Мастро. После подписания соглашения об оказании юридической помощи я сразу отправил ему все документы по делу, чтобы он мог начать работать.

В сентябре я прилетел к нему в Нью-Йорк.

В этот раз я встречался с ним уже как со своим адвокатом. Я не мог не чувствовать легкого беспокойства. Это было похоже на поход к врачу после того, как пришли результаты анализов. Рэнди и его коллеги изучили материалы дела и теперь должны были «поставить диагноз». Я боялся, что он скажет, что у нас нет шансов и придется передать всю информацию Джону Москоу и «Бейкер-Хостетлер».

Мы встретились за завтраком в отеле «Ридженси» на Парк-авеню. Метрдотель, хорошо знавший Рэнди, проводил нас к его любимому столику через весь небольшой ресторанчик. Было на удивление многолюдно, хотя на часах было только 7:30 утра. Казалось, Рэнди знал здесь всех, по крайней мере, он поздоровался практически с каждым, пока мы шли к столику. Похоже, в этом ресторанчике регулярно назначали встречи люди из мира финансов, средств массовой информации и юриспруденции.

Мы уселись. Должно быть, я выглядел нетерпеливым, потому что Рэнди сразу сказал:

— Билл, спокойно. У нас всё под контролем.

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, что мы собираемся опротестовать этот судебный запрос. Они напортачили с юрисдикцией, они напортачили с вручением, не говоря уже о том, что количество запрашиваемой информации чрезмерно. Таких запросов я еще не видел. Это нечто!

— Это радует.

— Но это только начало, Билл. По правде говоря, я ни разу не встречал такого вопиющего конфликта интересов, как в этом деле. Надо устранить Джона Москоу.

— Но мы уже пробовали. Обращались в Комитет по рассмотрению жалоб, — пожаловался я.

Еще в начале августа мы получили от них ответ, а точнее корявую отписку в один абзац, из которой стало ясно, что они не будут ничего делать.

— Забудьте о них. Мы будем ходатайствовать о его отводе в суде, — отчеканил он.

— И в чем разница?

— На этот раз мы будем апеллировать вживую к судье, а не в переписке с какими-то клерками, которые вполглаза просматривают бумажки. Поверьте, у нас сильная аргументация.

Рэнди подал ходатайство о дисквалификации 29 сентября, и слушание было назначено на 14 октября.

В ответ Джон Москоу и «Бейкер-Хостетлер» отправили в суд свое объяснение. Там они в третий раз повторили всё то, что уже писали, начав с громкого заявления: «Браудер никогда не был клиентом „Бейкер-Хостетлер“» (прямо буквально подчеркнули эту «новую» мысль!). Их логика была в том, что поскольку компания Hermitage — а не я лично — оплачивала их счета, то адвокатская тайна на меня не распространяется.

Затем они пытались объяснить, что ни у компании Hermitage, ни у меня нет никакой финансовой заинтере-

сованности в деле «США против „Превезона“», и неважно, кто выиграет дело, — мы всё равно не получим ни цента из конфискованных денег. Поэтому, писали они, их клиент не «противная сторона» по отношению к нам, а если так, то нет и никакого конфликта интересов. Всё это казуистика, замешанная на абсурде. С 2009 года моей миссией стало привлечение к ответственности палачей Сергея и всех, кто извлек выгоду из преступления, которое он разоблачил. Они знали это, и все знали это. Что действительно пытались сделать Джон Москоу и «Бейкер-Хостетлер» — так это подменить понятие «противная сторона процесса». И это было не только подло, но и предельно цинично.

Заканчивался их документ заявлением, которым мог бы гордиться сам Кафка: *«Браудер стремится нанести ущерб деловой репутации Джона Москоу, который более 30 лет честно служил штату Нью-Йорк в качестве одного из самых видных адвокатов по борьбе с легализацией доходов от преступной деятельности»*. Они пытались убедить судью, что жертвой здесь был вовсе не Сергей и не я, а Джон Москоу, который теперь защищает подозреваемых в отмывании денег. Я с трудом сдерживал себя. Для судьи решение об их дисквалификации не должно быть сложным. Я ждал дня судебного заседания с нетерпением. Вскоре мы узнали, кто именно будет судьей на нашем заседании, и это удвоило мою энергию: председательствовать должен был distinguished Томас Гриеса. Этот судья имел репутацию жесткого человека, принимавшего неоднозначные решения по очень спорным вопросам. До нашего дела он вынудил целую страну — Аргентину — объявить дефолт по просроченным выплатам процентов и сумм основного долга в споре Аргентины с нью-йоркским хедж-фондом «Эллиотт Менеджмент». (После чего судью Гриесу люто возненавидели в Аргентине. Его чучела сжигали на улицах Буэнос-Айреса.)

Была и еще одна причина для оптимизма. Несколькими годами ранее коллега Рэнди, Ричард Марк, был одним из любимых клерков судьи Гриесы. Идея была в том, чтобы Рэнди подал ходатайство, а Ричард выступал в самом суде, аргументируя нашу позицию. Обычно это неважно, но судьи — тоже люди, и поговорить с бывшим коллегой, которому ты доверял, всегда приятнее, чем с незнакомцем.

14 октября около десяти утра Рэнди и Ричард отправились на судебное заседание в зал 26Б в здании «Дэниел Патрик Мойнихан» на Фоли-сквер, прямо за углом от Федеральной прокуратуры Южного округа. Рэнди хорошо знал этот суд и вел в нем сотни дел. Зал, инкрустированный ценными породами дерева, с удобными мягкими стульями, местами для присяжных, трибуной для свидетелей и большой галереей для публики, вмещавшей до ста человек, производил впечатление своим колоритом и величием. Над местом судьи висела эмблема Министерства юстиции США.

Когда Рэнди и Ричард прибыли, около входа в зал уже была толпа. «Превезон» представляли шесть адвокатов из трех разных юридических контор, включая Джона Москоу и Марка Цимрота, адвоката из вашингтонского офиса «Бейкер-Хостетлер», того, что отвечал нам отказом на требования об отводе. Цимрот, мужчина с редкими светлыми волосами и густыми седыми усами, был ведущим адвокатом по делу. Эту команду сопровождала свита младших юристов и их помощников. В галерее сидели празднующие граждане и зеваки. Похоже, это слушание было важным для «Превезона».

Томас Гриеса вышел в зал из своей комнаты, занял место судьи и ударом молотка в 11:15 утра открыл судебное заседание.

Гриесу назначил судьей еще президент Никсон. Хотя ему было 83, но выглядел он совсем стариком. Может быть, из-за того, что страдал каким-то искривлением по-

звоночника, отчего сильно горбился. Из-за этого недуга он почти не мог смотреть прямо и постоянно блуждал взглядом по своему столу. Любое движение давалось ему с большим трудом.

Рэнди начал первым, а затем передал слово Ричарду. Ричард продолжил, но в этот момент судья Гриеса попросил его говорить в микрофон — видимо, он еще и плохо слышал.

Ричард подошел ближе, но через несколько секунд судья снова перебил его. Он спросил, почему и зачем мы заявляем это ходатайство. Стало понятно, что он не прочитал ни одной из сотен страниц документов ни одной из сторон.

Хороший адвокат всегда готов к такого рода поворотам, и Ричард стал медленно и спокойно рассказывать судье Гриесе всю нашу историю. У Ричарда получалось хорошо, но тут судья начал задавать вопросы.

Через час выяснилось, что судья Гриеса перепутал цель сегодняшнего заседания. Он не мог понять, кто я такой и как связан с Джоном Москоу. Он не мог понять, как у «Превезона» оказалась часть украденных денег. В какой-то момент он даже не смог вспомнить, что изначально мошенничество произошло в России.

Ричард использовал всё свое терпение и знания о судье, чтобы попытаться развеять его туман, но ничего не вышло.

Цимроту было не легче. Он убеждал судью что поскольку я регулярно выступаю и рассказываю о Сергее, размещаю видеоролики на «Ютьюбе» и делаю презентации, рассказывая об афере с 230 миллионами долларов, то я давно утратил право на адвокатскую тайну.

Судья не мог уследить за всем этим.

— Еще раз, кто выступает с рассказами? — спросил он.

— Он публично выступает с рассказами, — объяснял Цимрот.

— Кто?
— Господин Браудер.
— Кто размещал что-то там в интернете?
— Господин Браудер и компания Hermitage. У них есть веб-сайт, Ваша честь, и они постоянно выступают с такими рассказами, каждый месяц.

— Кто рассказывает кому?

Даже Цимрот уже выходил из себя.

— Господин Браудер выступает с рассказами, — говорил он в микрофон, растягивая слова, — о господине Магнитском, афере с 230 миллионами долларов и почему Россия — это криминальное предприятие.

И хотя судья совсем запутался, но по каким-то личным мотивам он сочувствовал Джону Москоу, и когда адвокаты закончили прения, судья Гриеса объявил: «Отстранение от дела [Джона Москоу] для того, чтобы он не мог выполнять совершенно другую работу[?], — я не могу понять, зачем это компании Hermitage. Откровенно говоря, это как-то низко».

Судьи не могут вершить правосудие, руководствуясь «низкими» или «высокими» мотивами поступков. Они должны руководствоваться законом.

Мы явно проигрывали. В последний момент Рэнди попросил судью Гриесу о коротком совещании в его кабинете. Судья согласился, и Рэнди, Ричард, Джон Москоу и Марк Цимрот прошли в его покои.

Ричард представил судье стенограмму моего разговора с Джоном Москоу в день ареста Сергея — где Джон Москоу говорил о том, как отследить 230 миллионов долларов, оставших «следы на снегу», — и стенограммы ряда других разговоров, охраняемых адвокатской тайной. Эти материалы опровергали утверждение Джона Москоу о том, что он никогда не помогал нам в поиске 230 миллионов долларов, а также и утверждение Цимрота о том, что я не делился с ними конфиденциальной информацией.

Закрытое совещание продолжалась больше часа, но и после этого судья Гриеса остался при своем мнении, хоть и согласился назначить повторное слушание на 23 октября.

Все происходящие приводило меня в бешенство, но одновременно я испытывал к судье чувство жалости. Мой отец примерно такого же возраста, он один из выдающихся математиков мира, лауреат государственной награды за выдающийся вклад в науку, награжден Национальной научной медалью. На пике своей карьеры он решал самые сложные нелинейные дифференциальные уравнения в частных производных, но теперь, когда ему за восемьдесят, простые задачи — такие, как оплата счетов за коммунальные услуги или включение сигнализации — стали для него проблемой. Видеть, как он разрушался, было, пожалуй, одним из самых тяжелых переживаний моей жизни.

Судье Гриесе следовало давно оставить свой пост. К сожалению, мы столкнулись с особенностью американской системы правосудия: для федеральных судей не существует предельного возраста пребывания в должности. Иными словами, они могут вести дела, пока не умрут. Я уверен, что в прошлом этот судья был львом на арене судебных баталий, но теперь он стал тенью прежнего себя, и мы расплачивались за это.

Эта мысль не покидала меня в течение всей следующей недели. Я всё сильнее волновался и поделился этими размышлениями с Рэнди накануне второго слушания. Он, конечно, не мог не заметить моего состояния, но сам выглядел спокойно и уверенно.

— Билл, не волнуйся. Я постараюсь склонить его в нашу сторону.

И вот все адвокаты снова собрались в судебном зале 26Б.

В этот раз Рэнди боролся за судью, апеллируя больше к здравому смыслу, чем к юридическим тонкостям.

Но чем больше Рэнди убеждал судью, тем больше росло раздражение последнего. Казалось, что Гриеса злился на самого себя, что не может сделать то, что раньше получалось так легко. Он не мог связать друг с другом две простые вещи. Он не мог понять, каким образом предыдущая работа Джона Москоу на нас вступает в противоречие с его текущей работой на «Превезон».

Постыдно было и то, что пока говорил Рэнди, Джон Москоу театрально приглушенно бросал в зал реплики типа «Это неправда!» или «Рэнди, как ты можешь так говорить?». С таким непрофессиональным поведением коллеги по цеху Рэнди столкнулся впервые, а судья Гриеса не пресекал это, так как был туговат на ухо.

Рэнди говорил почти полтора часа, терпеливо пытаюсь пробиться сквозь мутный рассудок судьи. Потом с ответной речью выступил Цимрот. Понимая, что они одерживают верх, он был краток и уложился в десять минут.

Заседание подходило к концу, но в последнюю секунду Пол Монтелеони попросил слово, сделав последнюю отчаянную попытку развеять замешательство судьи. Он подошел к микрофону и следующие несколько минут объяснял ему, что Hermitage и «Превезон» — это две противоположных стороны в одном преступлении.

— То есть вы утверждаете, что «Превезон» сотрудничал с Hermitage, чтобы легализовать преступные деньги? — спросил судья, окончательно запутавшись.

— Нет же, — воскликнул Пол в сердцах. — Hermitage не сотрудничал с «Превезоном». Hermitage — это жертва преступления.

Я уверен, что все юристы в зале суда не могли поверить своим ушам. После сотен поданных страниц документов, двух слушаний и длительного уединенного совещания в комнате судья Гриеса так и не уяснил суть дела.

Он вынес решение, даже не взяв времени на его обоснование. Оно гласило, что судья не видит «никаких причин, по которым Москоу не может представлять своего нового клиента, „Превезон“, в этом деле. Это новое дело — совершенно другая ситуация... Спасибо большое».

Вот и всё. Джон Москоу и «Бейкер-Хостетлер» остались в этом деле.

Наши враги в России пришли в восторг. Наталья Весельницкая, адвокат семьи Кацывов, незамедлительно опубликовала в «Фейсбуке» пространный пост.

Ее пост — сплошное передергивание и тяжело читаемая чепуха, но в одном она была на удивление честна: она переименовала дело «США против „Превезона“» в «Браудер против России», тем самым полностью перечеркнув всю аргументацию своих юристов, «Бейкер-Хостетлер». Мы и «Превезон» действительно были противными сторонами.

Название ее поста говорило само за себя: «1:0 В ПОЛЬЗУ РОССИИ».

«Ежедневное шоу»

Конец 2014 — начало 2015 года

После нашей неудачи с отстранением Джона Москоу и «Бейкер-Хостетлер» у Рэнди поубавилось самоуверенности и лоска. Но он был убежден, что сможет опротестовать судебный запрос, полученный нами в Аспене (и позже он сделал это на отлично), и настаивал на том, чтобы я не появлялся в Нью-Йорке, пока идет дело «Превезона». «Если запрос вручат вам здесь, то всё поменяется коренным образом», — предупреждал он.

Легко сказать — не приезжать в Нью-Йорк. Намного легче, чем сделать. Я регулярно бывал в этом городе по бизнесу и личным делам. Мои родители жили недалеко от Нью-Йорка, в Принстоне, штат Нью-Джерси.

Осенью 2014 года, во время ужина в честь Дня благодарения, мне позвонила Натали, медсестра, которая жила в доме родителей и присматривала за ними.

— Билл, твоя мама совсем плоха, — сказала она. — Мы отвезли ее в больницу. Думаю, тебе нужно приехать.

Маме было 85, и ей нездоровилось уже много лет. В 75 она перенесла тяжелый инсульт, в результате чего наступил частичный паралич, который приковал ее к инвалидному креслу. В 83 у нее диагностировали болезнь Альцгеймера, и с тех пор всё шло только по наклонной. Подростком она бежала из Вены в Америку, в одиночку пересекла Атлантический океан, спасаясь от Гитлера и Хо-

локоста. Но вот от разрушающей личност болезни Альцгеймера убежать не смогла.

Я жил за пределами Америки с тех пор, как ей исполнилось 60. В течение многих лет, пока родители были здоровы, мы находили способы видаться или в Америке, или в Англии. Но всё изменилось, когда здоровье мамы ухудшилось. Чувство неизгладимой вины съедало меня изнутри, если я долго не видел ее.

Это же чувство испытывала и она, находясь далеко от меня за много лет до того.

Тогда, в середине 80-х, ее мама, моя бабушка Эрна, сломала шейку бедра, что сделало ее инвалидом. Она больше не могла жить одна и оказалась в мрачном доме для престарелых в калифорнийском городе Аламеда, по государственной программе медицинской помощи нуждающимся «Медикэйд» (англ. Medicaid). Для нее это стало ударом и унижением. Было больно смотреть на моих родителей, живших на профессорскую зарплату: у них не хватало денег, чтобы улучшить жизнь бабушки в доме для престарелых или забрать к себе в Нью-Джерси.

В то время мне было двадцать четыре, и я учился в бизнес-школе на Западном побережье, поэтому я один из всей семьи мог часто навещать бабушку. Было тяжело видеть, как она угасает в этом холодном месте безразличия. Бабушка умерла одна, в казенном доме, вдали от тех, кто ее любил, и, к несчастью, я не смог быть с ней в ее последние часы.

После ее смерти я поклялся, что, если у меня будет возможность, я сделаю так, чтобы этого никогда не произошло с моими родителями или с теми, кто мне дорог. Двадцать шесть лет спустя, когда мои родители состарились, мне посчастливилось поселить их в удобном для жизни доме под заботливым присмотром помощников и медсестер.

После разговора с Натали я забронировал билет на ближайший рейс в Ньюарк. Несмотря на то что Принстон находится в Нью-Джерси, а не в Нью-Йорке, ехать туда значило ослушаться Рэнди. Дело в том, что юрисдикция федерального суда не ограничивается границами штатов, а простирается от здания суда на 100 миль (161 километр). Принстон находится примерно вдвое ближе.

Но Джон Москоу с его судебным запросом не мог помешать мне увидеть тяжелобольную маму.

Во второй половине следующего дня я уже был в Ньюарке. Быстро пройдя паспортный контроль и арендовав машину, я поехал прямо в Принстонский медицинский центр, современную больницу на окраине города. Состояние мамы было намного хуже, чем я ожидал. Наблюдавшей ее врач объяснил, что шансов у нее практически не осталось, и, как предполагает в таких случаях регламент, попросил моего согласия на отказ от проведения реанимационных мероприятий.

Еще в те дни, когда мама была в сознании, она заставила меня поклясться, что я не буду предпринимать никаких титанических усилий для поддержания в ней жизни в подобной ситуации. И теперь настало время сдержать обещание.

Я попросил врача разрешить ей уйти естественной смертью.

Одно дело абстрактно говорить о таких вещах за много лет до этой беды, но совершенно другое — сделать это, когда пришло время. Я чувствовал себя ужасно. Я позвонил брату Тому, который живет на Гавайях, и попросил приехать. На следующий день мы были вместе и не отходили от мамы, в тяжелом ожидании, молитвах и надеждах. К сожалению, папа был очень болен и не мог покинуть дом, чтобы быть с нами.

Но чудесным образом на пятый день состояние мамы улучшилось! Артериальное давление стабилизировалось, дыхание стало более легким. Медперсонал отключил ее

от вспомогательных аппаратов, поддерживающих в ней жизнь, и еще через три дня она стала достаточно стабильна, чтобы ее выписали и отправили домой, но, правда, на машине скорой помощи.

Похоже, ее время еще не пришло.

Том провел в родительском доме еще одну ночь и утром уехал. Я остался и долго сидел с мамой, держа ее за руку, наблюдая, как белки играют с желудями на заднем дворе. Я рассказывал ей о нас, хотя она не помнила, кто я; о ее внуках; о том, в какой университет собирался поступать Дэвид; и даже о законе Магнитского.

Перед отъездом я отвел Натали в сторону и предупредил: «У меня проблемы с русскими. Если будут происходить странные вещи, пожалуйста, сразу же звоните». Натали сама родом из Грузии: зная историю своей страны, она отлично понимала, на что способна российская власть. Она пообещала быть начеку.

Всё обошлось, и я вернулся в Лондон. Мама чувствовала себя достаточно хорошо, чтобы ее оставить, но наступивший год вновь поставил меня перед выбором. В начале февраля выходила моя первая книга «Красный циркуляр», и мне было необходимо представлять ее читателю в Нью-Йорке. И уж эту поездку Джон Москоу точно бы не обошел вниманием. Услышав о предстоящем книжном турне, Рэнди категорически запретил мне появляться даже в окрестностях города. Конечно, я бы внял его совету, если бы речь шла только о судебном запросе, но на карту было поставлено гораздо большее. Кремль тратил колоссальные ресурсы на создание ложного имиджа Сергея, поэтому было очень важно рассказать правду о том, что произошло на самом деле, и чтобы об этом узнало как можно больше людей. Общаться с законодателями и прокурорами можно до посинения, но никакое общение не заменит людям книгу, да еще и бестселлер.

Присцилла Пейнтон, мой редактор в издательстве «Саймон энд Шустер», считала, что у нас хорошие шансы. Но книги не продаются сами по себе, особенно когда автор новичок, и единственный способ сделать из книги бестселлер — это раздавать интервью направо и налево и участвовать во всех телешоу, на которые вас приглашают.

Я обязан был поехать в Нью-Йорк.

Накануне Рождества, когда мы с супругой тайно упаковывали подарки для наших детей, позвонила Натали.

В этот раз ее трудно было узнать.

— Я звоню, потому что вы сказали мне позвонить, если я что-то замечу.

— Что случилось?

— Сегодня вечером, пока я была на кухне и готовила ужин, двое мужчин ходили вокруг дома по сугробам, пытаясь заглянуть в окна.

Дом был в тупике, практически в лесу, поэтому посторонние туда не заходили.

— Вы их хорошо рассмотрели?

— Нет. Было слишком темно. Но я проверила все двери, и еще я поставила периметр на сигнализацию. Что мне делать, если они вернуться?

— Позвоните в 911, — номер полиции, — а потом мне.

Это меня напрягало. Я не уверен, что загадочных незнакомцев подслал Джон Москоу, но если он, то это уже за гранью добра и зла. К тому же если он так заиклен на мне, да еще и не стеснен в финансах, то, находясь на виду у всех в книжном туре в Нью-Йорке, я буду для него легкой добычей.

Задача не из легких — найти способ осуществить мой книжный тур без осложнений.

В этом я очень рассчитывал на свою помощницу по кампании «Справедливость для Сергея Магнитского» — Софи

Де-Селльер. Софи была выпускницей Эдинбургского университета, плюс к этому она заканчивала юридический на вечернем обучении. Несмотря на молодой возраст — двадцать девять лет, — ее отличало прекрасное знание жизни и большое внимание к деталям.

Она продумала мой график до мельчайших подробностей и договорилась с продюсерами и журналистами в Нью-Йорке об использовании разных запасных входов и выходов во избежание возможных засад. У большинства из них наша просьба нашла отклик, а те, кого она удивляла, наверное, просто не прочитали мою книгу.

Пока Софи дорабатывала график моего пребывания в Нью-Йорке, Натали позвонила вновь. Она была жутко взволнована:

— Билл, вам нужно приехать. Мне кажется, что этот час настал.

Она объяснила, что мама полностью перестала есть и пить и если это продолжится, то у нее в запасе всего несколько дней.

Я бросил всё и помчался в Нью-Джерси. К сожалению, мой брат не смог приехать, а супруге пришлось остаться в Лондоне с детьми. Поэтому мы трое: мой папа, я и Натали — по очереди дежурили у маминой кровати.

На этот раз мама была дома, а не в больнице. По старинке, у моих родителей был семейный доктор, который выезжал на дом. Он пришел в день моего приезда, и, общаясь с ним, я спросил, как нам заставить маму есть и пить.

— Никак. Она решила, что ее время пришло, — вот так просто ответил он. Доктор, как и я, знал, что она не хотела искусственно продлевать свою жизнь. Он объяснил, что ее организм будет медленно угасать без боли и дискомфорта.

Следующие несколько дней я был рядом с мамой, разговаривал с ней и напоминал ей, что она не одна. По ви-

деосвязи через «Фейс-тайм» я соединял ее с братом, моей супругой и детьми.

Время от времени я делал перерыв и бродил по дому, чтобы отвлечься, используя лестницу для физических упражнений. Отец собрал огромную библиотеку: около 35 тысяч томов были аккуратно расставлены по полкам в подвале дома. Книги самые разные — от Аристотеля до св. Фомы Аквинского и Гоголя, по разным предметам — от геофизики до истории искусств и топологии. Книги на английском, французском и русском языках были систематизированы, как в университетской библиотеке. Он прочитал их все. Когда мы приезжали к родителям, дети обычно играли в прятки среди этих стеллажей и пропадали там часами. Блуждая по подвалу, я удивлялся тому, как завораживало папу коллекционирование книг и как мама ненавидела эту его одержимость.

В эти последние дни я смог сосредоточиться на маме, но каждый раз, когда я проходил мимо окна во двор, я вспоминал про Джона Москоу и его запрос, и тогда злость переполняла меня — злость на себя за то, как я мог думать о нем в такой момент.

В последние четыре дня дыхание мамы становилось всё более и более медленным. Вечером четвертого дня пришли две медсестры, пообещав сделать укол морфия, если поймут, что она страдает. Однако, осмотрев ее, они заверили меня, что этого делать не надо.

С закатом уходила и она. Я держал ее за руку и говорил, что люблю. Последний вздох, и ее не стало.

Есть такое выражение, «покойся с миром». И это действительно так: я видел, что она уходила с миром, без борьбы, оставив позади боль и страдания.

Позже, после того как ее тело отвезли в похоронное бюро, я поехал к озеру Карнеги, расположенному неподалеку. Там был небольшой съезд к воде, где я любил оста-

навливаться по дороге от дома родителей до больницы, чтобы побыть одному в тишине и поразмышлять. Глядя на неподвижную массу воды, я вдруг подумал, что кончина мамы в своем доме была менее тяжелым испытанием по сравнению с тем, что я видел, когда навещал ее, еле живую, в больнице, со всеми этими подключенными трубками и аппаратами. Да, утрата мамы принесла с собой опустошение, но то, что я был рядом с ней в последние минуты, некоторым образом облегчило ее уход.

Смерть мамы стала второй тяжелой потерей в моей жизни после смерти Сергея Магнитского. Естественная, мирная смерть моей мамы, дома, среди людей, которых она любила, делала убийство Сергея еще более зловещим. У него отняли не только десятилетия жизни, но и последние минуты, в течение которых с ним не было никого, кто любил его. Он был в холодной камере, где его забивали палачи. По пути домой в Лондон я понял, что должен направить в праведное русло всю свою скорбь, вызванную утратой мамы, и всё возмущение, связанное с гибелью Сергея: через две недели я вернусь в Нью-Йорк и буду представлять читателям свою книгу «Красный циркуляр».

* * *

2 февраля 2015 года я вновь оказался на Манхэттене. Мое первое интервью было назначено на 6:45 утра на телеканале «Фокс» в шоу «Фокс и друзья». Софи попросила продюсеров не объявлять заранее о моем интервью, чтобы Джон Москоу и его команда ничего не знали о нем, пока я не выйду в эфир.

В здание «Фокс» мы должны были попасть через разгрузочный док со стороны 48-й Западной улицы, пример-

но в 140 метрах от главного входа на 6-й авеню. Наша машина остановилась рядом с фурой, ожидавшей разгрузки.

Рядом с ней, покуривая, стояли грузчики. Один из них крикнул:

— Ребята, вы ошиблись! Вам нужен вход с другой стороны.

— Нет-нет, — ответила Софи. — Всё правильно. Мы на месте.

Грузчик собирался сказать что-то еще, но в этот момент дверь дока открылась и появились два крепких охранника. «Господин Браудер?» — поинтересовался один из них. Я кивнул. «Идите за нами». И мы пошли. Нас провели по лабиринту коридоров прямо в фойе для гостей шоу на первом этаже.

Воспользовавшись рекламной паузой, продюсер подсадил меня к трем ведущим шоу на диван, стоявший в центре съемочной площадки. Россия в последнее время не сходила с новостной ленты: она вторглась в Украину, сбила пассажирский самолет, жульничала на Олимпийских играх — и ведущие были едины в том, что Путин оказывает вредоносное влияние на весь мир. Я рассказал им историю Сергея, как уже делал до этого много раз, но теперь подкрепил ее своей книгой, которая лежала на журнальном столике перед ними. Интервью было коротким и заняло меньше пяти минут, но прошло на ура.

Тем же путем без каких-либо проблем мы с Софи покинули шоу. Пока мы ехали на другой конец города, я представлял, как Джон Москоу смотрит мое утреннее интервью и судорожно названивает всем, пытаясь выяснить, куда я поехал дальше.

Следующее интервью было назначено в интернет-издании «Слейт». Это был не прямой эфир, а запись подкаста, поэтому Джон Москоу не мог знать, где я нахожусь, но мы все равно воспользовались черным входом.

После этого я дал еще два интервью для «Уолл-Стрит Джорнэл» и «Бизнес-Инсайдер», а вернувшись в отель — еще несколько интервью для радио, но уже из своего номера. По окончании записи я заказал поздний обед и стал готовиться к самому важному интервью моего турне — телевизионной передаче «Ежедневное шоу».

Живя в Лондоне в течение последних двадцати шести лет, я мало что знал о «Ежедневном шоу», сатирической новостной программе, которую тогда вел Джон Стюарт, остроумный комик и большая язва. Я переживал, что это всё же комедийное шоу, но Джулианна Гловер — моя знакомая и лоббистка в Вашингтоне, помощь которой в принятии закона Магнитского была неоценима, — заверила меня, что это шоу гарантирует «Красному циркуляру» статус бестселлера.

Она была так воодушевлена, что приехала на поезде из Вашингтона, чтобы поддержать нас с Софи.

Всё было хорошо, но загвоздка была в том, что «Ежедневное шоу» было не только самым престижным пунктом нашего турне, но и самым рискованным. Политика шоу — оглашать имена своих гостей заранее, всех без исключения, включая, разумеется, и меня. Джон Москоу уже наверняка знал, что я буду там.

Поэтому мы прибегли к дополнительным мерам предосторожности. Мы прибыли к боковому входу в здание на Западной 51-й улице за час до начала шоу. Прежде чем выйти из машины, мы осмотрели улицу в обоих направлениях, и, не заметив ничего подозрительного в радиусе двадцати метров, Софи позвонила продюсеру. Через минуту дверь открылась, и, выскочив из машины с охраной, мы прошли внутрь.

Мы удобно устроились в фойе и стали ждать. За несколько минут до начала к нам вбежал Джон Стюарт и после краткого приветствия объяснил, как будет проходить шоу.

У меня был только один вопрос: «Мне нужно будет шутить?» Я не привык шутить по команде, не говоря уж о том, что шутки на такую серьезную тему просто неуместны.

— Нет-нет. Просто будь собой и отвечай, как на любом другом шоу, — сказал он. — Шутить — это моя работа. — Он улыбнулся и, развернувшись на пятках, умчался.

Через некоторое время из студии донесся приглушенный взрыв смеха. Шоу началось. Я запаниковал, да так сильно, как никогда раньше. Но тут вошел продюсер и сказал, что сейчас наш выход; и спустя несколько мгновений я был на сцене.

Студия была большая, полностью черная, и свет рампы и софитов отсекал меня от зрителей. Но они были там и аплодировали. Джон Стюарт встал, чтобы поприветствовать меня. Как я и ожидал, это интервью не было похоже ни на одно из тех, в которых я раньше участвовал. Джон Стюарт развлекал публику шутками, но только не обо мне или Сергее, а лишь о Путине и его камарилье.

Уже ближе к концу, когда мы обсуждали банки и отмывание грязных денег, он прервал меня: «Но если банки знают, что это грязные деньги, не следует ли нам просто включить банки в список [Магнитского]?»

Это вызвало бурю оваций. Никто не любит банкиров.

Через несколько мгновений произошло то, о чем мечтает каждый автор. Джон Стюарт положил книгу на край стола и сказал:

— Потрясающая история. «Красный циркуляр». Книга уже на книжных полках. Билл Браудер.

Заиграла музыка, и после рукопожатий я не успел опомниться, как снова оказался в фойе.

Софи сияла. Джулианна крепко обняла меня и раскати-сто произнесла: «Это было потр-р-р-рясающе, Билл».

За всей это эйфорией я совсем забыл о Джоне Москоу и его приставах, но, прежде чем покинуть студию через ту

«Вручение запроса §1782». Софи (вторая слева), пристав (в центре), Джулианна (вторая справа) и я (справа). Дама в белом слева — «случайный» прохожий. Февраль 2015 года (копия из судебных документов)

же боковую дверь, один из сотрудников службы безопасности «Ежедневного шоу» шагнул вперед и сказал: «Господин Браудер, дайте-ка мне проверить, чисто ли на горизонте». Он вышел на улицу. Солнце уже зашло, и шел снег. Через несколько секунд он вернулся, показав нам знаком, что всё в порядке.

Но когда мы переходили тротуар к машине, из тени внезапно появились двое шарообразных бугаев и быстро покатались в нашу сторону. Первой заметила их Джулианна, схватив меня за руку, она закричала: «Билл, в машину!»

Кто-то из них отпихнул ее, как раз в тот момент, когда я влетал на заднее сиденье. Но он уже успел протиснуть руку в небольшое пространство приоткрытой двери, и я, как ни старался, не мог ее захлопнуть.

Понимая, что проигрываю в этом перетягивании двери, я скользнул по заднему сиденью и, открыв противоположную дверь, выскочил на припорошенную снегом скользкую мостовую. Быстрым шагом, переходящим в бег, я перемещался по пробке в сторону Вестсайдского шоссе. Я искал такси, но любой житель Нью-Йорка знает, что это бесполезно. Я продолжал двигаться и, дважды обогнув квартал 50-й улицы, наконец поймал машину на 11-й авеню. Преследователь, похоже, отстал, по крайней мере я его не видел.

Заскочив в такси, я крикнул:

— В Мидтаун!

Водитель, полуобернувшись ко мне:

— Мы в Мидтауне, мистер.

— Тогда в «Шератон». — Это первое, что пришло мне в голову, хотя я в нем не останавливался.

— Понял.

Пока такси ползло по Театральному кварталу, я оглядывался через заднее стекло, пытаюсь понять, не преследует ли нас кто. Вроде бы нет, но машин было так много, что я не мог сказать наверняка.

Через пятнадцать минут мы подъехали к отелю «Шератон». Я рванул в бар, где попросил чего-нибудь покрепче.

Выждав полчаса и убедившись, что за мной не следят, я вышел на улицу и взял такси до своего отеля. Там тоже было спокойно — никаких подозрительных личностей.

Уже из номера я позвонил Рэнди. Он не удивился: «Я же говорил вам не приезжать в Нью-Йорк».

— Это считается, что вручили? Мне кажется, тот мужик что-то бросил в машину, но точно ничего в руки не передавал.

— Трудно сказать. Но выглядит нехорошо.

На следующее утро выяснилось, что судебный запрос Джона Москоу был доставлен в офис Рэнди и сменил ста-

тус на «врученный». Естественно, мы оспорим его, но делать это придется вновь перед судьей Гриесой.

Но то утро принесло и некоторое утешение. Книга «Красный циркуляр» вошла в двадцатку бестселлеров «Амазона». По крайней мере, я достиг своей главной цели: скоро гораздо больше людей узнают правду о том, что случилось с Сергеем Магнитским.

Но произошло это ценой моей личной безопасности и безопасности моих коллег. Эту цену нам предстоит заплатить, чего я тогда еще не осознавал.

Борис Немцов

Зима 2015 года

Единственным положительным моментом происшествия после «Ежедневного шоу» стало то, что остаток времени в Нью-Йорке нам с Софи больше не нужно было думать о посыльных Москоу, пробираться через боковые двери или разгрузочные доки, и мы смогли полностью сосредоточиться на продвижении книги.

В течение следующих нескольких недель «Красный циркуляр» попал в список бестселлеров американского «Нью-Йорк Таймс» и английского «Сандей таймс». Люди покупали мою книгу не для того, чтобы поставить на полку и забыть. Они действительно читали ее, и им нравилось.

После книжного турне по Америке и Англии я отправился в Европу. Убедить англо-американскую аудиторию в том, что Путин — плохой человек, легко, но вот Европа — совсем другое дело. Несмотря на все наши усилия, ни одна из стран Евросоюза так и не приняла закон Магнитского. И хотя правоохранные органы возбудили ряд уголовных дел по незаконной легализации денег, в том числе громкое дело во Франции, расследования велись очень неторопливо, а некоторые и вовсе застопорились. Я надеялся, что книга «Красный циркуляр», выходящая в двенадцати европейских странах, всё изменит.

В отличие от Америки, в Европе основной проблемой были небольшие политические фракции откровенно про-

российской направленности, которые замыливали острые дискуссии в парламентах.

Во Франции Марин Ле Пен — лидер ультраправого движения «Национальный фронт» — в открытую брала миллионы евро у связанного с Кремлем банка на финансирование своей партии и, как оказалось, взамен поддерживала большую часть антизападной риторики Путина.

В Германии Герхард Шрёдер, бывший канцлер, почти сразу после ухода с должности получил хлебную должность в дочерней компании «Газпрома». И несмотря на то, что он долгое время был социал-демократом, выступающим за свободу и социальную справедливость, Шрёдер стал одним из самых ярых сторонников Путина в Европе.

В Венгрии премьер-министр и автократ Виктор Орбан регулярно мутит воду в Евросоюзе за Путина, не скрывая к нему своих симпатий.

Но в ЕС всё-таки была страна, которая в тот момент ясно отдавала себе отчет, что такое путинская Россия: Нидерланды.

Летом 2014 года рейс малайзийских авиалиний MH17 Амстердам—Куала-Лумпур был сбит над Восточной Украиной российской ракетой класса «земля-воздух». Все 298 человек, находившиеся на борту, погибли, среди них дети. 193 из них были голландцами. Кремль пытался снять с себя вину, но огромное количество улик доказывало причастность России к этому преступлению*. Для Голландии, страны с населением в 17 миллионов человек,

* Это было подтверждено в 2018 году, когда расследование под руководством Нидерландов пришло к выводу, что борт MH17 был сбит ракетой класса «земля-воздух» из ЗРК «Бук», принадлежащего российской 53-й зенитно-ракетной бригаде, базирующейся в Курске (Россия). Мобильная установка была переброшена в Донецк (Украина) и использована для поражения пассажирского самолета, после чего эвакуирована обратно в Российскую Федерацию. Владимир Путин продолжает отрицать какую-либо причастность России к этому теракту.

этот теракт был сравним с 11 сентября в Америке. И вина за него лежала на Путине.

В связи с этим интерес СМИ к «Красному циркуляру» в Нидерландах был выше, чем в любой другой европейской стране.

Утром 26 февраля я прибыл в Амстердам и сразу же отправился в офис своего издателя — здание XVIII века на канале Принсенграхт. Вместо того чтобы бегать по Амстердаму от одной медиакомпании к другой, как это было в Нью-Йорке, мой издатель устроил меня в конференц-комнате, куда каждые 30 минут приходили журналисты из разных изданий.

Так продолжалось два дня. Финалом моего медиамарафона в Амстердаме было ток-шоу «Джинек», одно из самых популярных в Голландии ночных телешоу с миллионной аудиторией. В Голландии «Джинек» обладает такой же силой превращения книг в бестселлеры, как «Ежедневное шоу» в Америке.

Я приехал в студию за полчаса до начала. Фойе для гостей ток-шоу сильно отличалось от тех, где мне удалось побывать. Оно больше смахивало на хипстерский ночной клуб: громкая музыка, бар, официанты, разносящие еду и напитки, уютные столики и диваны, толпа модно одетых молодых людей.

Я поинтересовался, всегда ли здесь так, и услышал: «Не совсем. Это последнее шоу в сезоне. Поэтому афтепати уже началась».

Подойдя к бару, заказав напиток и осмотревшись, я с удивлением обнаружил, что слева от меня стоит Марк Рютте — премьер-министр Нидерландов. Последние два дня я был так занят, что не заглянул в список приглашенных. Очевидно, он был гвоздем программы.

Мы немного поболтали. Рютте не входил в число моих любимых политиков. В 2011 году, задолго до катастрофы

МН17, парламент Нидерландов единогласно принял резолюцию, призывающую правительство страны принять закон Магнитского, но Марк Рютте его заблокировал. Как и многие европейские лидеры, он не хотел расстраивать Путина. Голландские компании были одним из главных бенефициаров строительства многомиллиардного газопровода «Северный поток-2», и Рютте не хотел уменьшать приток денег.

Однако в тот вечер, возможно, в связи с произошедшими событиями, Марк Рютте был рад стоять со мной плечом к плечу, улыбаясь и позируя фотографам с моей книгой в руках.

Вскоре продюсер пригласил нас и других гостей в студию. Передача шла в прямом эфире, сцена находилась в центре зала на круглой платформе. Атмосфера на шоу царилась такая же непринужденная и тусовочная, как в фойе.

Ведущая шоу, Ева Джинек, блондинка тридцати с небольшим лет, родилась в Талсе (Оклахома), выросла в Вашингтоне, а в 11 лет переехала с родителями в Нидерланды. Здесь она стала главным интервьюером любого американца, представляющего интерес для медиа. Она сидела слева от огромного полукруглого дивана для гостей. Рютте был первым ее гостем на диване, а я занял место в первом ряду зрителей. Поскольку передача шла на голландском языке, мне дали наушники для синхронного перевода.

Ева начала с прямого вопроса к Рютте о скандале, связанном с нецелевым использованием нескольких сотен евро одним из членов его партии. Я был немного ошарашен вопросом, так как, по моим подсчетам, Путин украл у граждан своей страны миллиарды.

Почему несколько сотен евро вообще заслуживают упоминания, не укладывалось в моей голове, но Ева продолжала распинать Рютте. Мне стало неинтересно, и я начал проверять сообщения на телефоне.

С премьер-министром Нидерландов Марком Рютте в фойе шоу программы «Джинек». 27 февраля 2015 года (© BILL BROWDER)

Листая их, я наткнулся на сообщение, от которого кровь застыла в жилах. Оно было от Елены Серветтаз, российско-французской журналистки и ведущей на Международном французском радио в Париже. «В Москве убит Немцов!» — стояло в заголовке.

Я уставился на него, и мой палец застыл над экраном. Этого не может быть. Очнувшись, я в спешке набрал «Немцов» в «Гугле». Одинаковые заголовки всех информ-агентств подтверждали, что несколько минут назад Борис Немцов был застрелен прямо рядом с Кремлем.

Мое сердце колотилось в бешеном темпе.

С момента встречи с Борисом в Хельсинки он стал для меня не только надежным союзником, но и другом. Чем больше я узнавал его, тем больше восхищался. Как любой высокопоставленный российский чиновник, он мог за-

лезть в корыто коррупции и вседозволенности и забыть обо всем остальном.

Но он отверг это жадное и ненасытное пресмыкание. Он выбрал трудный, но праведный путь — путь защиты россиян и борьбы со злоупотреблениями власти предрежащих.

После принятия в Америке закона Магнитского его часто спрашивали: «Разве это не антироссийский закон?» А он отвечал: «Нет. Это самый пророссийский закон, принятый в США за всю историю отношений наших стран».

За это упорство Кремль подверг его остракизму. Однажды после поездки в Вашингтон, где он представил американским сенаторам список приближенных Путина для санкций Магнитского, в Шереметьеве на него напали нацисты — члены пропутинской молодежной организации «НАШИ». Это нападение меня не удивило.

Но убийство было немыслимо.

Эмоции били через край, я не мог найти себе места в телестудии. Хотелось убежать. Но в этот момент раздались аплодисменты. Часть программы с Рютте закончилась. На экранах появилось короткое видео с рассказом о Сергее и обо мне, и я занял свое место на диване, хотя и был в полубоморочном состоянии. Видео закончилось. Ева Джинек моментально переключилась на идеальный американский английский и представила меня аудитории.

Она рассказывала историю Сергея, а я, стараясь выглядеть вовлеченным, отвечал на ее вопросы. Но новость о Борисе поглотила меня целиком. Я должен был найти способ обсудить то, что только что произошло.

— Вы сидите в студии, все знают вас в лицо, — сказала она ближе к концу. — Это же не безопасно?

— Это очень опасно. Мне угрожали расправой. Угрожали похищением. И я должен сказать, что всего пару минут назад я получил ужасающую новость из России. Борис

Немцов, один из лидеров оппозиции, был только что убит на Красной площади.

— Что?! Только что?

— Буквально несколько минут назад.

В аудитории повисло гробовое молчание. Через секунду продюсеры вывели фото Бориса на все экраны вокруг сцены.

— Как вы думаете, кто мог это сделать? — спросила Ева, пораженная новостью.

— Я успел прочитать только заголовок, но не мог не сказать об этом здесь и сейчас, в прямом эфире.

Интервью закончилось через несколько минут. Я всё еще порывался уйти, но чувствовал, что не могу. Я сел рядом с премьером, и следующие двадцать минут мы слушали что-то совершенно неважное о 3D-печати и какой-то голландской хип-хоп-группе.

Как только шоу закончилось, я вышел на улицу и поймал такси в отель. Пока такси бороздило улицы Амстердама, Елена Серветтаз прислала еще одно сообщение: «Говорила с Владимиром КМ. Он там, рядом с Борисом... совершенно подавлен». Она имела в виду Владимира Кара-Мурзу, 33-летнего протеже Бориса, который, как и он, боролся с Путиным в России и активно выступал за принятие законов Магнитского по всему миру.

Я позвонил Володе. Сквозь слезы он рассказал, что находится на мосту возле Кремля, рядом со скорой, в которой лежит тело Бориса. Я пыталась узнать подробности, но он едва мог говорить.

Всю ночь я провел на телефоне и в ноутбуке и в итоге смог собрать воедино то, что произошло.

В тот роковой вечер Борис был в студии радио «Эхо Москвы» и рассказывал о предстоящей антипутинской демонстрации, которую он и организовывал. Потом он встретился со своей девушкой в ресторане торгового

Тело Бориса Немцова на Большом Москворецком мосту, 27 февраля 2015 года (© EVGENIY FELDMAN/NOVAYA GAZETA)

центра ГУМ. Поужинав, они вместе пошли пешком через Красную площадь в квартиру Бориса на другом берегу Москвы-реки. Уже на Большом Москворецком мосту на проезжей части с ними поравнялась большая снегоуборочная машина. В этот момент убийца выпрыгнул из тени лестницы, ведущей на мост, и выстрелил в Бориса шесть раз. Борис погиб мгновенно. Его подруга осталась невредимой.

Борис лежал на спине, ноги подвернуты, рубашка задрана кверху, живот и грудь обнажены. В таком положении его тело пролежало долгое время, пока труп в черном мешке не погрузили в машину скорой помощи. Узнав об убийстве из новостей, жена Бориса Раиса и его дочь Жанна примчались на место происшествия. Одновременно приехал Володя Кара-Мурза. Сначала их не пропускали за полицейский кордон, но вскоре разрешили пройти. Они умоляли показать им тело, но дураки, хотя и слышат, всё равно что глухие.

Потом полиция оттеснила всех людей, а появившаяся уборочная машина смыла водой всё, включая улики, не оставив ничего криминалистам.

Утром я вернулся в Лондон. Я был совершенно вымотан, но всё же решил поехать в офис — там было еще больше непонятных новостей. Кремль заявил, что накануне вечером все камеры видеонаблюдения вокруг Большого Москворецкого моста были отключены на «профилактику». Это уже выходило за все рамки. Убийство Бориса произошло в двух шагах от Кремля, самого охраняемого объекта во всей России. Единственная работающая камера, снимавшая мост, принадлежала телеканалу «ТВ Центр» и находилась в километре от моста, но снегоуборочная машина перекрыла ей обзор в тот самый момент, когда в Бориса стреляли.

Все действия власти после убийства ясно давали понять, что они и не собираются докапываться до истины. Вместо того чтобы искать зацепки, они провели обыски в квартире и офисе Бориса, изъяв документы, компьютеры, телефоны, жесткие диски и всё, что было связано с его политической деятельностью.

Им было интереснее узнать, кто помогал ему в противостоянии Путину, чем установить, кто убил его.

Возможно, власть и не хотела правды, но граждане ее искали. Спустя два дня после убийства больше пятидесяти тысяч человек вышли на улицы. Шествие растянулось на многие километры вдоль Москвы-реки. То, что до убийства планировалось как антипутинский марш, переросло в массовую демонстрацию скорби и требование справедливости. К месту убийства Бориса принесли тысячи букетов. И хотя власти быстро убрали цветы, люди возвращались и приносили их снова и снова. Свежие цветы лежат на этом месте и сегодня — символический мемориал памяти Бориса Немцова.

Похороны Бориса Немцова (© OLGA MALTSEVA/AFP/GETTY IMAGES)

Его убийство вызвало невиданный доселе протест, и Кремль не смог просто от этого отмахнуться. Поэтому принял решение арестовать пятерых чеченцев (шестой погиб при взрыве в момент его ареста). Один из них сознался в убийстве, но позже выяснилось, что признание выбили из него пытками. Другой вообще оказался действующим сотрудником МВД.

В итоге всех пятерых приговорили к длительным срокам заключения. Целью этих приговоров было назначить виновных. Ведь никто из высокопоставленных лиц не был допрошен, и, естественно, Путин так и не был уличен в убийстве Бориса*.

Лично я не сомневался, что за этим убийством стоял именно Путин. И я в этом не одинок. Когда общественное

* В докладе Парламентской ассамблеи ОБСЕ от февраля 2020 года утверждается, что Путин с высокой вероятностью был заказчиком убийства Бориса.

Символический мемориал Бориса Немцова на Большом Замоскворецком мосту (© ANADOLU AGENCY/GETTY IMAGES)

мнение указало на Путина как человека, у которого были серьезные мотивы для расправы с Немцовым, пресс-секретарь Дмитрий Песков заявил, что Борис «не представлял какой-либо угрозы... для действующего руководства России» и «был чуть более чем среднестатистический гражданин».

Это, конечно, умопомрачительное заявление. Иными словами, Кремль прямо говорил, что если бы Борис представлял угрозу, а общеизвестно, что он ее и представлял, то в его убийстве не было бы ничего зазорного. Кроме того, кому как не Путину знать, что Борис был предельно далек от определения «чуть более чем среднестатистический гражданин».

Бориса поддерживали десятки, если не сотни тысяч граждан. Если бы Путин пустил популярность Бориса и уважение к нему на самотек, их рост в итоге стал бы неконтролируемым.

Вполне возможно, что больше всего Путина расстраивала позиция Бориса по отношению к закону Магнитского и работа над ним. С точки зрения Путина, это было непροстительным предательством. Но, помимо этого, убийство Бориса посылало четкий сигнал таким, как Владимир Кара-Мурза и я. Годом ранее, выступая по «Си-Эн-Эн», Борис сказал: «Я известный человек, и это моя безопасность, потому что, если со мной что-то случится, будет скандал не только в Москве, но и во всем мире».

Я много раз говорил себе то же самое. И хотя смерть Бориса вызвала огромный скандал, слова о безопасности теперь утратили всякий смысл.

Убийство Бориса показало, что Путину всё равно.

Стрела в шее

Весна 2015 года

После убийства Бориса судебный запрос §1782, который мне всучили по окончании «Ежедневного шоу», стал еще опаснее. Получи Кремль конфиденциальные документы, запрашиваемые фирмой «Бейкер-Хостеттлер», у них в руках оказалась бы подробная инструкция, как навредить моим коллегам, нашим источникам в России и мне.

Шанс остановить этот судебный запрос был небольшим. Слушание по вопросу его «вручения» было назначено на 9 марта 2015 года. И всё же происходящее не укладывалось в моей голове. Мы год за годом совершенствовали нашу безопасность, как цифровую, так и физическую, охраняя наши секреты от российских спецслужб. А теперь получалось, что они могут вот так запросто заскочить в суд и, пользуясь очевидной поддержкой американского окружного судьи, заставить нас открыть все наши секреты.

Накануне заседания я задал этот вопрос Рэнди:

— Как вообще такое возможно? Какое отношение имеют наши меры безопасности и сведения о моих передвижениях к защите «Превезона»?

— Никакого, — ответил Рэнди. — Но даже если запрос будет удовлетворен, мы убедим суд в том, чтобы он не позволил им требовать от нас предоставления таких данных.

— Вот только судья Гриеса этого не понимает, — возмущался я. — Если он не видит конфликта интересов в по-

ведении Джона Москоу, то не поймет и того, что нас ждет, передай мы им всю информацию.

— Даже если он решит удовлетворить запрос, у нас будет шанс сузить перечень запрашиваемых сведений, — спокойно ответил Рэнди. — Такие чрезвычайно широкие запросы никогда просто так не выдаются, и судья Гриеса не будет вовлечен в процесс его секвестирования. Он поручит это так называемому магистратскому судье, который специализируется на таких делах.

9 марта во второй половине дня Рэнди вошел в зал суда. В течение часа он аргументировал свою позицию и объяснял судье, почему запрос надо отклонить, не раз подчеркивая, что удовлетворение запроса подвергнет меня еще большей опасности, чем та, что сейчас.

И снова, чем дольше Рэнди говорил обо мне, тем больше это раздражало судью Гриесу. Моя жизнь и смерть от рук Кремля были ему безразличны. Его волновало только одно: дело «Превезона» тянулось в его суде уже полтора года, и именно я, с его точки зрения, был в этом виноват.

Он так себя взвинтил, что когда пришло время принимать решение, он не только молниеносно вынес его против меня, но и вместо того, чтобы направить запрос магистратскому судье для проработки деталей, сделал это сам, удовлетворив все требования «Бейкер-Хостетлер» разом. Не будет никакого секвестирования списка, как обещал Рэнди. Кремль получит всё. Судья Гриеса был так зол, что запретил Рэнди *«подавать ходатайства или другие документы. Никаких больше бумажек. С нас достаточно, и нам больше не нужен господин Браудер»*.

Это решение предписывало мне передать всю информацию на серверах и компьютерах нашей компании, все мои старые ноутбуки и все мобильные телефоны, которыми я когда-либо пользовался. И как только это произойдет, Кремль узнает о каждом человеке, которого я встре-

чал, о каждом месте, где я бывал, о каждой переписке, которую мы вели с источниками в России, обо всех правоохранительных ведомствах, в которые мы обращались за помощью, и многое другое.

Ничуть не меньше тревожило и то, что судья также удовлетворил требование «Бейкер-Хостетлер» о моем допросе, назначив его на 15 апреля. Я должен был не только предоставить им всю информацию, но и всё им рассказать.

Следовало отдать им должное. Многие годы Кремль безуспешно пытался затащить меня в жернова своей системы «правосудия», и вот теперь они сделали это, но в американском суде, в котором сами были обвиняемыми.

Стало очевидно, что обычные адвокатские методы не сработали. Мы столкнулись с судьей, который перестал воспринимать юридические аргументы, а также с бесовестным противником. Мне очень нравился Рэнди, и я знал, что он отличный адвокат, но если и был какой-то выход из этого цугцванга, то только при помощи нестандартного подхода к делу. И такой подход мне был необходим, причем срочно.

В тот вечер я позвонил Майклу Киму. Его рекомендовали как одного из самых неординарных адвокатов в Нью-Йорке. Будучи родом из Южной Кореи, он еще мальчишкой переехал с родителями в Америку. Позже служил офицером в воздушно-десантных войсках, затем поступил в Гарвардский университет, а после — в Гарвардский университет права. По окончании университета он пять лет проработал в Департаменте юстиции США Южного округа Нью-Йорка, где ему угрожали расправой чаще, чем любому другому прокурору по уголовным делам.

Самый известный эпизод с участием Майкла произошел с обвиняемым, который перед судебным заседанием спрятав клинковую бритву в своем заднем проходе — он хотел вытащить ее и перерезать Майклу горло прямо перед при-

Майкл Ким
(© MICHAEL KIM)

сяжными во время заключительных прений. Но это ему не удалось. С тех пор рентгеновский снимок торса этого обвиняемого висит в рамке у Майкла в кабинете. Всякий раз, когда ему приходится журить своих молодых помощников за то, что они не выкладываются на все сто, он включает подсветку под этим рентгеновским снимком и, показывая на клинок бритвы в теле этого человека, говорит: «Вот это — целеустремленность! Вот это — самоотдача!»

Я объяснил ему нашу ситуацию, ожидая услышать шаблонные заверения, уже миллион раз звучавшие от других его коллег, но Майкл задумчиво произнес: «Судья Гривса — это настоящая проблема».

По крайней мере, он был честен.

— Я подумаю, но не уверен, что смогу что-то сделать.

Но на следующий день Майкл перезвонил, и в его голосе слышалось уже больше оптимизма:

— Билл, это будет нелегко, но есть план.

— Какой? — спросил я с опаской.

— Вы должны представить себе, что вас ранили в шею стрелой, — сказал он. — В любом случае нам придется ее вытаскивать. Это неприятно. Если мы вытащим ее слишком резко, она может задеть артерию, и вы умрете. Поэтому вытаскивать ее надо медленно и осторожно.

Затем он объяснил свою стратегию и ту ловушку, в которую он хотел заманить «Бейкер-Хостетлер». Это был совершенно нетривиальный подход, и мне он очень понравился.

С этого момента Майкл Ким стал моим адвокатом в Нью-Йорке.

Через четыре дня Майкл отправил судье Гриесе короткое и вежливое письмо, представившись моим новым адвокатом. Он сообщил судье, что мы полностью выполним все требования запроса, включая явку на допрос 15 апреля. В конце письма он пообещал, что мы постараемся разрешить все споры с противной стороной, «не беспокоя суд». Это было медом для ушей судьи.

Можно было счесть это полной капитуляцией, но это не так. Майкл обнаружил брешь в броне наших оппонентов. Всё просто: они просили слишком многого. Пытаясь получить от нас секретную информацию, которую им действительно хотелось заполучить, они завуалировали свое истинное желание огромным количеством запросов на второстепенную информацию, которая им на самом деле была не нужна. Майкл понял, что мы сможем легко выполнить большую часть запросов, не подвергаясь при этом никакому риску.

Спустя десять дней мы передали «Бейкер-Хостетлер» 328 525 листов документов. Среди них были российские судебные дела, данные Центрального банка РФ и российские банковские документы. Большую часть этих документов Джон Москоу и «Бейкер-Хостетлер» уже видели, а некоторые из них были даже в открытом доступе.

С тех пор каждые несколько дней мы отправляли им очередную порцию таких же безобидных документов, которые они истребовали.

Конечно, юристы «Бейкер-Хостетлер» не дураки и быстро поняли, что мы делаем. Но руки у них были связаны. Они не могли пойти к судье и сказать, что мы не сотрудничаем, потому что мы сотрудничали. Также они не могли сказать, что мы делимся с ними документами, которые не были указаны в запросе, потому что мы отдавали им именно то, что они просили. Мы просто отдавали документы в том порядке, который устраивал нас, а не их.

Фирма «Бейкер-Хостетлер», наверное, смогла бы получить всё, что требовала, если бы они отложили мой допрос, о чем Майкл просил их. Но как только судья удовлетворил их запрос, эти ребята так спешили допросить меня, что наотрез отказались даже слышать о переносе даты с 15 апреля.

К этому времени мы не отдали им ни одного значимого документа, который ставил под угрозу чью-либо безопасность.

Но всё же допрос гораздо опаснее, чем запрос. Меня приведут к присяге, и я буду обязан отвечать на все их вопросы. Они могли спросить о чем угодно: о моей семье, обо всех родственниках Вадима или Ивана в России, о наших источниках. Если я откажусь, то меня могут привлечь к ответственности за неуважение к суду — по законам США, это уголовно наказуемое деяние.

13 апреля я приехал в Нью-Йорк, чтобы подготовиться к допросу вместе с Майклом. На следующее утро я в первый раз пришел к нему в контору на углу 3-й авеню и Восточной 49-й улицы. Это был обычный современный функциональный офис, без всяких претензий на что-то большее. Ни блеска мрамора, ни муралов.

Мы прошли в конференц-комнату, которая имитировала комнату для дачи показаний. Так как мы готовились

к битве, Майкл выступал в роли юриста из «Бейкер-Хостетлер». Мы приступили.

Майкл достал документ и положил его передо мной на стол.

— Вы знакомы с этим? — спросил он.

Я взглянул на документ.

— Да. Это заявление, которое я подал в прокуратуру Нью-Йорка.

Майкл тут же перебил меня, покачав головой.

— Неправильно. Они могут положить перед вами любую пачку бумаг. Когда вам дают документ, вы обязаны внимательно прочитать страницу за страницей, чтобы убедиться в том, что это то, о чем они спрашивают.

— Но на это уйдет десять или двадцать минут, — запротестовал было я.

— Чьи это двадцать минут?

— Не понял?.. — удивился я.

— У них есть семь часов на допрос. Если они хотят потратить двадцать минут на изучение документа, это их выбор, и это их двадцать минут.

Он нравился мне всё больше и больше.

Мы продолжили. Через некоторое время Майкл прервал меня вопросом в лоб:

— Это правда, что вы украли 230 миллионов долларов?

— Конечно же, нет! Это российское правительство, которое...

Майкл поднял руку, прерывая меня.

— Билл, вы должны понять, что в этой комнате людей не будет, там только манекены. Они могут улыбаться, кричать или шептать. Это не беседа, и вы здесь не для того, чтобы кого-то в чем-то убеждать. Вы здесь для того, чтобы правдиво отвечать на вопросы, и не более того.

— Значит, ответ — «нет», — сказал я.

— Правильно. Самое главное: если они задают вопрос, на который вы не знаете ответа, просто скажите: «Я не знаю». Не пытайтесь им помогать. Неважно, будете ли вы выглядеть умным или глупым, это не повлечет за собой никаких юридических последствий. Если вы начнете рассуждать или спорить, это прямой путь к неприятностям.

Я внимал всем его советам и подсказкам. К концу дня я был готов настолько, насколько это вообще было возможно.

Утром я встретился с Майклом в его офисе, и оттуда мы пешком пошли на площадь Рокфеллера, 30. Это недалеко, и именно там должен был проходить допрос. Мы поднялись на лифте на 45-й этаж, где нас встретили и проводили в большой конференц-зал со столом в форме подковы. Мы пришли первыми. Майкл сказал, что я должен буду сидеть в верхней части подковы, напротив видеокамеры, установленной в конце помещения. Провода пересекали стол, а слева от меня стоял открытый ноутбук, при помощи которого должна была вестись прямая трансляция неизвестно куда.

Вскоре пришел Пол Монтелеони с еще одним прокурором из Южного округа. Оба сели рядом с Майклом.

Команда юристов «Превезона» пришла в 9 утра. Надутые, как индюки, от собственной важности и уверенности в победе.

Пока партнеры рассаживались на отведенные им места на своей стороне стола, младшие юристы и помощники вносили коробки с документами, складывая их вдоль стены, после чего они удалились в смежную комнату, откуда смотрели допрос по видео. Юристов было около двух десятков из двух разных контор. Я подумал, что только этот день обойдется «Превезону» в несколько сотен тысяч долларов.

Странно, но Джона Москоу среди них не было. Проводить допрос было поручено его коллеге, Марку Цимроту.

Процесс начался, и я был приведен к присяге. Но прежде чем Цимрот смог задать свой первый вопрос, Майкл спросил, смотрит ли видеотрансляцию кто-нибудь еще, помимо адвокатов в соседней комнате? Цимрот заерзал, но признал, что есть еще «люди, которые смотрят». Он назвал Дениса Кацыва и его адвоката Наталью Весельницкую, которые смотрели прямую трансляцию в Москве, а также юриста по недвижимости «Превезона» в Бруклине.

Майку это очень не понравилось: ведь если этот допрос транслировался в Москву, то смотреть мог кто угодно.

— *Вы можете доподлинно ответить, кто именно смотрит трансляцию?* — спросил он.

Цимрот ответил язвительно:

— *Отсюда — не могу.*

Я был уверен, что некоторые официальные лица в Москве тоже смотрят. Я живо представил себе группу эфэсбэшников, устроившихся с попкорном в кабинете на Лубянке в предвкушении зрелища.

Майкл попросил занести свое возражение в протокол, но этого было недостаточно, чтобы остановить трансляцию. Пришлось продолжить.

Как и предвидел Майкл, Цимрот передал мне заявление, которое я подал в прокуратуру Нью-Йорка.

— *Вы узнаете этот документ?*

Я взял его в руки и медленно стал пролистывать и проверять каждую страницу. В комнате стояла гробовая тишина, все ждали. Это не заняло двадцати минут, но всё равно было приятно осознавать, что их время убегает в песок.

Когда я наконец подтвердил, что это действительно та самая жалоба, которую я подал, Цимрот начал с вопросов по приложениям к ней.

— Что это за документ? — спросил он, показывая выписку российского банка.

Поскольку я не знаю русского, я сказал:

— Я не знаю.

— Вы не знаете?

— Нет.

— Вы передали ее прокурору США?

— Да.

— Вы объяснили это прокурору США?

— Нет.

— Что вы сказали прокурору США об этом документе?

— Ничего.

Мне нравилось отвечать односложно.

— И вы понятия не имеете, кто создал этот документ?

— Нет.

Цимрот понял, что так он далеко не уедет, и в итоге сфокусировался на том, каким образом мы смогли получить документ, подтверждающий совместное путешествие Дмитрия Ключева с эмвэдэшником Павлом Карповым на Кипр.

— Откуда у вас данные о поездках? — спросил он.

— Мы получили их из анонимного источника в Москве, — ответил я.

— И кто же ваш анонимный источник?

Поскольку со всеми источниками в России разговаривал Вадим, я не знал ни кто они, ни их имен, ни как с ними связываться, ни где они живут или работают.

— Я не знаю.

Такого вопроса я боялся больше всего, поскольку ответ на него мог стоить человеку жизни. Но я действительно не знал.

Цимрот был настроен скептически:

— Мы не знаем имени, мы не знаем адреса, мы не знаем, кто это, мы не знаем, где [Вадим] взял документы, и мы не знаем, настоящие ли это документы, так?

— Я не знаю.

В течение дня я произнес «я не знаю» в различных вариациях более сотни раз и, наверное, выглядел полным идиотом, но, как сказал Майкл, я не собирался никого впечатлять. Я просто постоянно напоминал себе: в этой комнате нет людей, только манекены.

Примерно через два часа этой тягомотины Цимрот начал иссякать. Не помогло и то, что его одновременно бомбардировали сообщениями в ноутбуке, который стоял перед ним.

Я был уверен, что это его московские клиенты и их супервайзеры выражают ему свое разочарование.

Около часа дня мы прервались на ланч. Я шел по коридору к выходу, и к моему удивлению, навстречу мне плелся Джон Москоу. Оказалось, что он всё это время был там и наблюдал за происходящим в переполненной комнате вместе с молодыми юристами и помощниками.

Весь этот цирк, вероятно, затеял он, и всё шло не так, как он планировал.

Изобразив на лице улыбку и протянув ему руку, я сказал: «Привет, Джон». Когда мы столкнулись с ним на симпозиуме в Кембридже в 2010 году, он был само обаяние, а теперь, понутив голову, молча прошаркал мимо.

Мы с Майклом пошли в ближайший суши-бар. Я специально взял легкий обед, чтобы не расслабляться и не терять бдительность, но в то же время сохранить силы еще на пять часов этой юридической экзекуции.

По возвращении допрос продолжился. К Цимроту вернулась уверенность, и он перешел к другой теме. Теперь он хотел выяснить, в каких странах мы расследуем отмывание российских денег, связанных с делом Магнитского.

Этот вопрос был с подковыркой. Я лично участвовал во всех наших контактах с правоохранительными ведомствами и не мог ответить: «Я не знаю», потому что я знал.

Честный ответ раскрыл бы кремлевским силовикам наши планы в отношении российской «прачечной» грязных денег и помог бы им сорвать расследования, ведущиеся по всему миру. Похоже, этим вопросом он достиг цели и поставил меня в затруднительное положение.

Внешне я сохранял спокойствие, но внутри всё дрожало, и только я собрался открыть рот, как вмешался Пол Монтелеони.

— Я попрошу свидетеля не отвечать на этот вопрос, так как эта информация не может быть публичной, — сказал он. Он ссылаясь на закон о «тайне следствия» — это означало, что любая информация, относящаяся к предварительному уголовному расследованию, не подлежит разглашению. Вмешательство Пола поставило крест на всех вопросах по этой теме. Цимрот не смог обойти его и двинулся дальше.

К вечеру его разочарование стало очевидным. Его помощники бегали туда-сюда, выискивая хоть что-то, что помогло бы ему заманить меня в ловушку. Его вопросы становились всё более нелепыми, но и это не помогало.

Ближе к концу Цимрот спросил:

— Вы были в Белом доме 14 февраля 2014 года. Это вы помните?

— Нет, — твердым тоном ответил я. Я был в Белом доме только один раз в жизни — вместе с папой в 1999-м, когда президент Клинтон наградил его Национальной научной медалью.

Цимрот тут же оживился. Он что-то шепнул своему помощнику. Тот выбежал из комнаты и вернулся через пару минут с коробкой, из которой достал документ и передал его Цимроту. Цимрот положил его передо мной. Это был журнал учета посетителей Белого дома. Он показал мне запись с моим именем, фамилией и первой буквой отчества и повторил:

— Была ли у вас встреча в Белом доме 14 февраля 2014-го? Цимрот подумал, что наконец-то уличил меня во лжи.

— Нет, — спокойно ответил я. — Я был в старом административном здании. — (Речь о здании Эйзенхауэра — это правительственное здание в комплексе Белого дома, но не Белый дом.)

В той стороне, где сидели коллеги Цимрота, слышался дружный вздох. Цимрот же отреагировал так:

— Похоже, мне надо быть очень осторожным, задавая свои вопросы, не так ли?

— Именно так.

Вопросы заканчивались, и допрос завершили за двенадцать минут до окончания отведенных на него семи часов. Майкл вежливо предложил им продолжить, но Цимрот иссяк.

Уже в лифте Майкл улыбнулся и сказал: «Отличная работа, Билл».

Когда я добрался до своего номера в отеле, я чувствовал себя совершенно измотанным. Я заказал себе китайскую еду навынос. Наслаждаясь монгольской говядиной из коробочки, я представлял, как беснуются Кацывы и Весельницкая, распиная Джона Москоу и Марка Цимрота за то, что те не принесли им мою голову на блюде. Они потратили миллионы долларов, а «Бейкер-Хостетлер» — бесчисленное количество часов на выведывание, преследование и суды против меня, и всё впустую.

Спустя несколько дней фирма «Бейкер-Хостетлер» обратилась в суд с просьбой заставить нас передать им документы, которые они действительно очень хотели заполучить, и провести мой повторный допрос. Судья Гриеса с неохотой назначил дату очередного слушания на конец мая.

«Бейкер-Хостетлер» не подозревали, что это и была ловушка, в которую медленно заманивал их Майкл, и влетели в нее со всей дури.

Как только началось слушание, Цимрот стал разглашествовать о том, что я не выполняю решение суда. Но каждый раз, когда он упоминал мое имя, судья Гриеса нервно вздрагивал. Цимрот не обращал внимания и гнул свою линию.

В конце концов всё это так надоело судье, что он завопил:

— Правительство возбудило дело. Господин Браудер не возбуждал его! — и продолжил на высокой ноте: — [Мы] потратили достаточно времени и усилий на господина Браудера.

На этом всё закончилось, не успев начаться. Судья Гриеса запретил все дальнейшие запросы и допросы и категорическим тоном посоветовал Цимроту перейти к основному делу, чтобы двигаться дальше.

Майкл молча созерцал происходящее, как будто ждал именно этого момента. Он быстро встал и попросил судью:

— Поскольку мы не являемся стороной в деле, можем ли мы быть свободны?

Он не хотел ждать, пока судья Гриеса передумает.

— Конечно, можете.

— Спасибо.

И Майкл ушел. Он не подал ни одного ходатайства, не отправил практически ни одного письма и почти не выступал в суде. Его стратегия была очень неординарной, но она сработала! Это был идеальный пример юридического джиу-джитсу. Он использовал вес наших оппонентов, чтобы уложить их на лопатки.

Вот так Майкл Ким успешно извлек стрелу из моей шеи.

Владимир Кара-Мурза

Весна 2015 года

Оставив позади волнения, связанные с допросом, я постарался сфокусироваться на поиске путей возмездия убийцам Бориса Немцова. Борис был незаменим в продвижении и принятии закона Магнитского, и было бы естественно воспользоваться им, чтобы наказать тех, кто стоял за этим преступлением.

Я был не единственным, кто разделял это мнение. Важную роль в процессе применения санкций закона Магнитского играл Владимир Кара-Мурза. Именно он вместе с супругой и дочерью Бориса был в ту роковую ночь на Большом Москворецком мосту.

С Борисом его связывала крепкая дружба. И несмотря на то, что Владимир с женой Женей и тремя детьми жил в Фэрфаксе, штат Вирджиния, он находился в постоянном контакте с Борисом, они вместе ходили в походы в России, общались по работе и на отдыхе. Борис был крестным отцом одного из детей Владимира.

Как и Борис, Владимир всецело поддерживал закон Магнитского. Именно за это он поплатился должностью шефа вашингтонского бюро российского телеканала «Ар-ти-ви-ай» в 2012 году. (Владимир начинал работать на «Ар-ти-ви-ай», когда этот телеканал был независимым, но к 2012 году он перешел под контроль Кремля.)

Мы познакомились в 2012 году в Оттаве, в канадском парламенте, где мы оба выступали, лоббируя канадскую версию закона Магнитского. Владимир легко общался с депутатами, переключаясь с французского на английский, без всякого намека на русский. За годы учебы в Англии — сначала в средней школе в Лондоне, а затем в Кембриджском университете — он совершенно избавился от русского акцента. Это по-настоящему талантливый и харизматичный человек. Всякий раз, когда я его слушал, мне казалось, что я слушаю молодого Нельсона Манделу или Вацлава Гавела.

Так случилось, что 30 апреля 2015 года, через два с лишним месяца после убийства Бориса, нам с Владимиром представилась возможность выступить в Вашингтоне, чтобы объяснить, почему необходимо применить санкции Магнитского против убийц Немцова. Нас пригласили выступить на дне памяти Бориса в Конгрессе, в зале 2255 здания Палаты представителей Рэйберна. Именно здесь рождался закон, который впоследствии назвали законом Магнитского. Это был тот самый зал, где в 2010-м я впервые выступал перед Комиссией по правам человека Палаты представителей имени Томаса Лантоса, рассказывая об убийстве Сергея.

В день памяти в зале были только стоячие места. Там были все, от рядовых сотрудников до высокопоставленных законодателей, среди них Стени Хойер, второй по рангу демократ в Палате представителей, Элиот Энгель, член Комитета по иностранным делам Палаты представителей, и конгрессмен Джим Макговерн, изначальный сторонник закона Магнитского.

Этот день не был похож ни на один из тех дней поминования, что остались в моей памяти. Он не был похож на поминки мамы, которые состоялись всего за неделю до убийства Бориса. И хотя ее смерть была тяжелой утратой

Владимир Кара-Мурза
на слушаниях в Конгрессе
США, посвященных
Борису Немцову. Апрель
2015 года (© NATIONAL
ENDOWMENT FOR
DEMOCRACY)

для нашей семьи, особенно для моего пожилого отца, который остался один, всё же ее смерть была неизбежной частью естественного цикла жизни. Речи в тот день были в основном посвящены цельности ее жизни. В них была грусть, однако моменты радости также всплывали в воспоминаниях родных и близких.

Но неизбежность смерти как части естественного цикла жизни никак не соотносится с убийством. Речи в день памяти Бориса были разными. В воздухе витала скорбь, вызванная его уходом, но преобладал гнев. И никто не чувствовал это более глубоко и не передавал более ярко, чем Владимир.

Человек с неброской внешностью, с небольшой залысиной, нахмуренными бровями и аккуратной бородкой, чем-то напоминающий молодого Ленина, он говорил всегда в одной сдержанной тональности. Он рассказывал о личных принципах Бориса: о том, что тот никогда не

Кайл Паркер (© HERMITAGE)

предавал своих друзей и идеалов, не ставил свои личные интересы выше интересов своей страны, но прежде всего о том, что Борис был абсолютно неподкупен — это был его единственный «грех» в стране, вся жизнь в которой основана на коррупции.

В конце своего выступления Владимир показал присутствующим лист бумаги с именами восьми человек, которые, по его мнению, несли ответственность за подстрекательство к убийству Бориса и в отношении которых должны быть применены санкции американского закона Магнитского.

Вскоре после Владимира выступил я — как и он, я призывал применить закон Магнитского в деле Бориса.

В тот день наше послание попало на благодатную почву. Помимо присутствовавших законодателей, там был один человек, который, возможно, сыграл более важную роль в принятии закона Магнитского, чем кто-либо другой

в Вашингтоне, — сотрудник Конгресса Кайл Паркер. Кайл — человек прямолинейный и не терпящий всякого вздора, типичный представитель штата Мэн. Ему около сорока, с рыжеватой бородой. Эксперт по России. Именно он готовил законопроект и знал каждый аспект его применения. Правительство США редко когда добавляло кандидатов в «список Магнитского», не проконсультировавшись с ним.

К 2015 году Кайл, Владимир и я успели крепко подружиться. Нас также объединяла приверженность закону Магнитского и делу поиска справедливости в России.

Но почва в тот день была не только благодатной — она была и опасной. Аудитория состояла в основном из американцев, но среди них была и горстка россиян.

Всякий раз, когда на Капитолийском холме происходило событие, связанное с Россией, российское посольство направляло туда официальных соглядатаев для подготовки отчетов и их отправки в Москву. Но если событие было связано с законом Магнитского, то русские подсылали и своих тайных оперативников из спецслужб.

Одно дело, когда к введению санкций по закону Магнитского призываю я — гражданин Великобритании, но совершенно другое, когда это делает Владимир — гражданин России. Несмотря на то что его семья проживала в Америке, сам он в основном находился в России. В конце мая он собирался вернуться в Москву, чтобы продолжить свою (и Бориса) борьбу с путинским режимом.

Убийство Бориса его не испугало.

По окончании заседания Володя отправился домой в Фэрфакс, где провел несколько дней с Женей и детьми. Потом были Нью-Йорк и Берлин, где он выступал на форумах, организованных «Открытой Россией» — некоммерческой организацией, которую поддерживал российский оппозиционер и бывший олигарх Михаил Ходорковский. Володя работал в этой организации.

22 мая Володя вылетел в Москву и оттуда в Казань (столицу Татарстана, расположенную в 720 км к востоку от Москвы). Там он должен был провести мероприятие с участием видного российского историка, который открыто критиковал Путина. Местом проведения был выбран Государственный музей изобразительных искусств — величественное здание с постоянной экспозицией декоративно-прикладного искусства, живописи, графики и скульптуры, расположенное неподалеку от Волги. Однако в день лекции министерство культуры России распорядилось не пускать в музей Владимира и его коллег.

Владимир привык к такого рода неприятностям и быстро перенес мероприятие на «запасной аэродром» — в конференц-зал отеля «Ибис». Как только участники форума подошли к гостинице, Владимиру позвонил менеджер отеля и сообщил, что больше не может помочь ему с залом, потому что внезапно «сломался кондиционер».

Володя не сдавался и нашел зал для лекции в расположенном неподалеку Музее советских игровых автоматов — причудливом месте, где действительно было много игровых автоматов, произведенных еще в СССР. Но как только все участники — а их было 100 с лишним человек — расселись и Володя начал выступление, погас свет, тут же появилась полиция и попросила всех покинуть помещение, объясняя это сообщением о заложенной в здании бомбе (выдумка, которая, как все отлично понимали, оказалась ложью).

Исчерпав все варианты, Володя повел оставшихся стойков в близлежащее кафе, где историк наконец-то смог выступить. В течение двух часов, пока шла лекция, в кафе заходили подозрительные типы и снимали всех присутствующих на видео. Всем было ясно, что это эфэсбэшники, но, несмотря на подобное запугивание, лекция и обсуждение продолжились, и весьма успешно.

Вечером следующего дня Володя вернулся в Москву рейсом «Аэрофлота», довольный своей небольшой победой над ФСБ. После приземления в 22:30 он поехал домой, в свою квартиру на Бульварном кольце. Устав после нескольких тяжелых дней, он уснул, едва коснувшись головой подушки.

Следующий день был не менее насыщенным. Он встретился с небольшой группой документалистов, снимающих фильм о жизни Бориса Немцова, и дал два интервью: одно в офисе, другое — в отеле «Парк Хаятт». Если эфэсбэшники и следили за ним в Москве, то делали они это мастерски. Не заметил он их и по дороге домой к отцу, с которым ужинал в тот вечер.

Утром Володя был занят домашними хлопотами и отнес вещи в химчистку. Потом перекусил с коллегой в кафе «Бобры и утки». Это был недорогой бизнес-ланч — шведский стол: единственное, что принес официант по заказу Володи, — стакан клюквенного сока. Дальше — на метро на встречу в РИА «Новости» — шестиэтажное бетонное здание, возведенное к Олимпийским играм 1980 года как пресс-центр. Сейчас в этом здании находится штаб-квартира «Раша Тудей», или RT, главного международного пропагандонского канала Кремля.

Целью поездки была встреча с бывшим коллегой, которого Володя хотел убедить перейти на работу в медиа «Открытой России». К ним присоединился товарищ коллеги, и втроем они расположились в конференц-комнате. Но только Володя откинулся в кресле, как резкая боль пронзила желудок, а в горле застрял едкий ком.

Он извинился. Бегом в туалет. На коленях в кабинке. Рвало не переставая несколько минут. Ну вроде бы всё. Нет. Очередной приступ. Только усиливается. Еще никогда в жизни не было так плохо. Наконец, поутихло. Все силы в кулак и встать. Держаться за стену, чтобы не упасть.

Обратно в комнату. Надо что-то сказать. Темнота в глазах. Володя теряет сознание. Коллеги быстро переносят его на диван. Он стонет и весь в поту. Лицо белое как холст, дыхание учащенное. В ужасе они вызвали скорую помощь.

Скорая была действительно скорой, но врачи не смогли понять причину состояния Володи. Погрузив его в машину, срочно, с воющими сиренами помчались в Городскую клиническую больницу № 23 (ближайшую к РИА «Новости»), где его сразу положили в отделение реанимации. Артериальное давление упало до критического уровня — 100/20. Врачи были уверены, что у него обширный сердечный приступ, но, к несчастью, у этой больницы не тот профиль. Стабилизировали, как смогли, вновь в машину скорой и стрелой в Центр сердечно-сосудистой хирургии имени Бакулева, где его начали готовить к экстренной операции.

Услышав об этом в новостях, отец Володи тут же помчался в Бакулевку. Известный журналист с хорошими связями, он сумел найти одного из ведущих кардиологов страны и попросить его о помощи — срочно приехать в больницу. Тот приехал, успев до того, как Володю вкатали в операционную. Ознакомившись с симптомами, попросил всё немедленно отложить. С сердцем всё в порядке, а столь сложная операция могла убить Володю. После быстрого и жесткого обмена мнениями ведущий кардиолог убедил коллег в своей правоте.

2:30 ночи, Володя не приходит в сознание. Новый диагноз — отравление «неизвестным» веществом.

6:00 утра, его перевозят в Первую Градскую* на Ленинском проспекте — одно из самых современных медицинских учреждений России. Состояние критическое: отек головного мозга, легкие не работают, почки отказ-

* Первая Градская больница имени Н. И. Пирогова. (Примеч. переводчика.)

ли. Искусственная кома, интубация, аппарат искусственной вентиляции легких, диализ почек, гемодиализ крови от токсинов, парентеральное введение лекарств для контроля опасно низкого кровяного давления.

Это было 27 мая. Состояние Володи было настолько тяжелым, что этот день мог стать последним в его жизни.

Диппочта

Весна 2015 года

В тот день мы всей семьей отправлялись в путешествие и в полдень садились на рейс Лондон—Лиссабон. Когда раздался звонок, мы с супругой продвигались вслед за детишками к трапу самолета. Звонила Лена Серветтаз, та самая ведущая эфира французского радио, которая сообщила мне об убийстве Бориса Немцова. Безуспешно пытаюсь сложить коляску одной рукой и держа розовый рюкзачок принцессы в другой, я сумел ответить ей только после пятого звонка.

— Билл, — с тревогой в голосе сказала она. — Владимиру Кара-Мурзе стало плохо в Москве!

Я замер.

— Когда?

— Он был на встрече. Ему стало очень плохо. Он в больнице.

— Что с ним? — перекрикивая шум аэродрома, спросил я.

— Я не знаю.

Моя супруга оказалась уже впереди нашей процессии и обеспокоенно оглядывалась на меня. Я снова двинулся к трапу и, оставив сложенную коляску рядом с шасси самолета, поднялся на борт.

— С кем он встречался?

— Я не знаю.

— В какой он больнице?

— Этого я тоже не знаю и пытаюсь выяснить.

Добравшись до своего места в салоне и облокотившись на спинку сидения, я сказал Лене:

— Я сейчас в самолете. Перезвоню, как только приземлимся.

Я нажал отбой и засунул телефон в карман. Супруга вполголоса спросила:

— Что происходит?

— Владимиру стало плохо в Москве. Он в больнице, — тихо ответил я.

— Кара-Мурза? — переспросила она так же тихо.

— Да, — кивнул я.

Она побледнела.

— Боже мой.

— Да уж, — согласился я.

Мы усадили детей и пристегнули ремни. Я судорожно пытался дозвониться до наших общих друзей, включая Кайла из Вашингтона, чтобы рассказать им о случившемся и узнать детали, если они им известны. Никто ничего не знал. Дверь закрылась, и самолет начал выруливать на взлетную полосу. Этот трехчасовой перелет был самым длинным в моей жизни.

Мы приземлились, и я сообщил Лене, что снова доступен. Снова набрал номер Кайла, написал Вадиму и Ивану в Лондон, сбросил эсэмэски всем знакомым журналистам в Москве. По-прежнему никакой новой информации. Но поскольку Володя был конфиденнтом Бориса Немцова, в голову лезли только зловещие мысли.

В тот вечер у нас был семейный ужин в ресторане отеля. Дети были в восторге от каникул и ни на кого и ни на что не обращали внимания. Но мыслями я был далеко и не отходил от телефона.

На следующее утро наконец пришли новости. Российские медиа писали о веерном отказе органов у Володи,

вызванном «острой почечной недостаточностью на фоне интоксикации».

«Острая почечная недостаточность на фоне интоксикации» — удобный диагноз, который можно интерпретировать как угодно, но для меня диагноз был ясен: я знал, что Владимира отравили.

Однако позже в тот же день отец Владимира сделал неожиданное заявление. Он предположил, что состояние его сына могло быть вызвано «аллергией», или «стрессами», или даже «недостатком сна». Он сказал: «Это может быть всё что угодно: вчерашний чебурек, банан, яблоко... Я думаю, никакого криминала здесь нет».

Для меня было очевидно, что криминал там был, но я понимал, почему он так поступает. Будучи зубром оппозиционной журналистики, он хорошо знал всю порочность путинского режима и намеренно преуменьшал то, что, несомненно, было покушением на жизнь его сына. Он считал, что поступает так во благо своего ребенка, пытаясь тем самым утихомирить пыл его убийц и спасти ему жизнь.

В этом была своя логика, но проблема в том, что Володя оставался в реанимации в России. И это, думал я, ужасная ошибка. Если режим Путина хочет покончить с ним, то врачи могут просто реанимировать его не так, как нужно в его состоянии, или того хуже, эфэсбэшник может прийти в больницу и закончить начатое.

Пока Володя оставался там, его выздоровление было под угрозой. Нужна была его срочная эвакуация.

Если отец Владимира не мог этого сказать открыто, то я молился, чтобы это сделала Володина жена Женя.

Я позвонил ей домой в Фэрфакс. Я видел ее только раз и едва знал, но это меня не останавливало:

— Если мы не вытащим Володю оттуда прямо сейчас, я думаю, они повторят это снова.

На другом конце провода повисла пауза, но затем она ответила:

— Я полностью согласна. Я уже поговорила с Михаилом Ходорковским. Он отправляет санитарный самолет вместе с реаниматологом из Тель-Авива. Завтра они должны быть во Внукове.

У нее на руках уже был билет на ближайший рейс в Москву. Помимо эвакуации, мы договорились, что ей нужно раздобыть биологические образцы для анализа на Западе. Нужно знать, чем он отравлен, чтобы попытаться найти противоядие. Никто из нас не доверял российским врачам в этом вопросе.

Прежде чем проститься, она добавила:

— Наверное, нужно позвонить в британское консульство.

— Не понял.

— У Володи есть британский паспорт, помимо российского. Он получил гражданство, когда учился в Кембридже.

За всё время, что я знал Владимира, я как-то не задумывался об этом и упустил из вида факт его британского подданства.

Это могло многое изменить. Когда мы пытались вызвать Сергея из тюрьмы, мы не смогли получить официальной помощи ни от одной западной державы. Я всё время слышал одно и то же: «Это печальная история, но какое отношение она имеет к нам?» Теперь же, поскольку Володя был британским подданным, его отравление непосредственно касалось Соединенного Королевства.

Закончив разговор с Женей, я позвонил в посольство Великобритании в Москве и поговорил с сотрудником британского консульства. Объяснив ситуацию, я сказал:

— Мы хотим получить образцы крови для анализа за пределами России. И если нам удастся это сделать, можем ли мы отправить их дипломатической почтой?

— Конечно. Мы очень переживаем за господина Карамурзу. Мы сделаем всё возможное, чтобы помочь ему.

Отлично! Осталось только дождаться, когда Женя получит образцы. На следующий день, в пятницу, ее самолет приземлился в Домодедове в 17:45. После паспортного контроля ее встретили адвокат Володи Вадим Прохоров и его огромный портфель — непременный аксессуар Вадима. Торопливо обнявшись, они прыгнули в машину и поехали прямо в Первую Градскую.

С дороги она набрала меня и спросила:

— Есть новости от англичан?

— Да. Они готовы помочь. Если сможешь получить образцы, они обещали доставить их в Лондон диппочтой.

— Супер. Я постараюсь.

Я должен признать, что в этой непростой ситуации она держалась молодцом.

В восемь вечера Женя и Вадим уже были в больнице. Дама в регистратуре, не отрываясь от мобильного, произнесла словно запрограммированным механическим голосом: «Время посещения закончилось. В выходные приема нет. Приходите в понедельник».

— Извините, — сказала Женя. — Я прилетела издалека к своему мужу, который очень болен. Мне нужно увидеть его сейчас!

— Мне очень жаль, но это невозможно. Пожалуйста, приходите в понедельник, — повторила дама.

— До понедельника он может умереть!

Дама наконец оторвалась от своего телефона:

— В выходные вас может пропустить только главврач.

— Хорошо, давайте я с ним поговорю.

Она вновь уткнулась в мобильник:

— Он будет только в понедельник.

Взбешенные Женя с Вадимом выскочили на улицу. Стоял теплый летний вечер. Солнце начало клониться к зака-

ту. В это время года оно садится позже девяти. Женя присела на скамейку и ждала, пока Вадим обзванивал людей, пытаясь найти того, кто смог бы помочь вернуть главврача в больницу в пятницу поздно вечером.

Вадим позвонил Евгении Альбац — главному редактору популярного в интеллигентских кругах журнала «Новое время». Именно в этом журнале в 2008 году появилось сообщение о том, что ФСБ получила взятку в 6 миллионов долларов за арест Сергея. Москва боялась Евгению, но уважала. Она сделала несколько звонков, и через час на парковку больницы въехал седан последней модели. Из него вышли двое: один коренастый, бритый налысо, с красиво подстриженной бородой цвета соли с перцем, другой — повыше, черноволосый, с прищуренными глазами. Они подошли к Жене и Вадиму. Тот, что с прищуром, оказался главврачом. Второй молчал.

— Пойдемте, — сказал главврач с ноткой досады в голосе из-за прерванного отдыха.

Они прошли к нему в кабинет. Женя с Вадимом сели напротив стола, а второй сел в кресло возле стены.

Директор сложил руки на груди.

— Чем могу помочь?

— Я хочу знать, что с моим мужем.

— Ваш муж находится в отделении интенсивной терапии под наблюдением доктора Проценко, — директор кивком головы указал на своего молчаливого компаньона. — У него отказ многих органов, и я боюсь, что положение очень серьезное.

— Насколько серьезное?

Не поднимая глаз и избегая ее настойчивого взгляда, главврач ответил:

— По моему мнению, процентов пять.

Женю начало колотить. Сделав три глубоких вдоха, она спросила:

— В чем причина?

— Либо пищевое отравление, либо его медикаменты, — неуверенно произнес главврач.

— Его медикаменты?

Володя принимал циталопрам, обычный антидепрессант, и безрецептурный назальный спрей от аллергии. Евгения знала, что эти два препарата никак не могут вызвать веерный отказ органов. Если бы это было так, то десятки миллионов людей, страдающих от различных форм депрессии и аллергии, падали бы замертво по всему миру.

— Вы проверили кровь на отравление ядами? — спросила она.

— Зачем кому-то травить вашего мужа?

— На это есть много причин. Он был заместителем Бориса Немцова, а Борис был убит всего три месяца назад!

Главврач покачал головой:

— Это никак не связано.

Женя собрала всю свою волю в кулак, сохраняя спокойствие.

— Я собираюсь перевезти мужа завтра, — сказала она. — Санитарный самолет ждет нас во Внукове.

— Послушайте, — сказал директор, — вашего мужа нельзя перевозить. Его нельзя даже перемещать из одного угла палаты в другой. Он не переживет перевозку в аэропорт, не говоря уже о перелете.

— Тогда мне нужно дополнительное мнение. Здесь есть израильский врач из Тель-Авива. Я хочу, чтобы он осмотрел Владимира утром.

— Госпожа Кара-Мурза, — обратился к ней директор уже более снисходительным тоном, — зачем вам еще одно мнение?

— Зачем мне еще одно мнение? — повторила Женя, наклонившись вперед. — Вы только что сказали, что не про-

веряли его на яды, в то время как у моего мужа все признаки отравления!

Главврач ответил с некоторой издевкой в голосе:

— Представьте себе поезд. И этот поезд сбил вашего мужа. Вас действительно волнует, что это за поезд? Нет. Вам важно спасти своего мужа. Именно это мы и пытаемся сделать.

Окончательно утратив самообладание, она крикнула:

— Именно это я и пытаюсь сделать! Я получу дополнительное мнение, и мы проведем токсикологический анализ сами. Мне нужны образцы его крови, и сейчас же!

Так с ним еще не говорили.

— Никаких иностранных врачей в моей больнице не будет, и никаких образцов тоже, — объявил главврач. — Без доверенности вы не можете просить ни о чем подобном.

В отличие от большинства других стран, в России супруги не имеют юридического права на принятие решений за своих недееспособных партнеров. Поэтому он думал, что на этом всё закончится.

У Жени опустились руки. У нее не было доверенности.

Но тут оживился Вадим Прохоров: какой ты адвокат без доверенности!

Он полез в свой потертый, переполненный бумагами портфель и, как фокусник, вытаскивающий кролика из шляпы, — вуаля! — вытащил из него доверенность и положил ее на стол главврача. Неважно, что документ касался политической деятельности Володи и не затрагивал медицинских аспектов, ведь Вадим не собирался ничего пояснять: просили доверенность — вот она! В горячке главврач не стал читать текст — он же врач, а не юрист. Он взглянул на бумагу, и лицо его стало пепельного цвета, а Вадим, засунув документ обратно в портфель, вежливо попросил:

— Пожалуйста, сделайте то, о чем вас просит госпожа Кара-Мурза, и отведите ее к мужу.

Без лишних препирательств главврач обратился к доктору Проценко, который молча наблюдал за происходящим:

— Сделайте, как просят. Дайте ей час и образцы.

Так же молча доктор Проценко провел Женю в отделение интенсивной терапии, в большую палату с шестью койками.

— Ваш муж там, — сказал он, указывая рукой в сторону одной из коек. Она подошла к Володе. Он был где-то там, за облаком из трубок, проводов и пищащих приборов. Она едва узнала его — он напоминал какого-то роботизированного осьминога.

Доктор Проценко объяснил ей план лечения, который казался исчерпывающим, но не обнадеживал.

— Я сожалею, но, как сказал мой коллега, боюсь, что положение вашего супруга очень тяжелое.

Женя пододвинула стул к постели, села рядом с Володей, взяв его за руку, и прошептала, что теперь она рядом и не уедет без него из Москвы.

Через час в палату вошла медсестра, взяла кровь, сделала срезы волос и ногтей Владимира, положила их в герметичные пакеты и передала всё Жене вместе с копией его медицинской карты.

— Извините, но вам пора уходить, — сказала медсестра. — Мне сказали, что вы можете прийти завтра.

Было уже 11 вечера, когда Женя вышла из больницы. Ее ждал Вадим и на своей машине отвез домой к ее родителям. Дома она положила образцы в холодильник и по электронной почте отправила мне медицинскую карту Володи.

На следующее утро она вернулась в больницу с израильским реаниматологом. Осмотрев Владимира, он согласился со своими российскими коллегами. Перевозить Володю было нельзя. Женя и сама это чувствовала,

но услышать подтверждение печальных прогнозов от человека, которому доверяешь, было очень больно.

Перед ней стоял сложный выбор: если она начнет перевозку, то ее муж умрет наверняка, но если оставить его в России, то он умрет, скорее всего.

Фабрика ядов КГБ

Весна-лето 2015 года

Госпитализация Володи в Москве и его критическое состояние стали для всех сильным потрясением. Мне это напоминало арест Сергея: еще один человек, который мне очень дорог, находится в смертельной опасности в тысячах километров от меня, и я бессилен ему помочь.

Кайл Паркер чувствовал то же самое. Они с Володей не только вместе работали над законом Магнитского, но и дружили семьями. Их жены были подругами, их дети играли вместе, они часто приходили друг к другу в гости на барбекю.

Как только я получил медицинскую карту Володи, я тут же переслал ее Кайлу. Нам пришлось стать экспертами по ядам, причем быстро. Мы знали о печально известной фабрике ядов КГБ — организации, которая на протяжении десятилетий разрабатывала новые, страшные, секретные способы убийств. Яды, которые они изобретали, часто тестировали на заключенных ГУЛАГа, прежде чем применять их на «неудобных». В их арсенале были рицин, диоксин, таллий, цианид, полоний (который был использован в Лондоне для убийства Александра Литвиненко) и редкие вещества, выработанные из яда медуз. Нам предстояло выяснить, был ли Володя отравлен ядом из этого списка или чем-то новым.

Мы с Кайлом обзвонили всех, кто мог бы помочь. В Америке Кайл отправил карту Володи ведущему токсикологу

из Национального института здравоохранения, офицеру разведки, специализирующемуся на биологическом оружии, казахскому перебежчику, который участвовал в советской программе разработки ядов, а также своей родной сестре, ведущему онкологу в Мемориальном онкологическом центре им. Слоуна-Кеттеринга в Нью-Йорке.

По другую сторону Атлантики мы с коллегами нашли всех британских экспертов по ядам. Мы написали в Портон-Даун, известный британский военно-медицинский исследовательский центр, в Национальную информационную службу по ядам, судебному патологоанатому при Министерстве внутренних дел, в токсикологическое отделение больницы им. Томаса Гая и бывшему детективу по расследованию убийств в лондонской полиции.

Через несколько часов Кайл начал получать информацию от своих источников. Первый ответ пришел от его человека в разведке США. Он подозревал, что могло быть задействовано два яда одновременно. Первый использовался для создания видимости тяжелого пищевого отравления, а пока врачи разбирались с этим недугом, второй яд делал основную работу — отключал органы Володи. Источник Кайла уже видел, как русские использовали эту стратегию: с точки зрения преступника, это небольшая аккуратная операция со вшитой тактикой отрицания вины. Обычные врачи могли не знать о таких веществах и искренне утверждать: «Мы не нашли ничего подозрительного. Мы сделали всё что могли, но, к сожалению, пациент скончался».

Второй ответ Кайлу пришел от сотрудницы Национального института здравоохранения. Она не стала строить теорий, а категорично сообщила, что мы можем смело исключить отравление радиоактивными элементами на основании количества лейкоцитов в крови Владимира.

Это стало облегчением. Радиационное отравление было первым, что пришло нам с Кайлом в голову по аналогии

с убийством Александра Литвиненко. Но в данном случае искать яд было всё равно что искать иголку в стоге сена. Поэтому исключить невероятные варианты было полезно.

Наша работа с британцами была менее успешной — оказалось, что никто из них не проверяет электронную почту в выходные. Единственный, кто ответил, — бывший детектив из отдела убийств. Он не делал никаких предположений, чем мог быть отравлен Володя, но прислал набор жутких инструкций, как собирать и сохранять улики с места преступления, то есть с трупа. Там была инструкция по забору крови из бедренной артерии, образцов тканей печени и жидкости из глазного яблока.

От прочитанного у меня свело живот. Володя был моим другом, и думать о глазных яблоках или печени я не хотел, а хотел увидеть его снова — на своих ногах и в сознании.

И тут пришел ответ от сестры Кайла.

«Кайл, это ужасно, но похоже, что шансов у него нет», — писала она. Она повидала много смертей на своем посту. «Тебе нужно предупредить его семью, что пришло время с ним попрощаться».

У нас с Кайлом и в мыслях не было рассказать об этом Жене. Она сидела рядом с Володией и чувствовала его состояние лучше любого незнакомца. Время шло — надо было срочно выяснить, чем отравлен Володя. По крайней мере, у нас были образцы крови и тканей, которые мы могли отдать в западные лаборатории.

Утром субботы, 30 мая, я позвонил в английское посольство в Москве. Меня соединили с другим служащим, не с тем, с которым я разговаривал до этого.

— Образцы крови и тканей Владимира у его жены, — сказал ему. — Как лучше сделать: вы их сами заберете, или попросить его супругу подвезти их?

— Извините, сэр, — ответил он растерянно. — А разве с вами не связывались по этому поводу?

— Нет.

— Мы больше не занимаемся этим в посольстве. Дело было передано в Глобальный центр реагирования на Уайтхолл. Кто-то из них должен связаться с вами в ближайшее время.

Глобальный центр реагирования — это подразделение Министерства иностранных дел и по делам Содружества Великобритании, отвечающее за помощь британским гражданам, попавшим в беду за рубежом.

Я был рад услышать, что правительство так серьезно относится к этому вопросу, и действительно через некоторое время получил от них электронное письмо.

Но беда в том, что они совершенно не помогали. Они не только ни словом не упомянули диппочту, но и отфутболили нас к международным курьерским службам, указав московские телефоны DHL, FedEx и некоторых других, добавив в текст неискренние слова поддержки.

DHL и FedEx? Вы издеваетесь? Каждый может найти всю информацию о них за тридцать секунд.

Я перезвонил сотруднику Глобального центра реагирования на номер, который был указан в электронном письме.

— Я не очень понял, — сказал я ему. — Мне сказали, что вы можете нам перевезти образцы крови.

— Боюсь, мы не можем этого сделать, сэр.

— Но посольство в Москве пообещало помочь с диппочтой.

— Мне очень жаль, но мы не можем оказать эту помощь.

Я объяснял ему, что Владимир — гражданин Великобритании, и что он может умереть, но тот ни в какую. После разговора мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

Нам всем внушали, что если вы гражданин таких могущественных держав, как Соединенные Штаты или Вели-

кобритания, и с вами случится беда за границей, то ваше правительство бросит все силы вам на помощь.

Но этого явно не происходило.

Нам просто вставляли палки в колеса. В течение предыдущих суток мы с остервенением занимались расшифровкой диагноза и поисками яда, а теперь нужно заняться и логистикой.

Я позвонил в DHL, где мне сказали, что они не перевозят биоматериалы из Москвы. В FedEx сказали, что перевозят, но на это потребуется около 72 часов при наличии у нас экспортной лицензии, выданной российскими властями.

Идиотизм какой-то. Причиной, по которой мы хотели использовать диппочту, было желание избежать контактов с российской властью. Второй, но не менее важной причиной было то, что в случае смерти Владимира эти образцы могут стать единственным доказательством его убийства для последующего разбирательства, и процедура требует соблюдения точности передачи образцов из рук в руки. Диппочта гарантировала непрерывность этой цепочки. Если образцы положить в пакет FedEx и отправить через промежуточные логистические хабы, то цепочка нарушится.

Единственное, что я мог сделать, — это попробовать прыгнуть выше головы. Я написал письмо дипломатическому Филиппу Хаммонду, министру иностранных дел Великобритании, которого я не знал.

В силу его высокого ранга я не ожидал быстрого ответа, но, на удивление, он лично ответил мне на следующий день — в воскресенье. Он писал, что внимательно следит за этим делом и хотел бы помочь, но его руки связаны в отношении использования диппочты. Ссылаясь на Венскую конвенцию о дипломатических сношениях, он объяснил, что дипломатическую почту запрещено

использовать для чего-либо, кроме официальных сообщений. Однако, выказывая свое сочувствие, он предложил помощь сотрудников посольства в сопровождении нашего курьера в аэропорт до пограничного контроля. К сожалению, ничем больше он помочь не мог.

Я был безумно разочарован этим ответом. Кремлю плевать на Венскую конвенцию. Они используют дипломатические каналы для перевозки наркотиков, ядов и наличных по всему миру. Почему англичане не могут нарушить правила для спасения своего гражданина?

(Потом, успокоившись, я понял, что невозможно иметь и то, и другое. Именно за это боролись Борис, Володя и я. За эту веру в закон Сергей отдал свою жизнь. Россия должна быть страной, основанной на верховенстве закона, где министр иностранных дел отвечал бы на письма и поступал подобным же образом.)

Мы решили забыть о непрерывной цепочке передачи образцов. Если британское правительство не разрешает использовать диппочту, нам придется мобилизовать собственные ресурсы и доставить образцы в Лондон. Мы поделились этими новостями с друзьями Володи в Москве, и один из них вызвался помочь — лично привести их в Лондон. Дальше всё пошло очень быстро, и уже на следующий день, в понедельник, во второй половине дня образцы были у нас в офисе. Шел пятый день с того момента, когда Володе стало плохо. Мы положили образцы в холодильник, к ланчбоксам с бутербродами сотрудников.

Надо было найти медицинский центр, где могли бы сделать анализы образцов, и я сел на телефон, начав с исследовательского центра Портон-Даун. Но прежде чем я успел объяснить ситуацию, мне ответили:

— Сэр, мы принимаем заказы только от правительства.

— Но это срочно, — умолял я. — Вы можете сделать заключение?

— Извините, но без прямого указания правительства мы ничего не можем сделать.

Тогда я позвонил в Национальную службу информации о ядах, еще одно правительственное агентство, но и там мне сказали, что им нужно направление от правоохранительных органов. Даже если бы мы смогли его получить, на это ушли бы дни или даже недели.

Обзвонив еще с десятков организаций, я получил аналогичные ответы. В конце концов меня направили к врачу консьерж-службы, обслуживающей инвестиционных банкиров, менеджеров инвестиционных фондов и богатых лондонцев. Услуги стоили недешево, но это было неважно.

Врач был связан с частной лабораторией на Харли-стрит в центре Лондона. Эта улица знаменита большой концентрацией высококлассных врачей и медицинских центров. Он заверил меня, что у них есть необходимые договоренности со всеми государственными лабораториями в Англии для анализа образцов.

Поэтому, сказал он, результаты анализа придут быстро, через день, максимум два, и мы обязательно получим все ответы.

Я набрал Жене, чтобы сказать, что образцы в Лондоне и в работе, но она прервала меня неожиданной новостью.

— Билл, у Володи заработали почки!

— Это прекрасная новость!

— Доктор Проценко решил выводить его из комы завтра.

Несмотря на напряженное начало отношений Жени с Первой Градской, дальше всё наладилось. Главное было то, что доктор Проценко искренне пытался спасти Володю.

Пока врачи готовились к процедуре, Женя с ужасом думала о моменте, когда Володя очнется. Будет ли он парализован? Будет ли он реагировать на ее голос? Придет ли

он вообще в сознание? Она не могла представить, какой будет их жизнь, если у Владимира помутится рассудок.

На вывод из комы ушла большая часть дня. Пока врачи медленно снижали дозу лекарств, используемых для введения в кому, Женя держала мужа за руку, произнося его имя.

Ближе к концу дня он моргнул. Женя встала и наклонилась над ним. Он снова моргнул. И тут она закричала: «Это я! Женя!»

Он слабо сжал ее пальцы. «Володя», — произнесла она, утирая слезы, которые лились сами по себе.

Володя вернулся. И хотя он не мог говорить и всё еще был подключен к аппаратам искусственного дыхания, он стал задавать вопросы глазами. Сначала он посмотрел в потолок. «Ты в Москве, в больнице», — объяснила Женя. «Это свет». Дальше он перевел взгляд на окно. «Сегодня первое июня, на улице жарко, как летом». Он посмотрел на мужчину, стоящего рядом с кроватью, с напряжением. «Это доктор Проценко, — сказала Женя. — Он помогает тебе». Она достала телефон и показала ему фотографии детей. «С ними все хорошо, Володя. Они очень по тебе скучают».

Позже она позвонила мне, чтобы поделиться хорошими новостями. Я почувствовал волну облегчения: до этого мне казалось, что Володя не выкарабкается. Я позвонил жене, чтобы обрадовать ее, а потом Кайлу.

Обнимаясь с Иваном и Вадимом в офисе, я еле сдерживал слезы. Страх потерять Володю отступил.

К утру ему стал гораздо лучше. Он начал дышать самостоятельно, и врачи отключили его от аппарата искусственного дыхания, вытащив изо рта все эти страшные трубки. Жене очень хотелось услышать его голос, но его горло саднило так, что любой звук отдавался жуткой болью. Поэтому они продолжили общаться с помощью морганий, улыбок и сжимания ладоней.

В тот вечер мы с Вадимом и Иваном отправились в местный тайский ресторанчик отпраздновать это событие. Как только мы сделали заказ, раздался звонок. Это была Женя.

Разобрать, что она говорит, за шумом ресторана было сложно, поэтому я выскочил на улицу и попросил ее повторить.

— Володе только что сделали рентген, — сказала она, и ее голос звучал иначе, чем раньше. — Они нашли какое-то черное пятно у него в животе.

— Черное пятно? Что это значит? — спросил я. Знакомое предчувствие беды снова сжало меня тисками.

— Доктор Проценко говорит, что это может быть некроз. Его нужно срочно оперировать.

— Боже. Мне очень жаль. Пожалуйста, позвони, как только всё закончится.

Я вернулся обратно. Как раз принесли закуски. Я рассказал всё Вадиму и Ивану. Наш праздник был окончен, аппетит пропал, настроение было на нуле. Поковыряв закуски, мы попросили чек и разъехались по домам. Я не мог уснуть, сидел на диване и ждал звонка от Жени.

Она позвонила уже глубоко за полночь. Патологоанатомическое заключение не выявило некроза, но антикоагулянты, которые вводили ему в больнице для разжижения крови и препятствия образованию тромбов, вызвали внутреннее кровотечение, и операция закончилась сильным кровоизлиянием, приведшим к инсульту. Доктор Проценко снова ввел его в искусственную кому.

Инсульт и последующий паралич моей мамы стал началом страшного пути, закончившегося ее смертью. Он полностью перевернул жизнь нашей семьи. Володе было всего 33 года, и я гнал от себя страшные мысли о том, как всё это скажется на их детях и Жене.

Проворочавшись всю ночь, утром я позвонил врачу из консьерж-службы, надеясь получить результаты анали-

зов образцов крови Володи. Результаты анализов не могли вылечить Володю от инсульта, но было важно знать, чем он был отравлен.

Мы сдали образцы в понедельник, а результаты обещали не позднее среды. На дворе был четверг, а у нас всё еще ничего не было. На звонок никто не ответил. Выждав пятнадцать минут, я попробовал снова. Бесполезно. Я продолжал звонить всё утро, но безрезультатно. В 11 часов он наконец прислал мне длинное послание. «Билл, я понимаю, что это не тот ответ, которого вы ждете, но образцы находятся в ведении Портон-Дауна и других правительственных агентств, и у нас нет возможности повлиять на скорость их работы. Я на вашей стороне».

Люди, которые заявляют: «Я на вашей стороне», обычно лукавят. Я начал подозревать, что этот человек что-то недоговаривает. В итоге я дозвонился до него после обеда, и тогда всё выяснилось. Он признался, что образцы на самом деле никто никуда не отправлял, и пытался свалить вину на технический персонал частной лаборатории. Врач сказал, что они настолько испугались содержимого, что даже не извлекали образцы из герметичной упаковки, в которой они прибыли.

Немедленно забрав образцы, которые они даже не удосужились положить в холодильник, мы вновь бросились на поиски лаборатории и нашли ее в Страсбурге. Там нам согласились помочь, причем срочно. Марк Саба, наш политехнолог, который был со мной в Монако, мгновенно взял билет на поезд «Евростар» и отвез их в лабораторию. Но образцы настолько испортились от неправильного хранения, что результаты не выявили ничего определенного.

К сожалению, время было упущено безвозвратно, а на следующий день Володю должны были вывести из второй комы.

Утром врачи повторили процесс. Как и в первый раз, Женя была рядом, — она шептала его имя, как заклинание, способное вернуть его в сознание. Но в этот раз, открыв глаза, Володя был более дезориентирован. Он не смотрел на жену, не сжимал ее руку и не пытался издать никаких звуков.

Однако дышал он самостоятельно, и они сразу отсоединили его от аппаратов.

Через несколько часов Володя попытался заговорить, но речь была бессвязной, а часть звуков, которые он издавал, вообще не походили на слова. Для Жени это было потрясением. Володя был для нее эталоном эрудиции и ясности.

Его оставили в отделении интенсивной терапии еще на неделю. Несмотря на трудности с речью, он преображался, становился бодрее и начинал понимать, что происходит вокруг. К середине июня он окреп достаточно для перевода в неврологическое отделение. Инсульт сильно подкосил его: он не мог ходить и с трудом мог самостоятельно есть. Жевать и глотать давались ему с большим трудом. Впереди был долгий путь выздоровления.

В отличие от Запада, в России бремя реабилитации пациента ложится на плечи родных. Его жене пришлось самой обучать Володю всему заново, в том числе и речи. Иногда в его тарабарщине проскакивали проблески сознания, но по мере ее настойчивости в течение последующих недель наступило просветление, и он стал говорить яснее. Физический ущерб был ощутимым, но тот Володя, которого мы знали и любили, уже проявлялся.

Спустя шесть недель после отравления Володя был достаточно здоров для транспортировки в Соединенные Штаты.

4 июля Женя ввезла Володю на кресле-каталке на борт санитарного самолета, и они вылетели в Вашингтон.

По прилете их встретила машина скорой помощи и отвезла прямо в медицинский комплекс «Инова Фэйрфакс», где его поместили в отделение интенсивной терапии. Американские врачи провели комплексное токсикологическое обследование, которое должны были сделать в первый день их российские коллеги. Врачи были настолько осторожны, что даже заставляли Женю надевать защитный костюм при каждом ее посещении. Но поскольку с момента отравления прошло много времени, обследование и не могло выявить никаких остатков ядов.

Еще через три недели реабилитации в другом учреждении Владимир наконец смог вернуться домой в Вирджинию. Последствия отравления будут мучить его еще долго, но главное — он был жив.

В ноябре Володя отправился в свою первую поездку после выздоровления — в Лондон, на церемонию вручения премии имени Сергея Магнитского в области защиты прав человека. Двести пятьдесят человек со всего мира собрались в Вестминстере, в Центральном зале методистов, рядом с парламентом, чтобы чествовать самых смелых правозащитников на земле. Борис Немцов был награжден посмертно, и его дочь, Жанна, приняла награду за отца.

За день до церемонии Володя пришел к нам в офис. Сутулясь, он вышел из лифта с тростью. С момента нашей последней встречи он потерял около 16 килограммов. Но несмотря на физическое истощение, блеск глаз говорил мне о его решимости продолжать борьбу за справедливость для Бориса, Сергея и многих других жертв путинского режима.

В итоге, западные институты — британское правительство, Портон Даун, консьерж-доктор и клиника на Харли Стрит, — которые должны были его спасти, этого не сделали!

А спас его тот, кто, как мы думали, не будет его спасать, — его российский врач! Хотя во власти много кто желал ему смерти, Володе несказанно повезло встретить человека, который делал свою работу: спасал людей и был верен клятве Гиппократы — и не навредил.

Владимир Кара-Мурза, хороший человек, оказался в руках такого же хорошего человека и хорошего доктора — Дениса Проценко. И это было главным.

Чайка

Конец 2015 года

Мне нужно было время, чтобы вернуться в нормальное состояние после отравления Володи. К счастью, летом Кремль оставил меня в покое. Но 5 октября, примерно за месяц до вручения премии Магнитского, Майкл Ким, от которого уже давно не было вестей, позвонил из Нью-Йорка.

— Извини, Билл, но новости не очень хорошие, — сказал он. «Бейкер-Хостетлер» снова в деле.

Он только что получил уведомление, что Джон Москоу и Марк Цимрот собираются в суд за разрешением на новый, второй допрос. Было очевидно, что они учли свои прежние ошибки, и теперь вместо общих вопросов и запросов документов они сузят их так, что, вероятно, судья Гриеса даст им разрешение. Майкл считал, что у нас не было вариантов избежать этого.

И он оказался прав. 9 ноября судья Гриеса без каких-либо препинаний удовлетворил их просьбу и поручил нам согласовать дату допроса до начала основных судебных слушаний, которое еще не было назначено, но было запланировано на начало следующего года.

Я не мог понять, для чего им это. Первый допрос был полным фиаско — им не удалось получить от меня нужную им конфиденциальную информацию. А стоило это им немало.

Но позже всё стало ясно.

17 ноября, после вручения премии Магнитского в Лондоне, Марк Цимрот подал в суд официальный документ, обвиняющий меня и Сергея в краже 230 миллионов долларов. Сделал это он на основании заявления генерального прокурора России, которое с этими новыми обвинениями было направлено в Минюст США.

Кремль скармливал этот вымысел внутри страны в течение многих лет, но теперь они решили заняться экспортом.

Такая стратегия защиты была безумной. Грязные деньги были на счетах «Превезона» в Нью-Йорке, а не у меня; и именно они должны были объяснять их происхождение, а не я. Судили их, а не меня. Проталкивание теорий заговора в суде не могло помочь им оправдаться.

Какой бы грубой ни была их стратегия, но наши враги открыли карты. Эти обвинения наглядно показывали, что второй допрос никак не связан ни с защитой «Превезона», ни даже с их попыткой заполучить наши секреты. Речь шла о закреплении ложных обвинений против меня на Западе посредством суда. После этого они могли бы постить мои ответы в интернете (как они это сделали по результатам первого допроса), в рамках своей кампании убеждая всех, что это мы с Сергеем злодеи, а не они.

Если вопрос, состояться допросу или нет, разрешился, то вот с датой всё было непросто. В декабре у всех возник конфликт с ее согласованием. Мне надо было прилететь из Лондона; на допросе должна была присутствовать американская прокуратура, а их график уже был занят другими делами; приближались рождественские праздники; вдобавок, дочь Цимрота выходила замуж сразу после Рождества, что совсем не оставляло свободных дней.

Судя по всему, российские клиенты сильно давили на Цимрота, и он настаивал на дате 7 декабря. Но прокурату-

ра не могла участвовать в этот день, и поскольку на допросе должны присутствовать обе стороны, я тоже не явился.

Это настолько разозлило Кремль, что в тот же день Цимрот подал заявление о признании моего отсутствия неуважением к суду. Ребята явно шли на обострение. Неуважение к суду карается тюремным сроком. Но даже судья Гриеса со своим не вполне ясным рассудком понял, насколько неуместно было это заявление, и зарубил его на корню, не разрешив обжаловать его решение. Он попросил всех участников процесса успокоиться и договориться о новой дате.

На этом всё должно было бы закончиться, но два дня спустя газета «Дейли Бист» опубликовала статью о Денисе Кацыве и Наталье Весельницкой. Издание получило документ, свидетельствующий о том, что Кацыв потребовал от Минюста США возмещения «расходов» на круглую сумму в 50 тысяч долларов за недавнюю поездку в Нью-Йорк для дачи показаний. В эти расходы входили оплата номеров в отеле «Плаза» за 995 долларов за ночь и ужин за 793,29 доллара, на котором Кацыв, Весельницкая и еще один их коллега закатали пир на 18 блюд, выпив восемь стопок граппы и две бутылки дорогого вина.

Статья называлась «Русские пригвоздили Америку барным счетом в гостинице за 50 тысяч баксов». Окончательно потеряв рассудок, Цимрот через два дня подал еще одно заявление от имени своих клиентов о моем неуважении к суду, и это было настоящее безумие.

Он утверждал, что между мной и американской прокуратурой существовал заговор с целью уничтожения репутации семьи Кацывов. Цимрот обвинял нас в координации кампании в прессе против них и сговоре, направленном на уклонение от допроса. Ну и самым нелепым было утверждение об еще одном заговоре, приведшем к возбуждению дела против «Превезона». Он говорил так, будто

правительство США в лице прокуратуры — это такая марионетка, исполняющая мои прихоти, а я — Карабас-Барабас.

В конце заявления Цимрот для острастки потребовал, чтобы судья также наложил санкции на Министерство юстиции за их поведение.

Казалось, что автором этого заявления, переведенного на английский язык через «Гугл», была не справившаяся со своими эмоциями и психующая в Москве Весельницкая. В России частные лица регулярно вступают в сговор с чиновниками, и она просто проецировала эту «норму» на меня и американскую систему правосудия. Сумасшествие, да и только.

В этих действиях слышен был истеричный крик отчаяния. Как будто дело вела не фирма «Бейкер-Хостетлер», а Весельницкая, которая заставляла их делать эти нелепые шаги, изначально обреченные на провал.

Судье Гриесе это совсем не понравилось. Он моментально отклонил эту писанину, бросив: «Это заявление безосновательно». Всё, чего он хотел, — это назначить дату допроса, и поскольку стороны не могли договориться, он назначил ее сам на 18 декабря.

На этом всё и закончилось.

Назначенная дата ломала рождественские планы моей семье — каникулы мы наметили провести в Аспене, но я не хотел больше спорить. Единственным утешением было то, что Гриеса разрешил мне участвовать по видеосвязи и не приезжать в Нью-Йорк.

Тринадцатого декабря мы всей семьей отправились в Колорадо и прибыли в Аспен уже поздно вечером. До дома мы добрались уже совсем никакие, и пока дети бегали на улице и играли в снежки, супруга приготовила быстрый ужин. К концу перекуса у всех уже слипались глаза: хотя по местному времени было только 7 вечера, в Лондо-

не было уже 2 часа ночи. Уложив детей и забравшись под одеяло, мы отключились в мгновение ока.

Во всей этой кутерьме я забыл отключить телефон, и в час ночи он начал безбожно жужжать. Я надеялся, что он перестанет, но эта попытка продолжалась. Отчаявшись уснуть и взяв телефон, я увидел множество пропущенных звонков от московских корреспондентов «Нью-Йорк Таймс», «Уолл-Стрит Джорнэл» и «Ассошиэйтед Пресс».

Полусидя в постели, я ткнул на иконку электронной почты, и писем было столько так же много, как и пропущенных звонков. Все просили прокомментировать статью в «Коммерсанте».

По ссылке открывалась не статья, а целый опус главного путинского «правоохранителя», генерального прокурора Юрия Чайки. Это он в 2011 году ездил в Швейцарию, чтобы остановить дело об отмывании грязных денег, открытое там против Степановых.

Я прочитал опус дважды, чтобы не упустить ни одной детали. Он не только в точности пересказывал последние голословные обвинения «Бейкер-Хостетлер» против меня и Сергея, но и шел дальше.

С его слов, я был заслан в Россию в 1990-х западными спецслужбами с целью ослабить и уничтожить страну. Моим первым заданием была скупка акций Газпрома, внедрение в совет директоров и, таким образом, получение доступа к секретной информации. После этого я должен был передать ее своим кураторам из западных спецслужб, а также американским корпорациям, для подрыва национальных интересов России.

Затем он с гордостью заявлял, что этот заговор был раскрыт, но по ходу дела я успел накосячить с налогами, обанкротить несколько компаний и слямзить 230 миллионов долларов из российской казны. Затем, по его утверждению, я развязал публичную международную кампанию

по очернению России — естественно, с благословения западных спецслужб, чтобы переложить свою вину на кристально честных российских чиновников и простых граждан, таких как «бедные» Кацывы.

Попутно Чайка намекнул, что я еще и убил российских граждан Валерия Курочкина, Октая Гасанова и Семена Коробейникова — трех жертв клюевской ОПГ, о которых я рассказывал в восьмой главе («„Вешай“ всё на мертвецов»).

В разгаре этой размашистой операции, писал Чайка, был арестован Сергей, который «от заболевания» умер в тюрьме, ну и эта «трагедия» для меня и моих коллег по разведке стала «спасательным кругом», поскольку позволила нам использовать его смерть для начала «очередной спецоперации по дискредитации России в глазах мирового сообщества».

Новая спецоперация заключалась в манипуляции и использовании «присущего людям чувства сострадания» через проплаченные заказные статейки в западных СМИ, что в итоге привело к принятию в США закона Магнитского.

В конце Чайка завязал на всем этом аккуратный бантик и, ссылаясь на дело «Превезона», за которым он пристально следил, написал, что именно в нем я буду разоблачен как «международный мошенник, аферист, [и] преступник», который годами одурачивал весь мир.

Прочитав статью в третий раз, я опустил руки на одеяло и уставился в потолок. Это самая невероятная чушь, которую я когда-либо читал, но она говорила о многом.

Я был удивлен фанатичностью повествования, этим излиянием лжи, этой агонией Чайки, а также тем, что стояло на кону. По его логике, если он убедит мир в том, что я аферист, то и закон Магнитского — тоже афера, а коли так, то закон надо будет отменить. В этой статье Чайка подтвердил то, что мы всегда подозревали: дело «Преве-

зона» — это дело Кремля. Их огромные затраты на юридические услуги в Нью-Йорке — сумма, которая, по моим оценкам в итоге превысила арестованную, — не имели ничего общего с защитой по этому делу, а наоборот, ставили целью уничтожение моей репутации и, как следствие, выбивание почвы из-под закона Магнитского, который был как кость в горле Кремля.

Ставки ко второму допросу непомерно возросли.

Мандамус*

Зима 2015—2016 годов

На следующий день после публикации опуса Чайки в Аспен приехали погостить наши старые друзья, Эдуардо и Лина Вурцман с тремя детьми. Сами они родом из Сан-Пауло, но познакомились мы в Москве в конце 1990-х, задолго до начала моих неприятностей. Бразильцы — одни из самых приятных людей в мире, ну а Вурцманы были самыми приятными из бразильцев.

Приглашая их в Колорадо, мы с Еленой и представить себе не могли, что дело «Превезона» поглотит всю нашу жизнь. Неизбежное приближение второго допроса не оставляло времени даже на простое общение, не говоря уже о катании на лыжах; но всё равно было приятно побыть вместе с нашими старыми друзьями в это трудное время.

Однако был хотя и небольшой, но шанс, что допрос не состоится. Майкл Ким указал мне на серьезную тактическую ошибку, которую совершили Кацывы, да и сама «Бейкер-Хостетлер», обвинив нас в краже 230 миллионов долларов. На первых слушаниях по их дисквалификации в 2014-м Цимрот, защищая Джона Москоу и свою фирму «Бейкер-Хостетлер», убеждал судью Гриесу в том, что «Превезон» не может быть «противной стороной» по от-

* «Судебный приказ» (лат.).

ношению к Hermitage. Судья Гриеса поверил ему, и именно это послужило основанием для отказа в их дисквалификации.

Но теперь, объяснял Майкл, их новое беспочвенное обвинение переводило их в категорию враждебности, то есть в категорию «противной стороны», и поэтому стоит еще раз попробовать добиться отстранения Джона Москоу и его фирмы от дела.

В силу технических причин компания Hermitage, а не я лично, должна была подать это ходатайство, а это означало, что нам придется нанять ей отдельного адвоката. Майкл предложил своего коллегу Джейкоба Бухдала из юридической фирмы «Суссман Годфрей». Мы заключили с ним соглашение, и уже к 15 декабря он подготовил и подал наше второе ходатайство о дисквалификации.

Поскольку слушания по существу дела «Превезона» должны были начаться уже в первые дни нового года, это ускорило весь процесс, включая рассмотрение нашего нового ходатайства, которое быстро назначили уже на третий день — день моего второго допроса.

Накануне всю ночь шел снег, и к утру пятницы его насыпало больше метра. Моя семья и наши гости потирали руки, ожидая, что покатаются всласть на горных лыжах.

После дружного завтрака я помог детям собраться и удалился в свой рабочий кабинет, где мне предстояло провести целый день перед монитором во время изнурительного допроса.

Тестируя видеосвязь, я набрал Майкла в его нью-йоркском офисе, где должен был состояться допрос. В конференц-комнате он был пока один, но около 9:15 утра по моему времени (разница во времени с Нью-Йорком +2 часа) появились два прокурора. После коротких приветствий они заняли отведенную им часть стола, разложив на нем бумаги и пару папок с документами.

Через полчаса появилась кавалькада юристов «Бейкер-Хостетлер». Как и в прошлый раз, это был целый ритуал. Их было человек шесть или семь, все с тяжелыми пузатыми портфелями и тележками, на которых громоздились бесчисленные коробки. Процесс усаживания этой свиты на своей стороне стола занял более пяти минут.

В этот раз допрос должен был вести коллега Цимрота — Пол Левин, так как сам Цимрот пытался предотвратить дисквалификацию своей фирмы в федеральном суде на Перл-стрит. Предполагалось, что слушание закончится до начала моего допроса, но оно еще шло полным ходом.

Стрелка часов переместилась на 10:15 утра, и допрос официально начался. Напряжение, царившее в конференц-комнате в Нью-Йорке, передавалось мне в Аспен. Левин подался вперед, готовый задать свой первый каверзный вопрос, но тут мягко вмешался Майкл (он всегда говорил мягко, спокойно, без напряжения):

— В силу того, что сейчас идет слушание по ходатайству о дисквалификации, было бы неуместно начинать допрос, пока судья не вынесет решение.

Левин вроде бы был готов поспорить, но отступил перед железной логикой Майкла. И так как допрос не мог продолжаться, а мы не могли разойтись, пока судья не вынесет то или иное решение, то все сидели в неловком молчании и ждали.

Время шло: десять минут, двадцать, полчаса. Наконец, чуть позже одиннадцати у всех разом зазвонили телефоны. Судья Гриеса распорядился отложить допрос до тех пор, пока он не примет решения.

Допрос был отменен, по крайней мере сегодня. Пока «Бейкер-Хостетлер» с шумом загружали коробки обратно на тележки, я смотрел в окно на свежий снег. Набрав Майкла, я спросил:

— Я могу пойти покататься на лыжах?

Я всё еще мог видеть его по видеосвязи. Он улыбнулся и ответил:

— Наслаждайся.

Я быстро попрощался, выключил компьютер и побежал вниз собираться. Загрузив всё снаряжение в джип, я отправился на перехват Эдуардо и детей в Сноумасс, большой горнолыжный курорт рядом с Аспеном. От Аспена до Сноумасса примерно 20 минут езды. Я помчался в объезд аэропорта, и это напомнило мне школьные времена, когда я учился в интернате в Стимбот-Спрингсе здесь же, в Колорадо. Тогда, если за ночь выпадало больше 30 сантиметров снега, то утром директор школы бил в огромный колокол, отменял занятия и объявлял День снега. И тогда все, кто умел стоять на лыжах: и ученики, и учителя, и обслуживающий персонал — устремлялись в горы. Для меня не существовало более желанного звука, чем звон этого огромного колокола.

Сегодня Майкл объявил этот день для меня Днем снега.

Миновав Совиный ручей (англ. Owl Creek), я позвонил Эдуардо и обрадовал его хорошей новостью. Он пришел в восторг и сказал, чтобы я ждал их на вершине Лосиного лагеря (англ. Elk Camp), где обычно самый лучший снежный покров и много трасс средней сложности, петляющих среди деревьев, отчего дети приходят в восторг.

Я припарковал джип, взял свои вещи и пошел прямо к подъемнику. Контраст был разительный: с одной стороны, сидеть в рабочем кабинете на допросе прокси российского правительства, с другой — парить в кресельном подъемнике, откуда я осматривал панораму гор, вдыхая свежий холодный воздух и предвкушая катание по снежной целине.

Эдуардо с детьми уже были на вершине, и моя детвора светилась от счастья, так как их папа наконец-то был с ними — большую часть нашего совместно отдыха я от-

существовал. Но теперь мы все были вместе и начали спуск по тропе Серого Волка (англ. Grey Wolf Trail).

Мы с Эдуардо скользили по снегу за детьми, и, закладывая очередной плавный поворот по дуге, я почувствовал, как мой телефон завибрировал. Немного приотстав и остановившись в сторонке, я увидел, что звонит Джейкоб Бухдал.

Было странно, что он позвонил так скоро. В голове мелькали стереотипные картинки: присяжные, возвращаются в зал спустя полчаса с обвинительным вердиктом. Я с ужасом ответил:

— Алло?

— Билл, чувствую, ты прекрасно проводишь время.

— Да. Что случилось?

— Мы выиграли!

— Мы выиграли?

— Да. Судья Гриеса только что дисквалифицировал Джона Москоу и «Бейкер-Хостетлер»!

Я стоял неподвижно и смотрел вдаль на Скалистые горы. Потребовались годы и огромные усилия, но мы наконец-то добились отстранения от дела этих скользких адвокатов.

Еще не зная прекрасных новостей, да и юридических перипетий моей жизни в целом, детишки махали мне, стоя у подножья склона: «Пап, ну давай же!»

Я сказал Джейкобу, что он герой сегодняшнего дня, засунул телефон в карман и помчался вниз, переполненный энергией. Этот день был и останется одним из лучших в моей горнолыжной жизни.

Следующие несколько дней я грелся в лучах этой победы, наслаждаясь возможностью снова чувствовать себя нормальным человеком на отдыхе. Мы катались на лыжах и санках, устраивали бои снежками около дома и упаковывали рождественские подарки, а потом прятали их под

елкой. Я знал, что это всего лишь передышка, скоро «Превезон» наймет новых юристов и в новом году эта сага продолжится, но сейчас я выбросил всё это из головы.

Но за два дня до Рождества Джейкоб позвонил снова. В его голосе уже не было радости как в прошлый раз. Он сообщил мне, что судья Гриеса назначил срочный конференц-звонок со всеми адвокатами на вторую половину дня.

— Мне кажется, он передумал и хочет отменить свое решение о дисквалификации, — сказал Джейкоб.

— Вы что, издеваетесь?

Позже все созвонились и соединились в видеозвонке с судьей Гриесой. Каким-то образом на видео-конференц-звонок была допущена и Наталья Весельницкая. Как оказалось, она специально приехала в Нью-Йорк для разрешения кризиса, и судья Гриеса позволил ей обратиться к суду. Это было крайне необычно. Весельницкая не была членом Нью-Йоркской коллегии адвокатов и к тому же не говорила по-английски. Через переводчика она умоляла судью не дисквалифицировать «Бейкер-Хостетлер», упирая на то, что «Превезону» будет трудно найти новых адвокатов за несколько недель до начала судебных слушаний.

Казалось, судье явно импонировал этот «плач Ярославны», как и то, что она прилетела из Москвы к нему, чтобы объяснить. На следующий день, в Сочельник, судья Гриеса приостановил свое решение о дисквалификации. Он пока не собирался менять его, но хотел, чтобы адвокаты предоставили побольше письменных аргументов, прежде чем он окончательно решит судьбу «Бейкер-Хостетлер».

Мне стоило огромных усилий отодвинуть произошедшее на второй план. Проснувшись ранним рождественским утром, мы все собрались у красавицы-елки в гостиной. Дети по очереди открывали подарки, а уж за ними и мы с Еленой обменялись подарками с Линой и Эдуардо.

Мне потребовались все мои душевные силы, чтобы не позволить этому капризному нью-йоркскому судье испортить нам Рождество, и похоже, я справился.

Через несколько дней мы проводили Вурцманов, а 3 января и сами вернулись в Лондон.

8 января судья Гриеса вынес окончательное решение. В своем запутанном письменном заключении он отменил дисквалификацию Джона Москоу и «Бейкер-Хостетлер». Говоря по-простому, он в очередной раз поменял свое мнение.

Через три дня мы подали апелляцию, но судья Гриеса незамедлительно ее отклонил, объявив, что больше не будет дисквалифицировать дисквалифицированных. Ему хотелось поскорее начать процесс по существу самого дела «Превезона» и убрать меня с пути.

Обсуждая его решение, Майкл Ким заметил:

— Мы практически исчерпали все возможности, но всё же мы должны попробовать еще одну вещь. Единственное, что может заставить федеральный суд отменить свое решение, так это только так называемый *мандабус*, судебный приказ вышестоящего суда. Мало кто сумел добиться успеха в этом, но это наш последний шанс.

— Звучит слабовато, — сказал я.

— Так и есть. Мы должны будем пойти в апелляционный суд и убедить их в том, что судью «несет». Я никогда не рекомендовал идти по этому пути, но, учитывая неадекватность поведения судьи Гриесы, это может сработать.

Как сказал Майкл, это был наш последний шанс. Я дал юристам зеленый свет, и 13 января Джейкоб подал наше ходатайство о применении *мандамуса* в Апелляционный суд второго округа Нью-Йорка.

Пока Второй окружной суд рассматривал наше ходатайство, дело «Превезона» бурлило. Судебный процесс должен был начаться 27 января. Бумаги летали туда и об-

ратно. Активность зашкаливала, голова шла кругом. Мне предстояло срочно лететь в Нью-Йорк для повторного допроса, а затем сразу же в суд, чтобы в течение нескольких дней кряду давать показания в качестве первого свидетеля стороны обвинения.

Я готовился ко всем этим допросам и показаниям и вылетал в Нью-Йорк 25 января. Но тут пришло электронное письмо от Джейкоба. В нем была одна страничка приложения — решение Апелляционного суда: *«После должного рассмотрения настоящим постановляется: ходатайство апеллянта об отсрочке УДОВЛЕТВОРИТЬ; слушания по делу в окружном суде ОТЛОЖИТЬ на время рассмотрения апелляции».*

На простом языке это означало: всё остановить, а адвокатам расслабиться. Судебный процесс по существу приостановлен до тех пор, пока Апелляционный суд второго округа не решит, следует ли убрать «Бейкер-Хостетлер» из этого дела или нет.

Это решение было ошеломляющим. То, что апелляционный суд запретил судебное рассмотрение крупного дела об отмывании денег всего за несколько дней до назначенной даты, наглядно показало, насколько серьезно он относится к преступным действиям Джона Москоу и его конторы «Бейкер-Хостетлер».

С этого момента обновление электронного архива судебных документов по делу приостановилось. Следующий документ появился там только спустя три месяца — 29 апреля 2016 года. Это было уведомление Федерального суда Южного округа Нью-Йорка. Апелляционный суд второго округа всё еще рассматривал вопрос о дисквалификации, но судья Гриеса, служивший федеральным судьей с 1972 года, был навсегда отстранен от дела «Превезона».

Виолончелист

Весна 2016 года

Годом ранее, в середине мая 2015-го, на рассвете, двенадцать сотрудников французской Национальной полиции остановились у ворот роскошной виллы на шоссе Бель-Иснард в Сан-Тропе. Не было ни сирен, ни мигалок.

Старший офицер нажал кнопку интеркома. Спустя некоторое время ему заспанным голосом ответила блондинка средних лет, говорившая по-французски с явным русским акцентом. Удивленная столь ранним визитом, она с плохо скрываемым беспокойством спросила у него, в чем, собственно говоря, дело. Офицер предъявил ей ордер на обыск. Затем полицейские проследовали с ней в дом и в следующие двенадцать часов перевернули всё вверх дном. В конце дня дама была арестована и доставлена в полицейский участок Экс-ан-Прованса на допрос. На следующий день ее перевезли в Париж, где снова допросили. Этот допрос проводил Рено Ван Рюмбек, судебный следователь магистрата, ведущий расследование по отмыванию денег во Франции, связанное с делом Магнитского.

Ей было предъявлено обвинение в отмывании денег. Одновременно Рено Ван Рюмбек заморозил 9 миллионов долларов на ее счетах во Франции, Люксембурге и Монако. Это было пятое постановление об аресте активов по делу Магнитского.*

* В силу юридических процедур имя этой женщины не подлежит разглашению.

Обыск, арест и постановление об аресте стали прямым следствием одного из поданных нами заявлений по результатам изучения молдовского файла. Расследование информации, содержащейся в этом файле, привело нас не только в США и во Францию, но и в другие страны Европы и мира и помогло пролить свет на хитро сплетенную паутину обширной сети по отмыванию денег.

Способ отмывания денег одновременно и сложен, и прост.

Он сложен по конструкции. Если 40 лет назад преступник мог принести чемодан наличных в банк, открыть счет и депонировать все деньги, то сегодня максимальная сумма, которую можно внести или снять, составляет 10 тысяч долларов. В случае превышения этого лимита придется подавать декларацию о происхождении денег в соответствующие органы. Поэтому наличные — неподходящий инструмент для масштабного отмывания грязных денег. Преступники отмывают деньги электронными переводами, открывая сотни счетов в десятках банков на бесчисленные подставные компании-пустышки. Затем перебрасывают деньги между ними много раз и в определенных лимитах, надеясь, что ни у кого не хватит ни терпения, ни ресурсов, ни бдительности их отследить.

Но этот способ прост по сути. Отмывание денег — это не более чем перевод денег, и каждый перевод, как говорил Джон Москоу еще в 2008-м, оставляет свой несмываемый след. В случае России отмывание денег начинается с денежных переводов в этой стране, далее транзитом через Молдову, Кипр, Литву, Латвию и Эстонию, и уже после этого деньги попадают в страны назначения, такие как Франция, Швейцария и США. Когда деньги достигают этого последнего этапа, они накапливаются в банках, вкладываются в недвижимость или используются для приобретения дорогостоящих услуг и совершения покупок. Сюда

относятся фрахт яхт и частных самолетов, скупка ювелирных изделий и предметов искусства и прочее.

Отмывая деньги, преступники не рассчитывали нарваться на ребят из Центра исследования коррупции (OCCRP) или на нас, в частности, на Вадима. Исследовав молдовский файл, он подготовил заявления о возбуждении уголовных дел, которые мы направили более чем в десяток стран. По многим из них были начаты расследования, и это давало Вадиму доступ к еще большему количеству банковских переводов. Получая новую информацию, он вводил ее в свою базу данных, постепенно выстраивая единую картину распределения украденных 230 миллионов долларов.

То, что начиналось как относительно небольшая база, состоящая из разрозненных электронных переводов, названий компаний и банковских документов, превратилось со временем в одну из самых емких информационных систем по отслеживанию российских денег, добытых преступным путем.

К 2016 году Вадим стал «палочкой-выручалочкой» для любого журналиста, который занимался вопросом отмывания российских денег.

В конце марта мне позвонил Люк Хардинг, британский журналист газеты «Гардиан», возглавлявший в свое время ее московское бюро. Люку около 40, волосы песочного цвета. Он выпускник Оксфорда и известен многочисленными статьями и книгами о российской коррупции. У нас с Люком была особая связь. Как и меня, его задержали в Шереметьеве, продержали там ночь и наутро депортировали в Лондон. Его российская виза также была аннулирована без объяснения причин, и по сей день он невъездной.

Он сказал, что работает над одним проектом и хотел бы заскочить к нам офис поделиться мыслями. Когда я спросил, о чем идет речь, он извинился и уклончиво ответил:

— Я не хотел бы обсуждать это по телефону.

Выражение «если ты не параноик, это еще не значит, что за тобой не следят» определенно относится к Люку. За время работы в Москве он, его супруга, тоже британская подданная, и двое малолетних детей регулярно становились жертвами омерзительных нападок сотрудников ФСБ. Эфэсбэшники неоднократно проникали к ним в квартиру на десятом этаже и в их отсутствие меняли заставки на компьютерах, устанавливали радиобудильники так, чтобы они срабатывали посреди ночи, и даже не гнушались тем, что ломали детские замки-блокираторы на окне рядом с кроватью их младшего сына. Слава богу, что никто не пострадал физически. Все эти действия были направлены на причинение психологического давления — дать Люку и его семье понять, что они находятся под постоянным контролем, очень уязвимы и беззащитны.

Люк пришел к нам в офис 22 марта. Когда мы провожали его в конференц-комнату, он попросил меня и Вадима оставить наши мобильные телефоны на столах. Мы согласились. В комнате мы увидели, как он засовывает свой мобильник в мешок Фарадея — маленький черный паке-тик, который блокирует все телефонные сигналы. Это не позволяет прослушать, что происходит вокруг, если телефон взломали.

За годы знакомства я привык к его предосторожностям, но это было уже чересчур.

— К чему эти игры плаща и кинжала? — спросил я.

— Мы работаем над очень деликатной историей, — ответил он. — Нужно быть предельно осторожным.

— Ну, мы здесь одни — что же всё это значит? — спросил я.

— Извините, я дал слово своему источнику, что ничего никому не расскажу, пока история не выйдет в свет. И если вы не против, я бы хотел пробить некоторые имена по

вашей базе: не связаны ли они каким-либо образом с делом Магнитского?

Несмотря на односторонний поток информации, такие беседы очень полезны и для нас, поэтому мы с радостью согласились ему помочь.

— Вы когда-нибудь сталкивались с «Соннетт Оверсиз» — пустышкой с Британских Виргинских островов? — начал он издалека.

Вадим забил это название в базу и через секунду ответил:

— Нет.

— А «Интернэшнл Медиа Оверсиз» или «Сандалвуд Континентал Лимитед»?

Вадим вновь прогнал их по базе — ничего.

— А имя Сергей Ролдугин вам что-нибудь говорит?

Вадим закрыл глаза, пытаясь припомнить:

— Нет. А должно?

— Нет. Он не так уж знаменит — скромный виолончелист из Санкт-Петербурга, но мне интересно, не всплывал ли он в вашей базе?

Вадим проверил:

— Нет, к сожалению.

Немного расстроившись, Люк сменил тему, и дальше мы говорили об отравлении Владимира Кара-Мурзы, «Превезоне» и других недавних российских событиях. Уже покидая нас, Люк сказал:

— Не пропустите статью в «Гардиан». Вам она понравится.

И действительно, она нам понравилась. 3 апреля «Гардиан» опубликовала статью под заголовком «Расследование: офшорный след на 2 миллиарда долларов ведет к Владимиру Путину».

Люк был частью консорциума в составе 370 журналистов из 80 стран, которые опубликовали свои расследования по следам «Панамского архива». Центральным

событием стала утечка данных — более 11 миллионов документов панамской юридической компании «Моссак Фонсека». Эти документы раскрывали финансовую информацию сотен тысяч офшорных компаний и счетов, принадлежащих богатым по всему миру.

Существует множество причин для регистрации офшорных компаний. Иногда это делается для сохранения анонимности или для личной безопасности, иногда — для облегчения инвестирования в разные страны, но нередко офшорные компании создаются для гнусных целей.

В результате утечки стало известно, что я тоже владею несколькими офшорными компаниями, зарегистрированными «Моссак Фонсека». Однако в отличие от ряда других компаний, чьи данные утекли в свободный доступ, мои компании были созданы для законных целей планирования и управления состоянием и с самого начала были известны налоговым и регулирующим органам страны моего проживания.

Журналистов не интересовали такие открытые компании, им были интересны другие — тайные, принадлежащие чиновникам и политикам, сколачивающим состояние на коррупции.

3 апреля одновременно вышло множество статей в разных странах, и в каждой из них была своя звезда. В России это был Сергей Ролдугин.

Люк писал, что Ролдугин был не простым виолончелистом. Он был лучшим другом Путина еще с 1970-х годов. Несмотря на слова Ролдугина о том, что он ездит на поддержанном автомобиле и играет на поддержанной виолончели, он контролировал компании, на счетах которых с 2000 года скопились миллиарды долларов, и это делало его самым богатым музыкантом в мире.

Абсурд, да и только. Быстрый поиск в интернете выдаст вам список самых богатых музыкантов в мире, таких

Сергей Ролдугин (© ALEXANDER DEMIANCHUK/ TASS/GETTY IMAGES)

как Джей-Зи, сэр Пол Маккартни и сэр Эндрю Ллойд Уэббер. Состояние каждого из них оценивается в 1,25 миллиарда долларов. Американец Йо-Йо Ма, наверное, самый богатый виолончелист в мире. Его состояние оценивается в 25 миллионов долларов. «Гардиан» была не единственной, кто написал о Ролдугине. Центр исследования коррупции (OCCRP) и «Новая газета» также опубликовали в тот день объемный материал с описанием схем, которые использовал Ролдугин. Портрет Ролдугина, который они вместе представили миру, был шокирующим.

По одной из схем некий олигарх платил десятки миллионов долларов офшорной компании Ролдугина за якобы оказанные консультационные услуги по инвестициям. Невозможно понять, почему миллиардер, имеющий доступ к таким известным инвестиционным консультантам, как «Голдман Сакс», «Джи-Пи-Морган» и «Кредит-Свисс», вдруг платит огромную сумму денег за инвестиционные консультации офшорной компании малоизвестного виолончелиста.

По другой схеме, как утверждалось в очередной статье, уже другой олигарх продает актив стоимостью более 100 миллионов долларов всего за 2 доллара одной из компаний Ролдугина.

Согласно третьей схеме, компания Ролдугина получила кредитную линию на сумму более 500 миллионов долларов от зарубежного филиала российского госбанка. При этом компания Ролдугина, похоже, не предоставляла никакого обеспечения и не вносила залога под эту огромную сумму кредита.

В общей сложности через компании Ролдугина прошло больше 2 миллиардов долларов. Почему известные олигархи и финансовые организации переводили уйму денег офшорным компаниям, принадлежащим виолончелисту? Ролдугин так и не смог предоставить никакого разумного объяснения. Ответ, на мой взгляд, заключается в том, что виолончелист выступает доверенным лицом своего старинного друга Владимира Путина.

Схема с использованием доверенных лиц вскрывает главную дилемму Путина. Всем, кто следит за новостями из России, известно, что Путин обожает деньги. Но президент может получать только официальную зарплату (около 300 тысяч долларов в год) и не может иметь никаких других активов, кроме тех, которыми он владел до вступления в должность. Иначе любой, кто получил бы его банковскую выписку или выписку из реестра недвижимого имущества, смог бы его шантажировать. Путину это прекрасно известно, поскольку он сам неоднократно прибегал к этой тактике для устранения врагов.

Поэтому Путину нужны люди-кошельки, которые хранили бы его деньги, при этом не оставляя никаких электронных следов, ведущих к нему. Но эти люди должны быть своими в доску. В любом мафиозном клане таких людей единицы, так как доверие дорогого стоит.

Президент Путин (слева) вручает государственную награду Сергею Ролдугину. Кремль, Москва, сентябрь 2016 года (© MIKHAIL SVETLOV/GETTY IMAGES NEWS/GETTY IMAGES)

Для Путина Ролдугин был одним из таких людей. С того момента, как эти двое, когда им было еще по двадцать, встретились на улицах Ленинграда, они стали как родные братья. Ролдугин познакомил Путина с его будущей женой, стал крестником старшей дочки Путина, и уже много десятилетий их связывает крепкая дружба.

С тех пор как Путин пришел к власти, журналистам и правительствам западных стран было известно, что он стал очень богатым, но они не могли понять, где он прячет деньги. Благодаря «Панамскому архиву» они смогли разгадать часть этого пазла.

Эта новость была потенциально важной и для нас. Если каким-то образом обнаружится связь 230 миллионов с Путиным через Ролдугина, это станет переломным моментом.

Вадим пробил через нашу базу все компании Ролдугина, упомянутые в статьях от 3 апреля, но ничего не выстрелило.

Однако первые статьи лишь раззадорили других журналистов на более глубокое изучение «Панамского архива», и через два дня малоизвестный литовский сайт

15min.lt написал еще одну статью о Ролдугине. В ней сообщалось, что в мае 2008 года (через шесть месяцев после аферы с 230 миллионами долларов) одна из компаний, связанных с Ролдугиным, получила 800 тысяч долларов со счета в литовском банке. Этот счет принадлежал очередной пустышке — «Делко Нетворкс».

Вадим еще раз проверил нашу базу и нашел в ней «Делко». В базе нашлись и этот перевод в сумме 800 000 долларов, и доказательство того, что эти деньги были связаны с налоговым хищением 230 миллионов долларов. Покинув Россию, они прошли через ряд банков в Молдове, Эстонии и в конце концов оказались в Литве.

Теперь мы смогли связать преступление, которое разоблачил и за которое был убит Сергей Магнитский, с Ролдугиным, а через него — с президентом России Владимиром Путиным.

Всё встало на свои места.

Когда Сергея не стало, Путин мог привлечь виновных к ответственности, но не стал. Когда мир требовал справедливости в отношении Сергея, Путин оправдал всех причастных к преступлению. Когда в 2012 году был принят закон Магнитского, Путин в ответ запретил усыновление российских сирот американскими семьями. Еще до принятия закона в Америке правительство Путина помогало Дмитрию Ключеву, осужденному мафиози, и его консильери Андрею Павлову (оба — частные лица) с аккредитацией на Парламентской ассамблее ОБСЕ в Монако для противодействия закону Магнитского, наделив их статусом как бы уполномоченных посланников российской власти.

Во имя чего Путин решился защищать эту горстку продажных чиновников и преступников?

Говоря простым языком, из личной заинтересованности.

800 тысяч долларов из 230 миллионов — это, по большому счету, пустяк. Но поток таких сумм неиссякаем. Это

всё равно что получать 5 долларов за проезд по платной дороге. Одна машина — это пустяк, но с миллиона проехавших машин набирается целое состояние.

«Моссак Фонсека» была всего лишь одной из сотен администраторов офшорных компаний. Если документация других подобных фирм утечет в открытый доступ, то я уверен, что мы обнаружим иных доверенных лиц Владимира Путина, которые также получили часть из 230 миллионов долларов. И это лишь одно среди тысяч и тысяч преступлений, которые совершаются в России с тех пор, как Путин пришел к власти.

Мы видели только верхушку огромного айсберга. Закон Магнитского предусматривает, что активы тех, кто попирает права человека в России, должны быть заморожены на Западе. В нем также говорится о неминуемых санкциях в отношении лиц, обогатившихся на афере с 230 миллионами долларов. То, что Путин нарушает права человека, никогда не оспаривалось, но теперь он попал и во вторую категорию лиц, на которых распространяется действие закона.

Закон Магнитского поставил под угрозу всё его богатство и власть, и от этого вся его злоба. Его крестовый поход против закона Магнитского был не только философским спором — он был сугубо личным делом.

Мы действительно нашли его ахиллесову пяту.

Кремлевская деза

Весна 2016 года

За три дня до публикации «Панамского архива» пять американских конгрессменов в сопровождении двух военных и нескольких сотрудников аппарата Конгресса прибыли в Москву.

Они остановились в отеле «Ритц Карлтон» на Тверской, главной магистрали Москвы. Переодевшись и оставив чемоданы в номерах, они спустились в вестибюль, где их уже ждал сотрудник американского посольства, а на улице — три черных «шевроле-субурбан». Еще не успев прийти в себя после долгого перелета, они поехали в Совет Федерации — верхнюю палату законодательного собрания России. Визит был организован конгрессменом-республиканцем Даной Рорабахером — округ Ориндж, штат Калифорния. В начале своей карьеры Рорабахер был спичрайтером яркого борца с Советским Союзом — Рональда Рейгана, но теперь на Капитолийском холме за ним закрепилось прозвище «любимый конгрессмен Путина». Никто в Вашингтоне не знал, что стало причиной такой печальной метаморфозы, но такова была реальность. В 2012 году Рорабахер на деле подтвердил свою пропутинскую ориентацию, став одним из немногих проголосовавших против закона Магнитского.

В Совете Федерации их проводили в зал приемов, где их встречал Константин Косачёв, глава комитета Совета Федерации по международным делам, вместе с несколь-

кими своими коллегами. Встреча носила формальный характер и затрагивала общие вопросы: общеполитические и торговые отношения между Россией и США и войну в Украине. Встреча длилась около часа, и по ее окончании Косачев незаметно передал записку помощнику Рорабахера Полу Берендсу.

Косачев попросил Рорабахера и Берендса задержаться для частной беседы, и Рорабахер согласился. Когда остальные члены делегации спустились в вестибюль, а Рорабахер и Берендс остались с Косачевым, к ним тут же присоединился еще один чиновник — Виктор Гринь.

Гринь был не простым чиновником. Он был заместителем генерального прокурора России Юрия Чайки и его ближайшим доверенным лицом. Именно Виктор Гринь был инициатором посмертных обвинений против Сергея, в результате которых он стал первым посмертным фигурантом уголовных расследований в истории России. И именно за это в декабре 2014-го Гринь попал в санкционный список правительства США в соответствии с законом Магнитского.

Контрразведка ФБР уже предупреждала Рорабахера о том, что им интересуются российские спецслужбы как потенциальным активом. Он должен был немедленно уйти, как только к беседе присоединился Гринь. Но он этого не сделал.

Эта встреча не была формальной. Гринь передал Рорабахеру двухстраничный документ на английском языке с пометкой «Секретно». Можно только догадываться о том, что еще произошло на этой встрече, но через пятнадцать минут они разошлись.

Рорабахер и Берендс присоединились к остальным членам делегации, и на своих шевроле все отправились в Спасо-Хаус (или особняк Вtóрова в Спасопесковском переулке), богато украшенную резиденцию американско-

го посла в центре Москвы, на официальный прием в честь их приезда.

Следующий день Рорабахера был заполнен новыми встречами, в частности, с еще одним российским чиновником, попавшим под санкции, — бывшим главой «Российских железных дорог» Владимиром Якуниным. И вновь никто другой из делегации на ней не присутствовал.

Потом вся делегация отправилась в Варшаву рейсом «Польских авиалиний ЛОТ», затем в Чехию, Венгрию и Австрию, и 12 апреля конгрессмены вернулись в Вашингтон.

Спустя три дня и без очевидной связи с недавней поездкой в повестку дня Комитета по иностранным делам Палаты представителей был внесен Глобальный закон имени Магнитского.

Глобальный закон Магнитского — это расширенная версия первоначального закона Магнитского, которая позволила бы правительству США арестовывать активы и лишать виз нарушителей прав человека и kleptocrats из любой страны мира, а не только из России. Законопроект уже получил единогласное одобрение Сената. Рассмотрение в Комитете по иностранным делам Палаты представителей было следующим этапом перед тем, как он поступит на голосование в Палату представителей, где его наверняка приняли бы.

Глобальный закон значительно расширял наследие Сергея. Каждый раз, когда Соединенные Штаты будут вводить санкции против нарушителя прав человека из любой страны мира, это будет своего рода напоминанием не только о той высокой цене, которую заплатил Сергей, но и о роли России в его убийстве. Для нас было очень важно, чтобы этот законопроект стал законом.

Приблизительно через неделю после возвращения Рорабахера в Вашингтон мне позвонил Кайл Паркер. К тому времени он уже стал старшим советником по Европе

и России в аппарате республиканца Элиота Энгеля, члена Комитета по иностранным делам Палаты представителей.

— Магнитского только что сняли с повестки дня! — взволнованно произнес он.

— Что? Как? — возмутился я.

— Это Рорабахер. Он вернулся из России, только что встретился с Ройсом [председателем комитета], и каким-то образом законопроект убрали из повестки.

— Зачем это Ройсу?

— Наверное, Рорабахер что-то привез с собой, какой-то документ.

— Черт! А ты сможешь раздобыть копию?

— Думаю, да. Дайте мне день.

Специфика работы Кайла предполагала, что к нему на стол попадает всё, что могло иметь отношение к России в Конгрессе.

И действительно, на следующий день Кайл прислал документ на две страницы с мелким шрифтом, неподписанный и не на бланке, который Рорабахер получил от Виктора Гриня и теперь распространял по Вашингтону. Это был пересказ опуса Юрия Чайки, опубликованного ранее в «Коммерсанте», в котором в форме изощренного вымогательства указывалось, что, если закон Магнитского будет отменен, отношения между США и Россией значительно улучшатся. Это «улучшение» теоретически подразумевало отмену запрета Путина на усыновление российских сирот американскими семьями.

На мой вопрос, почему председатель Ройс, известный своей жесткой позицией в отношении России, доверился этому документу, Кайл ответил:

— Рорабахер еще и пропагандонский фильм рекламирует.

К вечеру Кайл смог получить ссылку и пароль для доступа к фильму и прислать их нам. Фильм назывался «Акт

Магнитского: за кулисами». Сценарист и продюсер фильма — Андрей Некрасов, тот самый кудрявый интеллектуал, которому я давал интервью на форуме «Финрос» в Хельсинки в 2010-м, где я впервые познакомился с Борисом Немцовым.

С тех пор он брал у меня интервью еще три раза. Первые два были удачными, ну а третье пошло совсем «не в ту степь». Посередине интервью Некрасов вдруг начал излагать версию ФСБ о том, что майор Павел Карпов ни в чем не виноват и что Сергей никогда не давал показаний против него или его сослуживца подполковника Артема Кузнецова. Я был вынужден прервать интервью. Я и думать не мог, что у него из этого что-то получится, но, видимо, он смог. Я кликнул на ссылку и начал смотреть.

Начало картины напоминало типичный фильм категории «Б», т. е. не отличавшийся художественными достоинствами. Фильм рассказывал о драме Сергея Магнитского, и в роли основного рассказчика выступал я. Но где-то в третьей части фильма тон в корне менялся. В кадре появился сам Некрасов, став, по сути, его главным героем с ореолом «независимого» расследователя.

Он утверждал, что та история Магнитского, которую знает Запад, не соответствует действительности. В течение фильма мой образ менялся от борца за права человека до гнусного финансиста, который сфабриковал всю эту историю с целью скрыть собственные «финансовые махинации» в России. Он постоянно козырял своей антипутинской репутацией для придания достоверности «новым выводам», которые, без преувеличения, были схожи с пасквилем, созданным и растиражированным властью, только представлены в более изощренной и удобной для восприятия форме.

Фильм был насквозь лживым и изобиловал искажениями. Некрасов вторил ставшему уже привычным во-

индивидуальному бою кремлевских тамтамов, утверждая, что Сергей ничего не расследовал и никуда не заявлял, и что именно мы с Сергеем украли 230 миллионов долларов, и что Сергея никто не убивал. По версии Некрасова, в последнюю ночь жизни Сергея его не избивали восемь сотрудников изолятора, а кровоподтеки и порезы на запястьях, руках и лодыжках Сергей нанес себе сам. Я уже много раз до этого слышал различные вариации подобных высказываний российской власти, и меня трудно было этим шокировать. Но до глубины души меня потрясло другое — то, как Некрасов обошелся с мамой Сергея.

Задолго до того, как Некрасов сбросил овечью шкуру, он просил нас о помощи в организации интервью с Натальей Николаевной Магнитской, и мы за него поручились.

Поэтому когда Наталья Николаевна разговаривала с ним в нашем лондонском офисе о смерти ее сына, она верила, что общается с другом. Затронув тему причин смерти Сергея, она сказала то, что сказала бы любая мать: «что его убили — мне было бы так думать еще тяжелее, чем то, что он умер от болезни, а не то, что его убили; это еще страшнее».

Но Некрасов не был другом. Он исказил ее слова, чтобы создать у зрителя впечатление, как будто она уверена, что Сергея не убивали. И для закрепления этой иллюзии Некрасов бесцеремонно наложил звук на кадры с Натальей Николаевной и заявил: «По словам матери Магнитского, это было не убийством. Ее сын погиб из-за халатности врачей». А она даже ответить ему не могла.

Это было предельно далеко от истины. После смерти Сергея Наталья Николаевна использовала все возможности для обвинения власти в убийстве ее сына.

Я был уверен, что, если бы Наталья Николаевна посмотрела этот фильм, для нее это обернулось бы новой трав-

Андрей Некрасов и Хейди Хаутала (© ITAR-TASS NEWS AGENCY / ALAMY STOCK PHOTO)

мой. Я был зол на Некрасова, но еще больше на себя — за то, что позволил ей оказаться в подобной ситуации.

Но было уже неважно, как я относился к Некрасову, — важно то, что его фильм был эффективной пропагандой. И это делало его опасным. Зрители, не знакомые с истинными фактами дела Магнитского, могли засомневаться в правдивости истории, которую я рассказывал после смерти Сергея.

Именно в этом был замысел фильма Некрасова — он был классической кремлевской дезинформацией. Не нужно ничего доказывать, достаточно просто заронить сомнение в душах зрителей. Если бы фильм вышел на широкий

экран, то поставил бы под угрозу кампанию за справедливость в отношении Сергея Магнитского. Таковы были намерения наших врагов, и теперь Некрасов, похоже, оказался одним из них.

Ситуацию усугубляло и то, что фильм Некрасова не просто рекламировали в одном лишь конгрессе. В тот же день со мной связался сотрудник Европейского парламента и предупредил, что Хейди Хаутала, мой друг и союзник, женщина, положившая начало кампании за справедливость в отношении Магнитского в Европе и познакомившая меня с Борисом Немцовым, устраивает показ этого фильма в Европарламенте.

Действия Рорабахера в Вашингтоне были по крайней мере последовательными, но Хейди? Она же была самым про-Магнитским активистом в Европарламенте.

Единственное объяснение, которое я смог найти, заключалось в том, что каким-то образом ФСБ добралась до ее бойфренда, Андрея Некрасова, и из любви или чувства долга Хейди делала это ради него.

Какими бы мотивами она ни руководствовалась, это было еще одно шокирующее предательство.

Я позвонил Хейди напрямую, но бесполезно. Она не собиралась останавливать показ. В то же время Некрасов заявил, что в ближайшие недели его фильм будет транслироваться по крупнейшим телеканалам Франции, Германии, Норвегии и Финляндии, а это потенциально миллионы телезрителей.

Моей первой мыслью было выпустить собственный видеоролик, опровергающий ложь Некрасова. Но всё развивалось так стремительно, что на его создание у нас не хватило бы времени. В отчаянии я позвонил одному из самых известных в Европе адвокатов по делам о клевете, Алисдэру Пепперу из лондонского офиса юридической фирмы «Картер-Рак». Мне очень не хотелось прибегать к юри-

дическому инструментарию, становясь истцом по делу о клевете, ведь успех нашей кампании за справедливость основывался на возможности рассказывать правду без купюр, а я был убежденным сторонником свободы слова.*

Я знал, что обращение к адвокатам — это моветон, особенно если к их помощи прибегает зажиточный финансист, но ложь, которую Некрасов распространял обо мне и Сергее, и то, как он исказил слова мамы Сергея, манипулируя ее чувствами, были более чем возмутительными. Да, я должен был защищать себя, но важнее всего то, что я должен защищать их.

Посмотрев фильм и выявив многочисленные факты лжи Некрасова, Алисдэр подготовил восьмистраничный документ с опровержением, снабдив его доказательствами и приложениями. Он разослал его во все организации, участвующие в производстве и трансляции фильма. (Изначальная идея фильма о Магнитском финансировалась за счет грантов и платежей от многочисленных европейских организаций, которые теперь не хотели иметь ничего общего с российской пропагандой.) Он просил их *«отмежеваться от фильма и больше не иметь с ним ничего общего»*. В случае отказа он обещал всем причастным к фильму судебные иски с требованием возмещения значительного ущерба.

* Вдобавок я сам уже был по другую сторону, защищаясь от многочисленных исков о клевете. Самым мерзким из них был иск майора Павла Карпова. После нашего видеоролика на «Ютьюбе» о его незаконно нажитых доходах в августе 2012 года Карпов подал на меня в лондонский суд за клевету. Несмотря на то, что он не жил в Великобритании и его жалование составляло всего 15 000 долларов в год, он каким-то образом смог нанять дорожных английских адвокатов, которые брали с клиента 1 500 долларов в час. Больше года длилось судебное разбирательство, но в конце концов судья выбросил его из суда по причине злоупотребления процессуальными правами, обязав Карпова оплатить наши судебные издержки в размере 900 000 долларов. Карпов этого так и не сделал, и с тех пор в Великобритании действует ордер на его арест за неуважение к суду.

Это сработало. Показ в Европарламенте был отменен за полчаса до начала. Некрасов, который приехал в Брюссель на европейскую премьеру своего фильма, был потрясен. Были потрясены и его провожатые: пять телевизионных групп российских госканалов, Андрей Павлов, майор Павел Карпов, российско-американский лоббист Ринат Ахметшин и Наталья Весельницкая.

Присутствие Весельницкой озадачивало. Ведь фильм не имел никакого отношения ни к «Превезону», ни к Кацывам. Оказалось, что она была там в другом качестве — представителя НКО «Глобальная инициатива по обеспечению подотчетности в области прав человека» (ГИОПОПЧ, англ. HRAGI) — очень странной организации, о которой мы раньше ничего не слышали.

Погуглив ГИОПОПЧ в интернете, Кайл нашел лишь пустой сайт с коллекцией фотографий счастливых семей, заявляющий своей целью отмену путинского запрета на усыновление российских сирот, иными словами — отмену закона Магнитского в США.

Покопавшись еще, Кайл выяснил, что ГИОПОПЧ была зарегистрирована в штате Делавэр всего двумя месяцами ранее с помощью «Бейкер-Хостетлер» и представляла собой не более чем пустышку с почтовым ящиком в Вашингтоне (округ Колумбия) и адресом 1050 Коннектикут авеню, всего в нескольких кварталах к северу от Белого дома. (Позже мы узнали, что ГИОПОПЧ была частично профинансирована Денисом Кацывым.)

Несолоно хлебавши, Некрасов и Весельницкая вместе с остальной группой поддержки покинули Брюссель. После их поражения немецкое и французское телевидение отменило показ фильма, и вскоре его положили под сукно и норвежцы с финнами.

Этот раунд в Европе мы выиграли, но в Вашингтоне всё было не так однозначно. Поскольку показ фильма

Некрасова в Соединенных Штатах не был публичным, то Алисдэру было некому посылать свои письма. И так как председатель комитета Ройс снял Глобальный закон Магнитского с повестки из-за фильма, я должен был найти способ убедить его в обратном.

Я позвонил ему в офис, но добраться до него в обход его многочисленных помощников было невозможно. Всё, что мне удалось, — поговорить с одним младшим сотрудником, через которого я попытался предупредить Ройса, что его комитет находится под огнем спланированной российской дезинформации. Тот вежливо выслушал меня и пообещал обязательно сообщить об этом председателю. Но по моему опыту получения подобных обещаний, если младший помощник говорит вам, что донесет что-то до своего босса, это означает, что он ничего не будет делать.

Если я не смог добраться до Ройса напрямик, то нужно было идти в обход. И я решил пойти в «Нэшнл Ревью», консервативный журнал, который, как я был уверен, читает и председатель Ройс.

Я рассказал им историю о том, как Ройс, чьим коньком всегда было противодействие российской дезинформации, только что пал ее жертвой. Им это понравилось, и через четыре дня вышла статья под заголовком: «Российская пропаганда загадочным образом затормозила принятие закона о правах человека в Конгрессе». В ней была изложена вся хронология этой истории — от поездки Рорабахера в Москву до снятия законопроекта с голосования. В конце статьи говорилось: «Пока Комитет задерживает Глобальный закон Магнитского по сомнительным причинам, Россия одерживает верх в информационном пространстве».

Неделю спустя Глобальный закон Магнитского был снова включен в повестку дня. Очевидно, Ройс всё-таки прочитал статью.

Победа Магнитского

Весна 2016 года

18 мая должны были состояться слушания по Глобальному закону Магнитского. К сожалению, я не мог быть в Вашингтоне, потому что должен был выступать в Риме в Совете Европы, и темой моего выступления были злоупотребления России системой Интерпола. К тому времени Россия уже пять раз пыталась арестовать меня через Интерпол, и фактически я был живым примером жертвы этой международной полицейской организации.

Я не слишком боялся пропустить эти слушания, поскольку мы успешно отразили происки Рорабахера в Комитете. Мне казалось, что всё должно пройти гладко.

17 мая под вечер я прилетел в Италию и остановился в гостинице «Хасслер», культовом отеле на вершине Испанской лестницы. Как правило, плотный график не оставляет мне времени и возможности посмотреть достопримечательности. Но после ужина я всё же нашел время для Рима — неотразимо прекрасного Вечного города — и отправился на прогулку. На Пьяцца-дель-Пополо меня настиг звонок Кайла из Вашингтона.

— Билл, что-то происходит в Комитете. В Конгрессе ходят люди, призывающие снова снять Глобальный закон Магнитского с повестки дня.

— Кто?

— Один из них — бывший конгрессмен из Окленда Рон Делламс. Другой — Ахметшин, тот, который был в Брюс-

селе с Весельницкой, — тут он сделал паузу. — Третий — Марк Цимрот.

— Черт, эти ребята не останавливаются.

— И не думают.

Это были тревожные новости, особенно в том, что касалось участия Ахметшина — загадочной личности. С тех пор как он появился в Европейском парламенте, мы изучили его прошлое. Похоже, он сознательно скрывал его, поскольку в интернете мы не смогли найти ни одной его фотографии. Тем не менее нам удалось выяснить, что он выходец из Советского Союза, работал на военную разведку, а затем эмигрировал в США и обосновался в Вашингтоне, получил американское гражданство и занялся лоббированием различных иностранных интересов.

Что касается Рона Делламса, то позже мы узнали, что он получил порядка пяти тысяч долларов за экстренный однодневный визит в Вашингтон из Окленда, целью которого было, как говорится, «открыть двери». Вероятно, наймодатели Рона — восьмидесятилетнего бывшего конгрессмена, который с 1998 года уже и не появлялся в Конгрессе — уговорили его помочь российским сиротам. Скорее всего, он никогда и не слышал о законе Магнитского и, конечно, вряд ли понимал, какую роль ему уготовили в этой аванюре.

Одним из тех, кто должен был всё понимать, был Марк Цимрот. В нем явно скрывался талант лоббиста, который, как оказалось, был использован для распространения среди сотрудников Комитета по иностранным делам Палаты представителей информации о моих «проступках» в России, почерпнутой из дела «Превезона».

После разговора с Кайлом у меня пропал интерес к Вечному городу, и я поспешил вернуться в гостиницу. Уже в номере я выяснил, что Дана Рорабахер вновь взялся за старое. В тот день он направил письмо каждому члену Ко-

митета по иностранным делам, в котором пересказывал опус Цимрота, добавляя, что планирует провести поправку и вычеркнуть имя Магнитского из названия закона.

Имя Магнитского в названии закона было значимым не только для нас и семьи Сергея, но и, по совсем иным причинам, для Владимира Путина. Закон Магнитского Путину как кость в горле, поэтому он хотел достичь две цели: отменить изначальный закон, а также убрать имя Сергея Магнитского из его названия, чтобы о Сергее больше никто не вспоминал.

В Вашингтоне было уже пять вечера, и из Рима мне было сложно что-либо предпринять в отношении новой затеи Рорабахера. Оставалось только ждать и надеяться, что он не сможет повлиять на мнение коллег по Комитету.

Я лег спать и проснулся в 6:30 утра.

Позавтракав, я отправился в итальянский парламент, где проходили слушания по делам Интерпола. Сосредоточиться на Интерполе на фоне интриг, разыгравшихся в Вашингтоне, было очень сложно. Но подошла моя очередь выступить, и, выбросив Рорабахера из головы, я сделал это вполне достойно.

Перекусив в буфете на скорую руку, я остался, чтобы подольше пообщаться с европейскими законодателями. Но во второй половине дня у меня был обратный рейс, и вдобавок мне было очень интересно, как будут развиваться события в Вашингтоне.

В гостинице я забрал свой чемодан и поехал в аэропорт Фьюмичино, где собирался посмотреть трансляцию слушаний Комитета по международным делам на своем ноутбуке в ожидании посадки на рейс.

Пройдя паспортный контроль, я устроился в тихом месте недалеко от пропускной стойки на рейс и стал смотреть. Слушания только начались, и Глобальный закон Магнитского значился последним в повестке дня. Нерв-

но постукивая пяткой, я ждал, когда они доберутся до обсуждения закона, и надеялся, что это произойдет до того, как я окажусь в воздухе, но заседание шло своим чередом, и обсуждались другие темы.

Наконец, в 16:30, как раз когда «Британские авиалинии» объявили о начале посадки, председатель комитета Ройс представил законопроект, призывая всех проголосовать за него. Я не мог пропустить этого, поэтому сидел как вкопанный.

Ройс спросил, есть ли комментарии. Несколько членов комитета выразили свою поддержку, но затем слово взял Дана Рорабахер.

Он внес свою поправку об исключении имени Сергея из закона и перешел к злобным нападкам в мой адрес, называя меня олигархом, укравшим миллиарды в России. Перепутав всё что можно из кремлевской клеветы, он обвинил меня в неуплате 230 миллионов долларов российских налогов (его не смутило, что это мы заплатили эти налоги, которые впоследствии были украдены). Дальше — больше: встав на сторону Кремля, он оправдывал действия силовиков, которые пытали Сергея. По его словам, они должны были это сделать, чтобы получить информацию о том, где я спрятал «украденные миллиарды».

Я не знаю, был ли Рорабахер «российским активом», но если так, то его кураторы, должно быть, сгорали от стыда. Он даже не смог правильно воспроизвести основные моменты их тщательно выстроенной схемы по сокрытию совершенных ими преступлений.

Несмотря на несусветную ахинею, который нес этот человек, он вызывал у меня сочувствие. Он поражал меня несоответствием его слов его внешнему виду. Рорабахеру было под семьдесят, практически постоянно его видели в вязаной кофте, как у мистера Роджерса, что делало его похожим на веселого дядюшку с картин Нормана Рок-

Дана Рорабахер (© TOM WILLIAMS/ CQ-ROLL CALL, INC./GETTY IMAGES)

велла. Казалось, что более безобидного человека не найти, но, используя свое положение конгрессмена, он защищал Кремль от обвинений в совершенной им политической расправе.

Следующим выступил конгрессмен Элиот Энгель: *«Есть веская причина, по которой мы внесли имя [Магнитского] в закон много лет назад, и мы должны отвергнуть любые попытки ревизии закона или попытки положить его под сукно. Мы не должны быть приверженцами идей Путина».*

Как раз в это время объявили, что посадка на рейс завершена. Я был так поглощен просмотром, что чуть было не пропустил свой самолет. Вскочив и подбежав к стюарду, я предъявил посадочный талон и успел-таки.

Заняв свое место, я убрал ноутбук и пристегнулся. Когда самолет начал выруливать, я всё еще пытался подключиться к слушаниям комитета по мобильному, но стю-

ардесса, заметив это, сильно пожурела меня, поэтому телефон пришлось убрать. К сожалению, у этих авиалиний нет вайфая на европейских рейсах, и мне пришлось ждать, пока мы прилетим, чтобы узнать, чем всё закончилось.

Как только шасси коснулись посадочной полосы Хитроу, я попытался дозвониться Кайлу, но попадал на автоответчик. Вадим тоже не брал трубку. Уже в терминале я опустил в ближайшее свободное кресло, достал ноутбук и снова зашел на сайт Комитета по иностранным делам. Слушания уже закончились, но видеозапись была в архиве. Прокрутив до того места, где я прервался, я продолжил смотреть.

Не только Энгель отклонил поправку Рорабахера. Депутат от Вирджинии Джеральд Коннолли прокомментировал слова Рорабахера так: «Слушая [Рорабахера], я чувствовал себя так, будто смотрю „Рашиа Тудей“ [RT]».

Конгрессмен Дэвид Цициллин из Род-Айленда высказался следующим образом: «Позволить правительству России хоть в малой степени повлиять на это законодательство, включая его название, будет позором, который обесчестит то, что сделал господин Магнитский».

Еще несколько республиканцев и демократов высказались в том же духе.

Рорабахеру вновь дали слово, и он опять попытался запутать ситуацию, но это не помогло.

Было объявлено голосование, и поправку Рорабахера отклонили сорока шестью голосами против одного. Его размазали и в этот раз, и мы думали, что на этом наши проблемы в Вашингтоне закончились.

Охота на кротов

Весна 2016 года

...Но мы ошиблись.

Через десять дней мне пришел имейл от Пола Берендса, сотрудника аппарата Конгресса, который сопровождал Дану Рорабахера в московской поездке. Берендс интересовался, смогу ли я быть в Вашингтоне в начале июня и выступить перед членами подкомитета Палаты представителей по Европе и Евразии, который возглавлял Рорабахер.

В нормальной ситуации предложение выступить на слушаниях в Конгрессе — это большая удача, но поскольку оно исходило от Рорабахера, здесь явно был подвох. Я рассказал об этом Кайлу, он быстро навел справки и подтвердил, что так и есть. Рорабахер планировал использовать свой подкомитет в качестве площадки для премьеры фильма Некрасова, после чего попытаться подловить и дискредитировать меня.

Зачем Рорабахер таскал каштаны из огня для Кремля? Для чего его тайные встречи в Москве, подтасовки с Глобальным законом Магнитского, а теперь эта новая попытка замарать мою репутацию?

К счастью, в этот раз мне не пришлось искать путей выхода на председателя Комитета Ройса для решения этой проблемы. Узнав о планах Рорабахера, он воспользовался своими полномочиями и отменил это заседание, одновременно заменив его общими слушаниями по рос-

сийско-американским отношениям в полном составе Комитета по иностранным делам Палаты представителей без демонстрации фильма.

Борьба с Кремлем и его американскими пособниками очень напоминала детскую игру «Охота на кротов». Каждый раз, когда мы их забивали обратно в норку, они обязательно выскакивали из другой.

В начале июня Некрасов анонсировал премьеру своего фильма в Музее журналистики и новостей (англ. Newseum) — музее, на фасаде которого высечен текст первой поправки Конституции США, гарантирующей гражданам основные права и свободы. Музей расположен в нескольких кварталах от Конгресса США. Для придания фильму легитимности он каким-то образом сумел убедить Сеймура Херша, знаменитого журналиста, известного разоблачением резни в Сонгми во время Вьетнамской войны, представить его фильм и выступить модератором дискуссии после просмотра.

Теперь, когда фильм планировался к публичному показу, а не к закрытому, как раньше, я попросил Алисдэра Пеппера подключиться и отправить руководству музея свое действенное письмо с аргументами, подтверждающими клеветнический характер фильма.

Мама Сергея, которая не могла смириться с тем, что Некрасов использовал ее втемную, также написала им письмо, умоляя поступить порядочно и не показывать этот *«лживый фильм — издевку над жизнью и гибелью Сергея»*.

Письма были отправлены 9 июня 2016 года.

В тот же день должны были состояться судебные слушания в Апелляционном суде второго округа Нью-Йорка, где у нашего адвоката Джейкоба Бухдала был шанс избавить нас от Джона Москоу и его фирмы «Бейкер-Хостетлер». Наши враги наняли бывшего генерального прокурора США Майкла Мукасея. Наталья Весельницкая была

настолько заинтересована в исходе дела, что прилетела на заседание из Москвы.

И в этот же день мы с супругой должны были быть в Бельгии, куда нас пригласил сэр Адриан Брэдшоу, заместитель верховного главнокомандующего НАТО в Европе, на прием по случаю 90-летия королевы Елизаветы. Сэр Адриан обещал познакомить нас с важными людьми, которые могли быть полезны в продвижении нашей европейской кампании за справедливость в деле Магнитского.

После полудня мы отправились в Брюссель с вокзала Сент-Панкрас на «Евростаре». Ни от Алисдэра, ни от Джейкоба новостей не было. Через два часа поезд прибыл на вокзал Миди. Разместившись в отеле и переодевшись для приема, мы отправились на машине в Монс. Город расположен в полчаса езды к западу от Брюсселя. Несмотря на то что мы находились в Бельгии, мероприятие было чисто английским. У входа гостей встречал военный оркестр шотландских волынщиков в килтах.

Сэр Адриан с супругой поприветствовали нас, и вместе мы прошли в зал приема, где он представил нас гостям.

Зазвучал гимн «Боже, храни королеву», и в этот момент зажужжал мой телефон.

Звонил Алисдэр. Я потихоньку выскользнул из зала, чтобы ответить на звонок. Оказалось, Алисдэр только что получил сообщение от директора Музея журналистики Джеффри Хербста.

— Билл, они не уступают, — сказал Алисдэр. — А точнее, они уперлись и не намерены отменять показ.

— Может, нам надавить еще одним письмом? — спросил я.

— Я бы не стал. Этот музей посвящен свободе слова. Я не думаю, что нам надо бросаться на амбразуру.

Он был прав. Моим врагом был Кремль, а не Музей журналистики.

Я недооценил Некрасова. Его ход граничил с гениальностью: он выбрал единственную площадку в Вашингтоне, которая под эгидой свободы слова разрешила показать его пропагандонский фильм. Оглядываясь назад, я понимаю, что подать иск против музея, деятельность которого неразрывно связана с Первой поправкой, было не самой умной идеей с нашей стороны.

Я попытался забыть об этих неприятностях и вернулся к супруге. Проведя на приеме еще некоторое время и поболтав с несколькими европейскими политиками, около 11 вечера мы уехали.

Уже по дороге в отель мне позвонил Джейкоб Бухдал и рассказал, что происходило в суде. Похоже, процесс развивался в правильном направлении. Ответчики попытались отменить дисквалификацию, опираясь на формальности, но это не сработало.

— Это не произвело впечатления на судей, — сказал Джейкоб. — Думаю, что у нас неплохой шанс на победу, но не хочу забегать вперед. Давайтеждемся решения. Правда, это может занять до нескольких месяцев.

Это было хорошим завершением дня.

Машина плавно несла нас по темным лесным дорогам Бельгии, Елена прикорнула на моем плече, а я тем временем просматривал накопившиеся имейлы. Среди них было уведомление от «Гугла» о новой статье в «Нью-Йорк Таймс» с упоминанием моего имени. Я кликнул на ссылку и просмотрел статью по диагонали. В ней рассказывалось о предстоящем показе фильма и перечислялись основные тезисы версии Некрасова в деле против Сергея Магнитского (как будто они на чем-то основывались).

Должно быть, от возмущения я начал сильно сопеть, потому что супруга зашевелилась и, сонно глядя на меня, спросила:

— Что-то случилось?

— «Нью-Йорк Таймс» рекламирует фильм Некрасова, — сказал я. Она вздрогнула.

— Как? Как это произошло?

— Понятия не имею.

Этого не должно было случиться. «Нью-Йорк Таймс», самая авторитетная газета в Америке, известная своим строгим подходом к информации, стала жертвой кремлевской дезы. И это несмотря на то, что практически вся западная пресса уже потеряла доверие к Кремлю в деле Магнитского. Российская власть так откровенно врала, искажала и преувеличивала, а главное, это было так легко проверить, что уже никто не верил ни единому ее слову.

Стало интересно, как им удалось повернуть это дело в «Нью-Йорк Таймс».

Когда мы вернулись в номер, Елена заказала легкий ужин и налила чаю, а я сел за телефон.

Я позвонил некоторым знакомым журналистам в Вашингтоне и стал выпытывать у них правду. Все признали, что в отношении меня происходит что-то непонятное, но под предлогом защиты источников никто не сказал мне, кто за этим стоит.

И уже за полночь я решил позвонить и нескольким журналистам в Лондоне. Большинство из них я не застал, но до одного дозвонился; похоже, он не был скован «профессиональным кодексом чести» и потому ответил на мой вопрос так просто и прямо, как будто это было совершенно очевидно и общеизвестно:

— Это же Гленн Симпсон.

Гленн Симпсон в начале 2000-х работал в брюссельском бюро «Уолл-Стрит Джорнэл» и писал о российской организованной преступности. Я встречался с ним несколько раз в бытность работы в фонде Hermitage, пытаясь рассказать о коррупции в некоторых компаниях, в которые мы инвестировали. Гленн — высокий, немно-

го неопрятный и похожий на медведя человек. В 2011 году он оставил журналистику и, основав в Вашингтоне фирму «Фьюжн Джи-Пи-Эс», начал заниматься расследованиями.

— Я думал, что Гленн на стороне хороших ребят, — сказал я.

— Возможно, так и было, но теперь занимается расследованиями для всех, кто платит, — сказал мой собеседник, имея в виду те расследования, в которых собирают компромат на политических и общественных деятелей. — Он уже несколько недель бахвалится, что отыскал вас в Аспене для вручения судебного запроса.

Мне потребовалось время, чтобы пропустить это через себя.

— Человеком, который подверг мою семью колоссальному риску, рассказав о нас всё Кремлю, — был Гленн Симпсон?

— Да. Мне очень жаль, что вы не знали об этом, но это секрет Полишинеля для нашей пишущей братии.

Поблагодарив его, я повесил трубку. Если Симпсон работает на моих врагов, значит, Кацыв и Весельницкая ему платят. Казалось, все нити вели к этой взбалмошной русской адвокатессе. Весельницкая наняла Джона Москоу и «Бейкер-Хостетлер»; она же координировала создание ГИОПОПЧ вместе с Ринатом Ахметшиным; она же была на несостоявшейся брюссельской премьере вместе с Некрасовым; она же наняла команду вашингтонских лоббистов для срыва Глобального закона Магнитского; и она же привлекла Гленна Симпсона к кампании по очернению меня.

Участие Симпсона в нашем деле всё меняло. «Фьюжн Джи-Пи-Эс» под его руководством работала на рынке этих услуг уже пять лет, и слава Симпсона как эффективного пасквильанта с хорошими связями была всем хорошо известна. За ним тянулся огромный шлейф погубленных репутаций политиков и бизнесменов всего мира. Кремль

десятки раз пытался подорвать мой авторитет, но их попытки были неумелыми и оттого безуспешными, однако этот парень был настоящим профи в своем деле.

«Охота на кротов» вышла на новый, более сложный уровень. Если Симпсон собрался взять в оборот прессу по следам показа фильма Некрасова, то мне с Вадимом нужно ехать в Вашингтон для минимизации ущерба.

12 июня рейсом авиакомпании «Вирджиния Атлантик» мы перелетели из Хитроу в Даллес и были в Вашингтоне за день до показа. В отеле «Гранд Хаятт» мы готовились к ряду встреч с членами Конгресса, правительственными чиновниками и журналистами. Мы надеялись «привить» всех, кто мог быть восприимчив к дезе Весельницкой.

В свою очередь, Весельницкая с командой была занята обратным не меньше нашего. Проснувшись следующим утром, я узнал, что офис Рорабахера ночь напролет рассылал приглашения на премьеру фильма конгрессменам.

Весельницкая уделила внимание и прессе. Многие ведущие вашингтонские журналисты получили в тот день приглашения на просмотр от некоего Криса Купера, еще одного бывшего сотрудника «Уолл-Стрит Джорнэл», который, как и Симпсон, оставил журналистику и ушел на вольные хлеба.

Поток приглашений представителям вашингтонского истеблишмента настораживал. В течение всего дня мы с Вадимом носились по американской столице, пытаясь опередить Весельницкую.

Наша последняя встреча была с заместителем помощника госсекретаря Робертом Бершински, одним из ключевых чиновников, вносивших злодеев в санкционный список закона Магнитского. На встрече я порывался показать ему нашу презентацию, но он меня остановил, сказав, что в этом нет необходимости. Он прекрасно знал, что задумал Кремль, и, с его точки зрения, происходящее было са-

мой наглой, хорошо профинансированной и изощренной операцией внешней разведки на территории США из числа известных ему.

Я был рад, что человек такого ранга в правительстве был всесторонне проинформирован о ситуации, но быстро понял, что существенной помощи ждать не стоит.

— К сожалению, мы не контрразведка, — объяснил он. — Это работа ФБР.

Он пообещал отправить на просмотр своего сотрудника для составления межведомственного отчета, но ничего большего, кроме сочувствия, он предложить не смог.

Логика подсказывала, что если высокопоставленный чиновник Госдепартамента знает о подобной операции, то разведслужбы должны были сорвать ее. ФБР знало о российской кампании по дезинформации, и даже если предположить, что Роберт Бершински не предупредил их (что невозможно), то уж Кайл определенно это сделал. Он предупреждал их в мае и теперь, уже через месяц, но они так ничего и не предприняли.

В реальности правительство США, как огромный неповоротливый слон, застыло в неподвижности в ожидании действий от своей бюрократии. Поэтому, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки, кто-то очень важный должен был вмешаться и прикрикнуть: «Это не лезет ни в какие ворота, немедленно прекратить!»

Но этого не произошло.

Мы с Вадимом покинули Госдеп в довольно подавленном настроении. В атриуме нашего отеля мы нашли столик и на своих ноутбуках и телефонах решили следить за информационным потоком с показа фильма из Музея журналистики. Кайл должен был находиться там и держать нас в курсе в режиме онлайн в течение всего вечера. Мое появление только подлило бы масла в огонь. Я не хотел помогать Весельницкой и ее команде устроить из это-

го показа шоу с моим участием, на которое они рассчитывали.

Их мероприятие проходило в одном из красивых залов музея, находившемся на последнем этаже. На просторной террасе под открытым небом, с которой открывался потрясающий вид на Капитолийский холм, был устроен предпоказный прием с закусками и коктейлями. Гости болтали и наслаждались теплым летним вечером.

Команда Весельницкой была в полном составе: помимо нее самой, там были Ахметшин и Некрасов, а также их американские дружки Гленн Симпсон и Крис Купер с толпой помощников и подчиненных. Кроме того, по залу блуждал косяк репортеров российского государственного телевидения, и съемочные группы документировали всё, что происходило.

Однако они были не единственными русскими на этом «празднике». Пришло около десятка не приглашенных на просмотр российских диссидентов. И хотя вход был только по приглашениям, им не смогли отказать, поскольку сам Некрасов поднял столько шума о своем праве на свободу слова, ну и вдобавок зал был полупустым.

Мои самые большие опасения, что это мероприятие массово посетят политики и их помощники, не оправдались. Там не было ни одного конгрессмена, и даже сам Рорабахер манкировал этой тусовкой. Единственными, кто был как-то связан с Конгрессом, помимо Кайла и еще одного знакомого нам сотрудника, были Пол Берендс с небольшой компашкой из офиса Рорабахера.

Время шло к закату, когда кто-то из команды Некрасова пригласил всех в зал. Покидая террасу, Кайл захватил пакетик с попкорном и упаковку шоколадных шариков «Волперс», которые раздавали на входе в зал, как будто это был обычный киносеанс.

Кайл сел вместе с помощником Роберта Бершински из Госдепа. Пока они болтали, с другой стороны от Кай-

ла приземлилась полноватая, дорого одетая женщина за сорок с золотисто-каштановыми волосами. Обернувшись в ее сторону, чтобы поздороваться, он на мгновение потерял дар речи — это была Наталья Весельницкая. Он узнал ее, но, похоже, она понятия не имела, кто он, а он и не потрудился представиться. Вот так ирония судьбы: человек, который буквально написал закон Магнитского, сидел плечом к плечу с человеком, чья миссия заключалась в уничтожении этого закона.

Занавес открылся, свет приглушили, и на сцену вышел журналист Сеймур Херш. В своем сером пиджаке и очках с толстыми линзами 70-летний Сеймур выглядел как до предела измученный жизнью человек. Держа перед собой заметки, он представил Некрасова, пророча его фильму «долгий путь к развенчанию мифа».

Просмотр начался. Следующие два часа и пять минут зрители сидели молча и внимали происходящему на экране. Это была та же версия, которую мы с Кайлом уже видели, но в конце картины Некрасов добавил новый фрагмент, в котором пытался защитить друга Путина, виолончелиста Сергея Ролдугина, от обвинений в получении части из украденных 230 миллионов долларов. Побежали титры, включился свет, и Некрасов вышел на сцену.

Но вместо аплодисментов в его адрес зал разразился свистом и насмешками. Кто-то скандировал: «Позор! Позор!» — кто-то: «Вас надо включить в список Магнитского!» В зале началось громкое обсуждение на русском языке. Некрасов стоял рядом с Хершем на маленькой сцене в свете прожекторов. Херш пытался успокоить зал, говоря:

— Мы все следим за журналистикой. Это называется журналистикой.

В ответ из разных мест в унисон раздались голоса:

— Это не журналистика! Это пропаганда!

Хершу удалось немного успокоить аудиторию и начать обсуждение. Первый вопрос задал Дрю Салливан, соучредитель Центра расследовательской журналистики, который проделал огромную работу по молдавскому файлу и «Панамскому архиву». Не думаю, что среди присутствующих кто-нибудь знал больше него об отмывании денег по делу Магнитского.

Для Некрасова это было фиаско. Именно Дрю руководил расследованием, связавшим Ролдугина с аферой по отмыванию 230 миллионов долларов. Без каких бы то ни было любезностей он пояснил, что если бы Некрасов обратился к нему, как это сделал бы любой компетентный журналист, то Дрю поделился бы с ним документами, подтверждающими эту связь.

Некрасов понимал, насколько шатким было его положение. Он действовал как фактический защитник Путина. Выдавая себя за «правдоискателя», он столкнулся с реальным правдоискателем и на его фоне выглядел бледно и бестолково.

Всё больше распаляясь и становясь агрессивнее, Некрасов пустился в пространные рассуждения о том, что всё это очень «сложно» и проследить путь денег — всё равно что искать иголку в стоге сена.

На что Дрю холодно возразил:

— Поэтому это и называется отмыванием денег.

Осознав, что ему не победить в этом споре, Некрасов в резком тоне предложил задать следующий вопрос.

Но с каждым следующим вопросом его незавидное положение только усугублялось. Четвертый вопрос задал его бывший коллега и соотечественник, Александр Гольдфарб. Его комментарии были убийственными.

В спокойной манере Александр представился давнишним товарищем Некрасова и продюсером двух его ранних антипутинских фильмов, добавив:

— Для меня это очень личное и эмоциональное дело, потому что автор этого фильма разительно отличается от того Андрея, которого я знал.

Некрасов стоял на сцене, скрестив руки, пока Гольдфарб следующие шесть минут последовательно уничтожал фундамент, на котором Некрасов воздвиг свой фильм. И перед тем как закончить, он бросил:

— Я думаю, следует сказать прямо: режим Путина, который, очевидно, является бенефициаром этого фильма, — это диктатура убийцы. Я хочу, чтобы вы повторили это сейчас, как вы уже делали это много раз до этого.

Но Некрасов не повторил, и этим всё было сказано.

Той ночью я спал совершенно беззаботно.

Опубликованные на следующий день отзывы не оставили от Некрасова и мокрого места. Вашингтонский политический журнал «Американский интерес» вышел под заголовком «Большая ложь России». «Вашингтон Пост» — с редакционной статьей «Российский агитпроп приземлился в Вашингтоне». Позже — «Дэйли Бист» со статьей «Как антипутинский режиссер стал кремлевской марионеткой». Собранные вместе, эти безжалостные статьи уничтожили Некрасова. В западной прессе не было ни одной положительной рецензии на его фильм.

Некрасову, Весельницкой, Симпсону и Кремлю, безусловно, удалось устроить шоу, но только не то, на которое они рассчитывали.

Иноагенты (Закон ФАРА)

Лето 2016 года

Наталья Весельницкая умело скрывала неудачу с устроенным ею шоу и провалом во Втором окружном суде несколькими днями ранее. На следующий день после «премьеры» ее уже видели в первом ряду общественной галереи в Комитете по иностранным делам Палаты представителей на слушаниях по вопросам отношений России и США, организованных председателем Ройсом. Поодаль, за два ряда от нее, сидел Андрей Некрасов.

Мы с Вадимом тоже были там. Мы выбрали неприметные места сбоку в надежде избежать прямой конфронтации с этими двумя. Тогда я впервые увидел Весельницкую воочию. Она выглядела слишком нарядной и такой «лапой», что трудно было представить, что она причинила нам столько неприятностей.

Слушания начались. Кайл, который сидел позади членов комитета, прислал мне сообщение, что только что в зал вошел Ринат Ахметшин. У нас не было ни одной его фотографии. Вадим наклонился вперед и незаметно сделал несколько снимков своим телефоном. В дальнейшем они нам оченьгодились.

Слушание протекало очень размеренно, без эксцессов, как и планировал Ройс, и это было совсем не то, на что рассчитывала команда Весельницкой. Фильма не было, а обо мне или Сергее вообще никто не упомянул.

Наталья Весельницкая (второй ряд, слева от центра) и бывший посол США в России Майкл Макфол (впереди в центре). Андрей Некрасов (четвертый ряд за плечом Весельницкой слева). Вашингтон, июнь 2016 года (© KYLE PARKER)

Мероприятие подошло к концу, и участники начали расходиться. В этот момент меня предупредили, что снаружи нас подкарауливает российская съемочная группа. Я отправил эсэмэску Кайлу с вопросом, есть ли здесь запасной выход. Он написал, что ждет нас на противоположном от входа конце зала. Мы пробрались против течения выходявших из помещения людей, и он вывел нас в пустой коридор через служебный вход для сотрудников.

Кайл беспокоился, что другая телевизионная группа может поджидать нас уже на улице, поэтому мы вместе спустились на служебном лифте в подвал под зданием Палаты представителей имени Рэйберна, похожий на лабиринт. И, очутившись на улице Си-Эс-Ви, мы не заметили ничего подозрительного.

Поблагодарив Кайла, мы поймали такси до отеля. В дороге я пытался осмыслить происходящее. Я буквально вы-

нужден скрываться от кремлевских холуев в правительственных зданиях Капитолия. Еще более возмутительным было то, что они работали не в одиночку. Им помогал целый штат изощренных западных пособников, и это злило еще больше.

Многие люди в России ведут себя так в силу уклада их общества. Российское общество весьма жесткое и немилосердное, и чтобы выжить в нем, людям приходится либо терзать других, либо быть растерзанными, а зачастую и то и другое одновременно. Система вознаграждений за этические поступки отсутствует. Поэтому, чтобы не скатиться в нигилизм, бесчестие и коррупцию, общество нуждается в исключительных личностях, таких как Сергей Магнитский, Борис Немцов и Владимир Кара-Мурза.

На Западе, и особенно в Америке, общество устроено по-другому. Конечно, там немало проблем, но Джон Москоу, Марк Цимрот, Крис Купер и Гленн Симпсон живут прекрасно. Они получили образование в хороших университетах, где общались с людьми высоких моральных принципов, живут в комфортабельных домах и работают в обществе, которое, по крайней мере, пытается привить людям стремление к добру, вознаграждая их за этические поступки. Безусловно, каждый имеет право на юридическую защиту, но здесь дело было не в защите и не в законе, а в открытой и наглой кремлевской кампании по дезинформации. То, что эти люди использовали свой багаж знаний, контакты и навыки для пособничества приближенным Путина за деньги, было более мерзким, чем действия самих этих приближенных. У многих россиян просто нет выбора — они не могут поступать иначе, но у этих-то американцев есть выбор! И они сознательно отказываются от него.

Во второй половине дня я встретился с Джулианной Гловер за кофе в атриуме отеля «Гранд Хаятт». Я изливал

на нее свое возмущение действиями этих кремлевских пособников, и тут она заметила:

— Билл, похоже, они нарушают закон об иноагентах, и если так, то у них неприятности.

Она имела в виду Закон о регистрации иностранных агентов (ФАРА, от англ. FARA), который обязывает всех, кто пытается влиять на политику США от имени другого государства, зарегистрироваться в Министерстве юстиции. Этот закон был принят в 1938 году, чтобы предотвратить распространение в США нацистской пропаганды гитлеровскими агентами влияния в преддверии Второй мировой войны. Теперь мы столкнулись с путинскими агентами, беспрепятственно распространяющими российскую пропаганду в Америке.

Джулианна, Кайл и я как-то раз говорили о возможности применения этого закона, но у меня были сомнения в его полезности. Во время Второй мировой войны и в течение приблизительно двадцати лет после нее закон применялся активно, но с 1967 года было вынесено всего пять приговоров за его нарушение.

Но Джулианна, которая лучше других знала мир вашингтонских лоббистов, вновь попыталась объяснить:

— Билл, пойми. Это же уголовный закон. Из-за провала своего шоу эти люди разве что слегка расстроятся, зато даже от самой малейшей перспективы оказаться в тюрьме в них вселится настоящий животный страх.

На случай, если мы решимся пойти этим путем, Кайл предлагал помощь известного нам Томаса Файерстоуна. Томас не только был экспертом по вопросам правоприменения закона об иноагентах, но и прекрасно знал дело Магнитского.

Когда Сергея арестовали, Томас работал юрисконсультom в посольстве США в Москве. Именно он писал сообщения в Вашингтон, где подробно описывал всю ситуа-

цию, включая пытки, бесчеловечные условия содержания и само убийство Сергея. Его отчеты вскрывали всю несостоятельность и лживость российской версии и придавали правительству США уверенность в том, что действительно необходимо принять закон Магнитского и ввести индивидуальные санкции в отношении причастных к этому делу лиц. Томас — один из многих героев истории Магнитского, оставшихся за кадром.

По совету Кайла мы навестили Томаса в офисе его юридической фирмы (он уже давно ушел с госслужбы). Выслушав историю об информационной войне, развязанной против нас Весельницкой и вовлеченными ею западными помощниками, он попросил дать ему их имена, записал их в свой желтый блокнот и, повернувшись к компьютеру, вошел в базу данных закона об иноагентах департамента юстиции, чтобы проверить, зарегистрирован ли кто-нибудь из них.

В базе их не оказалось.

Он перевел взгляд на нас и произнес:

— Я свяжусь с Хезер Хант, руководителем отдела ФАРА в департаменте Минюста по контрразведке.

В тот же день он отправил ей имейл.

В субботу мы с Вадимом вернулись в Лондон, а уже в понедельник разговаривали с Хезер. Мы описали ей суть дела, но, как любой ответственный прокурор, она хотела видеть доказательства — мы пообещали прислать их.

Следующие две недели мы провели за изложением хронологии той весны. Естественно, если смотреть на поступки Весельницкой и ее помощников по отдельности, то все произошедшие события могут показаться случайными и не связанными между собой. Марк Цимрот утверждал, что он представлял интересы «Превезона», а не российского правительства. Гленн Симпсон настаивал, что работал на Джона Москоу, а не на Кремль. Рон Делламс был

нанят ГИОПОПЧем, а не российскими властями. А Андрей Некрасов утверждал, что он независимый журналист, а не пропагандист, оплачиваемый путинским режимом.

Однако если собрать все данные о действиях этих людей воедино, то трудно не заметить их очевидную связь между собой. Были веские основания подозревать, что это была многоходовая операция в интересах российского правительства и руководила ею Наталья Весельницкая.

15 июля 2016 года мы подали Хезер жалобу, обвинив Цимрота, Симпсона, Купера, Ахметшина и еще трех граждан США в нарушении Закона о регистрации иностранных агентов.

Несколько недель спустя она пригласила меня в Вашингтон, чтобы ответить на вопросы ее сотрудников. Чтобы попасть в их здание на Пенсильвания-авеню, известное как «Главное правосудие», необходимо было пройти целую бюрократическую процедуру. Сначала я должен был получить предварительное разрешение, для чего заранее был истребован мой паспорт. Позже, уже в здании, меня провели через ряд металлоискателей и заставили ждать официального провожатого.

Я думал, что отдел контрразведки — это звуконепроницаемая комната в подвале, как в шпионских фильмах, но мы прошли мимо ресепшен в обычную конференц-комнату на первом этаже с окнами на улицу, причем любой прохожий мог видеть нас через стекло.

Меня встретили двое сотрудников и сообщили, что Хезер занята и не будет присутствовать на встрече. Спустя пару минут разговор зашел в тупик. Я ожидал, что меня засыплют вопросами, но оказалось, что эти ребята практически ничего не знают о деле и, кажется, даже не читали нашу жалобу. Пришлось начать с самого начала и повторить всё, что мы рассказывали Хезер по телефону несколько недель назад.

Они всё подробно записывали, и в конце своего монолога я спросил:

— Что вы думаете? Этого достаточно для начала работы?

Один из них немного не в тему выдал удобную формулировку, которую часто пользуются правоохранители, особенно когда им нечего сказать:

— Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть, ведется ли расследование.

По опыту знаю, как Министерство юстиции ведет расследование. В деле «Превезона» Пол Монтелеони и его коллеги мучили нас своими вопросами практически каждый день в течение шести месяцев, пока не подали иск. Я был уверен, что эти ребята из ФАРА палец о палец не ударили.

Похоже, им нужен публичный пинок, ведь если российская операция станет достоянием гласности, то их заставят напрячь свои булки и заняться делом. Я поделился историей с несколькими журналистами из «Нью-Йорк таймс», «Вашингтон пост», «Уолл-Стрит джорнэл», «Си-Эн-Эн», «Бизнес-инсайдера» и других изданий, но они не проявили интереса.

Это было более чем странно. Всё лето 2016 года мне названивали журналисты и спрашивали, нет ли чего интересного о вмешательстве России в дела Вашингтона. Как раз Дональд Трамп недавно стал кандидатом в президенты от республиканцев и не скрывал своих симпатий к Путину.

Помимо мутного бизнеса самого Трампа в Москве, в его предвыборной команде были люди с необъяснимыми российскими связями, но это всё, о чем писали СМИ.

Хотя наша ситуация с ФАРА никак не связана с Трампом, всё же речь шла о прямом вмешательстве России в дела Америки. Я расспрашивал журналистов, почему им не интересна наша история, и все в один голос отвечали

либо: «Истории нет, если нет официального расследования», либо: «Все персонажи какие-то мутные, и до них никому нет дела».

Всё это больше смахивало на отговорки, и я почувствовал, что здесь что-то не так. Я решил узнать подноготную этого дела у моего знакомого британского журналиста — того, который предупредил меня о Симпсоне.

— Билл, ваша проблема снова в Гленне, это же очевидно, — произнес он.

— Наверное, тогда мне надо говорить с другими журналистами.

— Наверное... Но Гленн стал главным специалистом по торговле информацией о России и Трампе. Он со своей командой собрал огромный массив по Трампу, и теперь все издания падают ниц, надеясь, что он бросит им кость. Он неприкасаемый, и точка. А это значит, что никто не будет писать про вашу историю.

Это был тупик. Минюст не будет проводить расследование, и истории не увидеть широкую публику, за исключением маленькой заметки в одном из ежедневных онлайн-бюллетеней «Политико», на которую, скорее всего, мало кто обратит внимание. Пожалуй, на этом нужно поставить крест.

Тем не менее той осенью мы одержали одну огромную победу. В середине октября я как-то забирал из школы своего младшего сына Ноя и вдруг получил имейл от Джейкоба Бухдала из Нью-Йорка.

Апелляционный суд второго округа вынес решение дисквалифицировать юристов «Бейкер-Хостетлер». Наконец-то!

Я открыл приложенный к имейлу документ. Коллегия из трех судей не скупилась на слова. Они признавали, что наш случай «действительно беспрецедентный», что мне угрожает реальная опасность со стороны российского

правительства и что я имею полное право на сохранность своих сведений и их защиту. На этом основании они обязали нижестоящий суд «вынести постановление об отводе [Джона] Москоу и компании „Бейкер-Хостетлер“».

Читая это, я остановился прямо посреди тротуара, а Ной продолжал бежать вперед. Я стоял как вкопанный и радостно улыбался. Наконец-то наша сага с Джоном Москоу и «Бейкер-Хостетлер» закончилась раз и навсегда.

Досье Стила

Конец 2016 года

8 ноября 2016 года мы с Вадимом ехали на поезде в Париж на встречу с судьей-следователем Ван Рюмбеком, который вел дело в отношении обремененных активов россиянки, арестованной в Сан-Тропе в 2015 году.

С момента ареста он сильно продвинулся в расследовании, но предвкушение встречи омрачали президентские выборы в США, назначенные на тот же день.

Согласно всем авторитетным опросам, шансы Дональда Трампа на победу были незначительными. Но его победа могла обернуться для меня катастрофой. На протяжении всей предвыборной кампании он неустанно нахваливал Путина, обещая, что они поладят. Поскольку Трамп называл себя «мастером по сделкам», а Путин годами пытался заполучить меня в свои лапы, очень легко было представить себе, что меня выдадут Кремлю в результате какой-нибудь грязной закулисной сделки.

Никто не мог понять, с чего вдруг Трамп так топит за Путина. Это никак не могло добавить ему голосов. Большинство американцев негативно относятся к России и особенно к Путину. Да и республиканцы традиционно более воинственно настроены по отношению к России, чем демократы, так что и их поддержка не стала бы сильней.

Казалось, что Трамп ведет себя нерационально, но, долгие годы занимаясь инвестициями, я знал, что прак-

тически все ведут себя рационально. Если чье-либо поведение кажется вам иррациональным, это означает только одно — у вас нет полной картины происходящего. Это порождало спекуляции на протяжении всей избирательной кампании. Я не знал о контактах Трампа с Россией, но в середине сентября до меня дошел странный слух.

Исходил он от Коди Ширера, политического оперативника, связанного с семейством Клинтонов. Коди раздобыл мой номер телефона через своего брата Дерека, бывшего посла США в Финляндии и моего знакомого. Я понятия не имел, чем занимается Коди, но в те несколько раз, когда мы разговаривали, он не стесняясь упоминал таинственные «источники» в ФСБ, «высокопоставленных» оперативников в американской разведке и свои тайные контакты в Европе. Он был очень колоритной личностью.

— Билл, — сказал он хрипловато, — я слышал, из Москвы поступают очень тревожные новости. Я обзваниваю всех, чтобы узнать, подтверждаются ли они.

— А что за новости? — спросил я.

— Источник в ФСБ рассказал, что у них есть видеокомпромат на Трампа с «дамами», аж с 1987 года — целая тонна. Очень мерзко.

Звонок Коди раздался примерно за месяц до того, как разразился скандал «Пуссигейт»*, но даже тогда я был уверен, что сексуальная жизнь Трампа мало кого волнует. У него было три жены, множество подружек и репутация человека, который бежит за всем, что движется. Все знали, что такое Трамп.

— И что с того? — спросил я.

* 7 октября 2016 года была опубликована запись, на которой Дональд Трамп, среди прочего, говорит: «Когда ты звезда, они позволяют тебе всё. Ты можешь делать всё что угодно. Хватать их за лобок. Можешь делать всё что угодно». Все думали, что это будет конец его президентской кампании. Но это было только начало.

— Ты не понимаешь. На пленках не только секс, там извращенное дерьмо.

— Ты их видел?

— Нет, — признался он.

— Тогда откуда ты знаешь, что они вообще существуют? ФСБ — это источник дезы.

— Всё, что раньше говорил мне мой источник, билось.

Я едва знал Коди. И то, что он говорил, было нелепицей, не стоившей ни гроша.

Кроме того, он был связан с Клинтонами — у него были все основания распространять подобные истории. Мне стало не по себе.

— Извини, — сказал я. — Я ничего такого не слышал.

Несмотря на мой скептицизм, по мере приближения выборов я не переставал об этом думать. А вдруг победит Трамп? Если есть хоть крупица правды в этих слухах, то Путин теоретически сможет шантажировать президента Соединенных Штатов. Трамп стал бы настоящим маньчжурским кандидатом современности. Можно легко представить себе, что тогда ждет врагов Путина на Западе.

Именно это занимало мои мысли в поезде в Париж 8 ноября. «Нью-Йорк Таймс» пророчила Трампу всего 15% голосов, но я продолжал регулярно проверять новости в «Твиттере», держа нос по ветру.

У меня, как и у большинства живущих в Великобритании, было нехорошее предчувствие. За пять месяцев до этого состоялось голосование по Брекситу, и моя уверенность в его исходе была совершенно ошибочной. Все, кого я знал, а также специалисты по опросам были уверены, что британцы предпочтут, чтобы их страна осталась в Европейском союзе. Но мы проморгали, насколько сильно люди в центральной Англии ненавидят Брюссель и как им ненавистна мысль о том, что их рабочие места занимают мигранты.

Казалось, что нечто подобное может произойти и в Америке. Может быть, Трамп станет американским эквивалентом Брексита.

Наш поезд прибыл на вокзал Гар-дю-Нор в 6 часов вечера. Мы заселились в отель и пошли ужинать. Я был настолько потерян, что не мог сосредоточиться на подготовке к предстоящей встрече. После ужина я вернулся в номер и проверил новости. Ничего. Из-за разницы во времени данные экзитполов появились бы не раньше середины ночи. Я заставил себя заснуть, но к пяти часам утра был бодр как никогда.

Новости в айфоне сообщали, что Трамп только что победил во Флориде. Вот дерьмо! Через несколько минут — Северная Каролина.

Я включил телевизор. В ужасе я смотрел, как Трамп побеждает в остальных штатах: в 7:35 утра пала Пенсильвания, через час — Висконсин. Вот и всё. Трамп стал избранным президентом Соединенных Штатов Америки. Случилось немыслимое!

Через несколько мгновений я получил имейл от своего брата, Тома. «В Америку ни ногой. Здесь для тебя небезопасно», — предупреждал он. Похожие сообщения приходили всё утро, пока я пытался подготовиться к встрече с французским судьей.

Я думал об этом даже в офисе судьи, который находился недалеко от Парижской оперы. Я попросил Вадима взять инициативу на себя. Встреча прошла как-то мимо меня. Уже на улице мы поймали такси на вокзал, а по дороге я обзванивал друзей из Америки. Все они говорили одно и то же: «Жопа».

Мне не хотелось в это верить, и я подумал: возможно, мы преувеличиваем, воспринимаем ситуацию слишком эмоционально. Я решил поговорить с более трезво мыслящими людьми из республиканского истеблишмен-

та. Сначала я позвонил своему другу Кену Хершу, однокашнику по Стэнфорду и старому приятелю по покеру, который теперь возглавлял Президентский центр Джорджа Буша в Далласе. «Трамп не настоящий республиканец. И никогда им не был. Я хотел бы утешить тебя, Билл, но не могу. Я понятия не имею, что он будет делать, как только вступит в должность», — сказал он.

Потом я связался с бывшим генеральным прокурором Джоном Эшкрофтом, который раньше был начальником Джулианны и работал советником Трампа во время предвыборной кампании. Возможно, он знал больше, чем Кен. К сожалению, и он не знал, чего ждать от Трампа.

На обратном пути я попытался успокоиться. Америка была правовым государством, и людей всё еще не похищали на улице. Конечно, при Трампе всё может измениться. Похоже, что мой единственный выход — это ждать и наблюдать, насколько всё деградирует. Если американские правовые институты не выдержат натиска Трампа, то крайней мерой для меня будет просто не появляться в США, пока он у власти.

Закон Магнитского, однако, был совсем другим делом. Закон, над которым я так усердно работал, внезапно оказался под угрозой. Трампу будет сложно его отменить, поскольку для этого потребуется законодательный акт Конгресса, но он легко мог прекратить вносить новые имена в санкционный список Магнитского или, того хуже, начать исключать из него людей.

Уходящая администрация Обамы разделяла мои опасения. После победы Трампа, но до его инаугурации они добавили в этот список еще пять имен, включая Андрея Павлова.

С самого начала этот человек был одним из основных кандидатов на попадание в санкционные списки. Он был ключевым звеном в цепочке произошедших событий, на-

чина с организации сговора по фиктивным судебным решениям, которые были использованы в афере на 230 миллионов долларов, и заканчивая появлением в Монако с Дмитрием Ключевым и угрозами Александру Перепиличному. Но до этого ему удавалось ускользать от санкций, поскольку он не был российским чиновником или бывшим заключенным. Что ж, больше не получится.

Уходящая администрация тоже довела до конца законопроект глобального закона Магнитского. Президент Обама подписал его, и он вступил в силу 23 декабря. Тем самым были пресечены попытки Путина сорвать принятие глобального закона или убрать из него имя Сергея.

Широким жестом правительство США объявило о новых санкциях и выслало десятки российских дипломатов в ответ на вмешательство России в американские выборы. Каждый раз, когда Вашингтон предпринимал такие шаги, Москва отвечала взаимностью. Вы вводите санкции против нас? Мы вводим санкции против вас. Вы высылаете наших дипломатов? Мы высылаем ваших в том же количестве.

Но в этом случае ничего подобного не произошло. Кремль, похоже, знал что-то, о чем никто не догадывался. Именно тогда я начал беспокоиться. Возможно, Коди был прав. Возможно, у Путина действительно есть что-то на Трампа, и с 20 января 2017 года американский президент будет фактически под его контролем.

По мере приближения инаугурации эта безумная идея начинала казаться всё менее безумной. В Вашингтоне постоянно ходили разговоры о существовании некоего разоблачительного досье, объясняющего связь Трампа с Россией. К началу января это досье фактически находилось в руках ФБР, некоторых членов Конгресса и почти всех крупных медиа США. Пресса сообщала о его существовании, но ни одно издание не решалось опубликовать его, поскольку

ку не могло подтвердить достоверность. Тем не менее все воспринимали его всерьез. Примечательно, что ФБР даже проинформировало о сложившейся ситуации уходящего президента Обаму и избранного президента Трампа.

10 января, поздно вечером, когда я уже отходил ко сну и просматривал последние новости, издание «Баззфид» выложило досье полностью, нарушив молчание СМИ. Я кликнул по ссылке и начал читать. Это был 35-страничный документ в формате PDF, составленный бывшим сотрудником британской разведки. В нем утверждалось, что российские спецслужбы располагают видеокompromатом, на котором Трамп запечатлен с проститутками, принимающими «золотой душ» в президентском номере московского отеля «Ритц-Карлтон».

В нем также утверждалось, что Трамп и его приближенные получают 19-процентную долю в крупнейшей российской нефтяной компании «Роснефть» (а это на тот момент около 13 миллиардов долларов) в обмен на снятие американских санкций. Складывалось впечатление, что Кремль десятилетиями окучивал Трампа, видя в нем свой актив. И это было только начало. От изумления у меня челюсть отвисла.

В досье было всё: секс, деньги, шпионы, заговоры. Самым шокирующим было то, что оно подтверждало невероятную историю Коди.

Сказать, что досье улучшило мне настроение, это не сказать ничего. Даже если только 10% из него правда, этого уже хватило бы, чтобы помешать Трампу занять президентское кресло.

Но на следующий день, после того как я отвез свою дочь Джессику на день рождения к ее подруге в район Хэмпстед, мне позвонил тот британский журналист, который первым рассказал мне о Гленне Симпсоне.

Я улыбнулся.

- Потрясающее досье, да?
- Оно интересное, если это правда, — ответил он.
- Вы думаете, это неправда? — спросил я.
- У меня есть сомнения. Вы же знаете, кто за этим стоит?
- Крис Стил, — сказал я, имея в виду предполагаемого автора, бывшего британского разведчика МИ-6.
- Нет. Я имел в виду, кто стоит за Стилом. Это Гленн Симпсон.
- Гленн Симпсон? — Я замер. — Черт, да вы шутите?
- Нисколько.

Я чувствовал, как земля уходит из-под ног. Если это дело рук Симпсона, то можно быть уверенным, что досье скомпрометировано. Симпсон за деньги с радостью раскручивал ложь Кремля обо мне и Сергее в организованной кампании против закона Магнитского. Что ему мешало сделать то же самое в отношении Трампа в обмен на гораздо большие деньги?

Ничего.

Напрягало и то, что Симпсон занимался досье в то же самое время, когда работал на Весельницкую и ее команду.

Это было важно. Мы точно знали, что Путин хотел видеть президентом Трампа, а не Хиллари Клинтон. Мы также знали, что обвинения в досье могли стоить Трампу кресла президента, независимо от того, была ли там правда или нет. Весьма вероятно, что Кремль знал об этом досье еще на стадии его подготовки.

Самым простым способом для Кремля уничтожить ценность этого досье было бы намеренно подкинуть туда дезинформацию. Тем самым в досье попали бы специфические «факты», которые легко опровергались. Это позволит Кремлю и, очевидно, самому Трампу заявить, что всё досье — одна сплошная ложь, несмотря на то, что правда там тоже есть. И все их глашатаи во всю глотку будут орать: «ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ!» И будут правы.

Именно так Трамп и сделал, написав 10 января 2017 года в своем «Твиттере»: «ФЕЙКОВЫЕ НОВОСТИ – ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОХОТА НА ВЕДЬМ!»

Это создало опасную ситуацию для тех, кто выступал против Трампа. Они очень хотели верить в это досье — так же наивно, как и я в свое время, — но оно было скомпрометировано и стало зыбкой почвой, которая в итоге их подвела.

Такое же фиаско ожидало все остальные нападки на Трампа. Он выдержал этот натиск, и спустя девять дней состоялась его инаугурация. Когда я смотрел трансляцию его речи на Капитолийском холме, я думал о символизме слов противников Трампа из обеих партий: у Путина теперь есть свой человек в Белом доме.

Впереди были долгие и опасные четыре года.

Дело Хлебникова

Зима-весна 2017 года

Опасность президентства Трампа была двоякой. Во-первых, он мог договориться напрямую с Путиным и выдать меня и моих коллег российским властям. Во-вторых, Трамп в Белом доме придавал Путину и подобным ему диктаторам уверенности в том, что они могут делать всё, что захотят, не опасаясь последствий или порицаний.

Одним из первых столкнулся с этой опасностью наш адвокат семьи Магнитского — Николай Горохов.

Николай занимался делами семьи Сергея в России с 2011 года. Как бывший работник прокуратуры, он прекрасно понимал, чем это ему грозит, но Николай был той же закалки, что и Сергей. Он считал своим долгом добиться наказания убийц Сергея.

Чтобы в полной мере оценить нависшую опасность, нужно вернуться в 2015 год, когда Николай стал ключевым свидетелем правительства США в деле против «Превезона».

В то время у американской прокуратуры возникла серьезная проблема. Для победы им нужны были документальные подтверждения, что украденные деньги были переведены из российского бюджета в Нью-Йорк через сеть международных банков. Мы, естественно, предоставили доказательства из нашей базы по отмыванию денег, но Пол Монтелеони с командой считали, что они больше

похожи на разведданные, чем на доказательства, которые суд может принять.

На практике прокуратура США обычно использует каналы взаимной правовой помощи (ВПП), чтобы получить требуемые доказательства от своих коллег из других стран. Именно это они сделали и в нашем случае. Они направили официальные запросы в шесть интересовавших их стран, включая Эстонию, Латвию и Кипр, с требованием предоставить данные о банковских платежах. Согласно обязательствам по договорам о ВПП, все страны ответили и предоставили документы. Все, за исключением России.

Без российских официальных документов прокуратура в суде не смогла бы документально показать полную цепочку движения денег, и дело могло развалиться. Именно поэтому российские власти и не предоставляли их.

Но тут возник Николай. Он обнаружил серьезный просчет власти в ее попытке свалить воровство 230 миллионов долларов из бюджета на Сергея, официально обвинив его в этом. Возможно, вы помните, что после попытки переложить вину за преступление на нескольких мертвецов Кремль решил добавить к ним вполне живого Вячеслава Хлебникова — бывшего зэка. Тот признал себя виновным, чтобы придать делу более законный вид. Но они забыли о том, что как только Хлебников назвал Сергея своим «соучастником», Николай, как адвокат семьи Магнитского, получил законное право ознакомиться со всеми материалами дела Хлебникова.

Николай подал ходатайство в суд на ознакомление с делом, которое, естественно, было сразу же отклонено. Он подал еще одно. Отказ. Снова подал. Опять отказ.

Николай осознавал масштабы коррупции в правовой системе — они колоссальные; но и эта система иногда дает сбой. Поэтому он продолжал упорствовать, и наконец, на двенадцатой попытке, ему попался судья, который ме-

ханически следовал закону и удовлетворил его ходатайство.

Будучи человеком сдержанным, Николай, не показывая радости, поблагодарил судью и прямым ходом отправился в секретариат за делом. Это было, наверное, самое объемное дело, которое он видел: 94 тома по 300 листов в каждом.

По мере пролистывания томов он обнаружил еще одну ошибку, допущенную властями в попытке скрыть преступление. Пытаясь придать делу правдоподобный вид, они включили в него все банковские переводы украденных денег российских банков. Эта информация со временем поможет наказать настоящих преступников и снять лживые обвинения с Сергея (не говоря уже о том, чтоб будет полностью раскрыта внутренняя схема отмывания денег в России).

Всё, что было нужно, — это скопировать каждую страничку дела!

Масштаб задачи грандиозный. Николай приобрел цифровую камеру «Пентакс» со специальным переносным штативом, позволяющим закрепить фотоаппарат прямо на столе, сфокусировав объектив на документе.

К сожалению, у камеры не было пульта дистанционного управления, но для Николая — мастера на все руки — это не было проблемой, и он соорудил его сам. Испытав конструкцию дома, он начал ходить в суд каждый день и по восемь часов фотографировал листы дела, работая так быстро, как только мог, постоянно ожидая, что кто-нибудь явится и запретит съемку. Через три недели у него была копия всего дела в прекрасном качестве — около 27 000 изображений, поместившиеся на семь SD-карт.

В деле были все банковские переводы, которые власти обязаны были предоставить американской прокуратуре согласно договору о ВПП. Пол Монтелеони попросил Николая о помощи в предоставлении материалов дела.

Борьба Николая за Сергея и его семью в России длилась долгие годы, встречая необоснованные отказы и ожесточенное сопротивление власти, но дело, открытое в Америке, могло оказаться единственным шансом на реальное правосудие. Он это хорошо понимал и без промедления согласился помочь.

Но просто отправить файлы Полу по электронной почте и на этом закончить было невозможно. Для суда необходимо было показать неразрывную цепочку получения и владения этими документами, и для этого Николай должен был пройти через строгий юридический процесс. Пол попросил Николая приехать в Лондон, где он встретился в посольстве США с сотрудниками Министерства внутренней безопасности. Следуя специфической процедуре, у него взяли официальные показания под присягой, подтверждающие легальное происхождение документов, и приняли их копии с SD-карт.

Затем Пол попросил Николая приехать в Нью-Йорк для дачи устных показаний, а это означало, что ему также придется отвечать на вопросы стороны защиты «Превезона», которую в то время всё еще возглавляли Джон Москоу, Марк Цимрот и их фирма «Бейкер-Хостетлер».

Если человеку в России предложить выступить свидетелем на стороне прокуратуры США против предполагаемых российских граждан, замешанных в отмывании преступных денег, то вряд ли он согласится. Но Николай был сделан из другого теста: он согласился.

Для защиты Николая американская прокуратура засекретила его имя в документах, закрыла к ним публичный доступ в судебном реестре и указывала его как «Свидетеля №1». Через суд прокуратура также потребовала подписания жесткого договора о неразглашении с «Бейкер-Хостетлер», Денисом Кацывом и Натальей Весельницкой. На бумаге всё выглядело здорово, но, учитывая поведе-

ние наших врагов в прошлом, рассчитывать на соблюдение договора было наивно. Можно было только догадываться о возможных последствиях его нарушения.

Пол прекрасно осознавал этот риск и предложил до завершения юридических процедур перевезти Николая с семьей в Нью-Йорк, где они находились бы под защитой правительства США. Сама процедура дачи показаний занимает семь часов, но юридическая волокита, предшествующая этому, может занять недели или даже месяцы (как это было, например, со мной), в течение которых Пол не хотел подвергать опасности Николая и его семью, останься они в Москве.

В августе 2015 года в Нью-Йорк приехала супруга Николая Юлия с их 13-летней дочкой Дианой. Их встретила Светлана Ангерт, русскоговорящая сотрудница Министерства национальной безопасности. Она поселила их в квартире с видом на реку Гудзон в Хобокене, штат Нью-Джерси. Через пару недель приехал Николай, и они переехали в дом побольше, находящийся под государственной охраной, в Верхнем Вест-Сайде на Манхэттене.

Вместе в Нью-Йорке Гороховы чувствовали себя в безопасности. Пока Николай работал с прокуратурой, Диана пошла в местную среднюю школу MS-256, где впитывала английский язык как губка. У одного охранявшего их сотрудника — Александра Шварцмана — был черный пояс по айкидо, и он записал Диану в додзё по соседству. Юля была в Америке впервые и изучала город с широко раскрытыми глазами и фотоаппаратом, воспринимая все это как длинный отпуск.

Но в сентябре идиллию прервал звонок Юлиной мамы. В очередной раз придя в их пустующую квартиру в Москве, она обнаружила, что там кто-то побывал. Ничего не украли, но «гости» оставили следы. За время отсутствия хозяев мебель покрылась пылью, но на столе, где стоял

Николай и Юлия Гороховы, Нью-Йорк, 2015 год (© NIKOLAI GOROKHOV)

компьютер Николая, никакой пыли не было. Не было ее и на экране, и рядом с клавиатурой. «Гости» также заварили себе чай и оставили на столе в гостиной две полупустые чашки. Это была стандартная визитная карточка ФСБ.

Всё это сильно напрягло супругов, но Николай твердо решил идти до конца.

1 октября, через два месяца после приезда в Нью-Йорк, Николай должен был ответить на вопросы защиты «Превезона». Допрашивал его Джон Москоу, а Весельницкая наблюдала за трансляцией из Москвы. Первым требованием Джона Москоу было сообщить ему, где в Нью-Йорке проживает Николай с семьей.

Николай отказался отвечать этот вопрос.

Следующий вопрос Джона: кто живет с Николаем и есть ли у него постоянная охрана?

Николай отказался отвечать и на этот вопрос.

Джон Москоу продолжил в том же духе и спросил, когда он планирует вернуться в Россию.

Отказ.

Так продолжалось несколько часов кряду, на протяжении которых Николай не уставал отшивать Джона Москоу. Возможно, Джон достиг бы результата нахрапом, будь на месте Николая более слабохарактерный человек, но Николай ежедневно сталкивался с еще более неприятными людьми в России, поэтому не обращал на Джона особого внимания.

Допрос занял практически весь день. На следующий день задавать вопросы была очередь американской прокуратуры. Вопросы Пола касались только цепочки передачи материалов дела Хлебникова: эти данные были нужны, чтобы гарантировать принятие материалов судом. В конечном итоге Пол получил то, что ему было нужно для суда, а «Бейкер-Хостетлер» допросила свидетеля по делу, и состязательность процесса была соблюдена.

Уровень угрозы для Николая немного понизился, и теперь, что бы ни случилось, доказательства из дела Хлебникова уже были в суде.

Конечно, Николай понимал, что из-за помощи правительству США у него могут возникнуть серьезные неприятности на родине, но судебный процесс уже было не остановить.

И всё же Америка была чужой для Гороховых страной, и несмотря на риски они хотели домой. В конце октября они вернулись в Москву с благодарностью от правительства США.

Николай занялся накопившимися делами, Юля вернулась на работу, а Диана — в школу. Постепенно их жизнь вернулась в нормальное русло, и со временем поездка в Нью-Йорк всё больше напоминала сон.

Но ситуация усугубилась в начале 2017 года, когда Николай обнаружил весьма важный поворот в деле Магнитского. В его руки попала электронная переписка Андрея Павлова, подтверждающая сговор с сотрудниками МВД в сокрытии их причастности к афере с возвратом 230 миллионов долларов налогов из российской казны. Николай считал, что ее необходимо представить в суде и тем самым подорвать лживый нарратив власти о непричастности сотрудников МВД к краже бюджетных средств.

22 марта 2017 года должно было состояться судебное заседание, на котором Николай хотел представить переписку и открыть дело Магнитского в связи с новыми обстоятельствами.

Но на заседание он не пришел.

За день до этого, 21 марта после полудня Юле на работу позвонила Диана. Она рыдала: «Мама, папа упал с крыши!» Гороховы жили на последнем этаже пятиэтажного дома в Москве в квартире с большим балконом. То есть Николай упал с высоты около 16 метров.

В тот день Николай был на балконе и поднимал ванну и строительные материалы для ремонта квартиры через балкон с помощью лебедки, которую он не раз использовал для этих целей. Конструкция была проверенной и безопасной.

Юля попыталась узнать хоть что-нибудь, но Диана была в шоке и не могла связно говорить. Прервав разговор, Юля набрала телефон неотложной помощи 112, чтобы узнать, не поступал ли к ним кто-нибудь с характерными травмами. И хотя Москва — огромный мегаполис, население которого примерно равно населению Нью-Йорка, диспетчер сразу ответил: «Да, похожего мужчину доставили в Боткинскую больницу на вертолете».

Юля позвонила в больницу. Там подтвердили, что Николай у них, но отказались сообщать детали по телефону.

Она выбежала из офиса и помчалась в больницу на метро. Не успев отдышаться, Юля попросила в регистратуре разрешения увидеть мужа.

Ее ждала такая же стена безразличия, как и Женю Карамурза до нее. Ей сказали, что Николай в реанимации, и отправили ждать в комнату для посетителей рядом с регистратурой. Но оттуда ей не было видно коридор, соединяющий реанимацию с лифтами, и, боясь пропустить перевозку Николая, Юля села на пол прямо в коридоре и стала ждать.

Через четыре часа из реанимации появилась каталка с Николаем в сопровождении медсестер. Юля кинулась к нему. Его глаза были открыты — точнее, правый глаз. Левый был полностью забинтован. Вся левая сторона лица была сплошной гематомой с глубокими ссадинами.

Юля звала его, но в ответ он лишь стонал. Не останавливаясь и не реагируя на ее просьбы дать ей хоть минуточку побыть с мужем, медсестры втолкнули каталку в лифт, показывая жестами, что ей с ними нельзя.

Потерянная, она еще два часа оставалась в больнице, умоляя медсестер и администраторов позволить ей поговорить с врачом. Но стена безразличия бубнила: Николай в отделении интенсивной терапии, часы посещения закончились, приходите завтра в отведенное время. Около десяти вечера за ней заехал друг семьи и отвез ее домой. Ночью она почти не спала.

На рассвете Юля задремала, но ее разбудил телефонный звонок. Она услышала едва знакомый мужской голос. Звонивший представился Ильей. Через минуту она припомнила — это знакомый Николай по институту, которого она видела всего пару раз.

Напомнив ей, кто он, Илья вдруг заговорил жестко, без всякого сочувствия:

— Наверно, вы ожидали подобного?

— Чего именно?

— Ну, не моего же звонка. Того, что случилось с Колей...

Кстати, как он? — спросил он как бы между прочим.

— Плохо. В реанимации.

— Вы думаете писать заявление?

— Я... я не знаю, — растерянно ответила Юля. Она еще не успела подумать о полиции.

— Я не советую. Всякое может случиться, пока он в больнице.

Это прозвучало как угроза.

— Мне пора, — только и смогла ответить Юля и повесила трубку.

Так! Выбросить этого Илью из головы, встать с постели, заварить чай, помочь Диане собраться в школу и снова мчаться в больницу в установленные часы приема.

В регистратуре сказали то же самое:

— К нему нельзя.

— Но почему?

— Он без сознания.

— Ну и что?

— Мне очень жаль, но к нему нельзя, — повторили в регистратуре.

Что это за больница такая — жену не пускают к больному мужу? Юля бродила по приемному покою, надеясь, что либо Коля придет в сознание, либо врачи передумают и разрешат с ним увидеться. Не произошло ни того, ни другого. В три часа она вынуждена была уйти: «установленные часы посещения» закончились.

Вечером ей позвонил Саша, коллега мужа, спросить, как дела у Коли и не нужно ли ему чего. Рассказав о своем дне, она поделилась и историей о странном и тревожном звонке Ильи, и его настоящей рекомендацией не обращаться в полицию.

— Наоборот, — категорично сказал Александр. — Обязательно надо это сделать. Это защитит Колю.

Наутро Саша был у Юли и помог ей составить заявление с описанием произошедшего. В конце она указала, что считает случившееся преднамеренным покушением на жизнь мужа как месть за его работу по делу Магнитского.

Вместе с Александром она подала бумагу в ближайшее отделение полиции, передав ее дежурному. Тот бегло просмотрел заявление и рассмеялся. «Вы серьезно? Ваш муж не такая уж важная птица, чтобы его убивать!» — сказал он. В течение пятнадцать минут они пытались объяснить ему, почему они так считали, но дежурному это было неинтересно. Тем не менее Юля оставила заявление у него.

Во второй половине дня в больнице ей наконец-то разрешили повидаться с мужем. Отделение интенсивной терапии располагалось на последнем этаже и представляло собой одну большую палату, полностью заполненную несчастными пациентами. Некоторые стонали. Их разъединяли только хлипкие занавески, но объединяло страдание. Николай был в сознании, но его речь было не разобрать. Он постоянно повторял: «Зачем ты здесь?» — по всей видимости, не понимая, кто она, и: «Как остальные?» Юля не понимала, кого он имеет в виду.

Николай был жив, и Юля этому радовалась, но страх, что травма головы может привести к необратимым последствиям, сжимал ее сердце. Ей до сих пор не дали медицинского заключения, и врачи почти ничего не говорили. Но было трудно представить себе, что падение 53-летнего мужчины с высоты шестнадцати метров пройдет бесследно. Она сидела рядом с ним столько, сколько позволяли «установленные часы», и ушла домой в тумане неопределенности.

Когда она подошла к подъезду, туман сгустился еще больше. Ее ждали два полицейских, один из них с включенной камерой. Сразу стало понятно: они здесь не для

расследования. «Когда вы заберете свое заявление?» — требовательным тоном спросил тот, что не снимал.

Юля посмотрела на них и, не проронив ни слова, пошла наверх.

Проснувшись утром, она обратила внимание на полицейскую машину рядом с домом. Набрав маму, Юля попросила проводить Диану в школу, на случай если полицейские решат остановить ребенка.

Полицейская машина была там же, когда Юля вышла, чтобы отправиться в больницу после обеда. К ней снова подошли полицейские с камерой и рявкнули: «Вы заберите заявление?» Не ответив, она прошла мимо.

К счастью, в больнице никто из них ее не ждал. Николай был в сознании, но оставался в отделении интенсивной терапии.

За ночь его состояние значительно улучшилось. Теперь он полностью осознавал, кто она, но всё еще пытался понять, почему он здесь. Улыбаясь, Юля взяла его за руку. Он попытался улыбнуться в ответ, но травмы исказили лицо болью. Он спросил, всё ли в порядке с Дианой, и поинтересовался, как мы в Лондоне. Юля начала бойко рассказывать, что с Дианой всё хорошо, но она жутко переживает, и что мы благодарны небесам, что он выжил.

Юле наконец-то дали ознакомиться с медицинской картой. У Николая была раздроблена нижняя челюсть, сломано одиннадцать ребер, жуткое внутреннее кровотечение, закрытая черепно-мозговая травма, сотрясение мозга и сильное повреждение левого глаза с глазницей. На удивление, руки и ноги были в порядке, сердце, легкие и другие жизненно важные органы — тоже. Впереди месяцы мучительного выздоровления, ряд пластических операций по реконструкции лица, зрение будет ослаблено и, по всей видимости, надолго, но по сравнению с тем, что могло случиться, — это было чудо.

Они проговорили до окончания «установленных часов». И хотя Николай не мог вспомнить момент своего падения, он помнил почти всё, что предшествовало этому. Ванну, из крепкого пластика, подержанную, но в хорошем состоянии, он заказал онлайн, а доставили ее трое грузчиков транспортной фирмы. С ними он договаривался в начале недели. Они также должны были забрать у другого продавца несколько поддонов с гипсокартоном. Поскольку они жили на последнем этаже, было проще поднять всё через большой балкон с помощью лебедки, чем по лестнице. Николай был на крыше с одним из грузчиков, работавших с лебедкой, а двое других помогали снизу. Сначала подняли гипсокартон, а затем прикрепили ванну. На этом его память обрывалась.

Следующее, что помнил Николай, — это то, что он очнулся в отделении интенсивной терапии. Провал в памяти был больше трех дней. Каким-то образом Николай, ванна и лебедка оказались на земле. Николай упал левым боком на ванну, а головой сильно ударился о тротуар. Там осталась лужа крови.

Удивительно, но на Коле всё заживало как на собаке, и через десять дней он уже вышел из больницы на своих двоих. Около дома их опять поджидали полицейские — те же, которые подкарауливали Юлю каждый день. Николай был взбешен, но слишком ослаблен для разговора с ними, поэтому они с Юлей прошли мимо, как будто тех не существовало.

Пока Николай поправлялся дома, полиция не прекращала изводить семью. Они вручили всем, включая Диану, повестки, угрожали Юле уголовным преследованием за дачу «ложных» показаний, требовали от Николая подписать заявление, что это был несчастный случай, донимали семью постоянными звонками на мобильные, номера которых взяли неизвестно где. Дошли даже до того, что, разыскав Диану «ВКонтакте», отправили ей сообщение с указанием немедленно обратиться в полицию.

Но это колоссальное давление не возымело ровным счетом никакого эффекта. Юля не отозвала свое заявление, Николай не подписал никаких бумаг, а Диана и не думала с ними связываться. Гороховы не собирались идти у них на поводу, но это не помешало ментам, как всегда, списать всё на несчастный случай: ванна была слишком тяжелой, а лебедка — ненадежной.

На самом деле всё было наоборот. Ванна не была тяжелой. Грузоподъемность лебедки составляла более 450 килограммов, а ванна весила меньше 120 килограммов. В тот день, прежде чем поднимать ванну, лебедку использовали для подъема трех гораздо более тяжелых грузов — поддонов с гипсокартоном. Фотографии с места происшествия указывали, что противовесы были намеренно повреждены, что и сделало лебедку неустойчивой.

Возможно, самым ярким доказательством был протокол осмотра места происшествия, составленный полицейскими, прибывшими на вызов. Они взяли свидетельские показания только у двух из трех грузчиков. Как будто третьего просто не существовало (никто до сих пор не знает, кто это был). Оба допрошенных солгали, сказав, что никто не поднимался вверх к Николаю, поддоны с гипсокартоном они переносили вручную по лестнице, а лебедку использовали только для поднятия ванны. А еще этот звонок Ильи с угрозой! Всё это не билось.

7 апреля, через две недели после происшествия, Николай подал более исчерпывающее и расширенное заявление о преступлении. Но, как и ожидалось, это не изменило поведение полиции, и они отказались проводить расследование.

Если кто-то и виновен в этом преступлении — а мы подозреваем, что это было преступление, — то вряд ли станет известно кто. Но, несмотря ни на что, мы были счастливы, что Николай выжил, потому что наверняка не пережили бы гибели еще одного нашего юриста.

Сенатор Грассли

Лето 2017 года

Спустя месяц после происшествия с Николаем я поехал в Америку на важный для нас процесс.

Наконец-то в Нью-Йорке начинался суд по существу по делу «Превезона». После четырех лет расследования, огромных затрат времени и сил владелец «Превезона» предстанет перед лицом правосудия.

Я был главным свидетелем обвинения. В начале процесса я должен буду изложить факты, свидетельствующие об афере с 230 миллионами долларов, совершенной должностными лицами российской власти, и рассказать суду о том, что произошло с Сергеем. Это создаст контекст для жюри присяжных и позволит прокуратуре выдвинуть обвинения в отмывании денег. После дачи этих показаний новые адвокаты «Превезона» подвергнут меня изнурительному многодневному допросу. Ожидалось, что судебное разбирательство продлится месяц. Пол Монтелеони предупредил меня, что я могу провести в суде как минимум неделю.

За шесть дней до начала процесса американская прокуратура одержала очень важную победу: новый судья, назначенный вместо Гриесы, постановил принять к рассмотрению показания Николая и документы по делу Хлебникова.

Это было решающим моментом для исхода дела «Граждане США против „Превезона“». В противном случае про-

куратура не смогла бы доказать непрерывное движение 230 миллионов долларов от момента их хищения в России до получения части этих денег в Нью-Йорке и наверняка проиграла бы дело.

Компания «Превезон» сделала всё, чтобы этого не допустить. Но теперь, когда это произошло, их единственная тактика в суде — постараться стереть меня в порошок. Они будут бездоказательно поносить и обвинять меня самого в преступлении, от которого обогатилась компания «Превезон», и всячески выставят меня жадным аферистом. Поскольку в судебном процессе, с их точки зрения, все средства хороши, включая клевету и оскорбление, они бы делали это, не опасаясь последствий, и таким образом запутали бы плохо разбирающихся в финансах присяжных. Те попросту опустили бы руки и вынесли решение: «Мы просто не понимаем, кто и что сделал, и поэтому не можем признать „Превезон“ виновным».

Перед тем как отправиться в Нью-Йорк, я сделал остановку в Вашингтоне. За месяц до этого произошел неожиданный прорыв в рассмотрении нашей жалобы по Закону об иноагентах (ФАРА). Небольшая заметка в онлайн-издании «Политико» всё же не прошла незамеченной. На нее обратил внимание один из помощников сенатора Чарльза Грассли и рассказал о ней своему боссу. Это очень заинтересовало Грассли — председателя Судебного комитета Сената, одного из самых влиятельных комитетов Конгресса в Вашингтоне.

В течение многих лет сенатор Грассли поднимал вопрос о пренебрежении к этому закону. Наша жалоба была не только своевременной и конкретной, но и поднимала эту проблему с новой силой и остротой. Я несколько раз обсуждал ее с его советником по законодательным вопросам Патриком Дэвисом и рассказывал обо всех, кто участвовал в кампании по дезинформации в связи с принятием

закона Магнитского, а также о разочаровывающей работе отдела ФАРА Министерства юстиции.

Сенатор Грассли решил взять дело в свои руки и направил в Минюст письмо с требованием сообщить, что происходит с нашей жалобой. На ответ он дал им две недели. К началу мая прошел месяц, а ответа всё не было.

Я уже привык к тому, что правоохранительные органы игнорируют меня, но сомневался, что они поступят так же и с сенатором. Грассли согласился встретиться со мной в четверг, 11 мая, и обсудить, как заставить Минюст работать.

Вечером 10 мая я был в Вашингтоне. Накопившая усталость давала о себе знать. Количество дел росло как снежный ком. Я думал о том, как буду отсыпаться целую неделю по завершении суда по делу «Превезона». Но до тех пор я должен был держать себя в руках и работать как заведенный.

Той ночью в отеле «Виллард Интер-Континентал» я почувствовал, что заболеваю, причем серьезно. Наутро простуда усилилась. Во второй половине дня у меня была назначена встреча с сенатором Грассли, которую я не мог пропустить. Проглотив таблетку нурофена, я заставил себя придерживаться графика и добрался к трем часам до его офиса, где меня встретил Патрик Дэвис. В ожидании сенатора мы обсудили наше дело и поведение Минюста. Наконец к нам присоединился и сам сенатор Грассли — 84-летний республиканец из Айовы, проработавший в Сенате 36 лет. Я видел его впервые, и он произвел впечатление приятного и отзывчивого человека.

Мы обсудили ряд возможных действий после неизбежного ответа от Минюста, который, как мы оба понимали, рано или поздно придет и будет весьма лаконичным: «Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть». Он пообещал, что в таком случае вызовет их на слушания в Судеб-

ный комитет Сената и добьется от них конкретного, а не формального ответа. Грассли поинтересовался, буду ли я готов дать показания.

— Конечно, — ответил я.

К вечеру у меня разыгралась уже настоящая свирепая простуда. Было не до ужина, и, рухнув в постель в половине восьмого, я забылся сном.

С утра меня бил сильный озноб, а футболку можно было выжимать. Непохоже на простуду. Позвонив на ресепшен, я попросил принести градусник. Температура зашкаливала. Отель прислал врача. Тест на грипп был положительным. Врач прописал парацетамол, пить много жидкости и оставаться в постели. Пришлось отменить все встречи. Я проспал весь день.

Температура вечером была 39,7 °С. Даже думать о поездке в Нью-Йорк было невозможно: я с трудом доползал от кровати до ванной. Но если предположить, что я всё-таки смогу добраться до города на Гудзоне, как выстоять в суде целую неделю? К сожалению, просто взять больничный я не мог. Это серьезный процесс в федеральном суде с десятками адвокатов, свидетелей, присяжных, судьей — всё было расписано, все готовились, и я был главным действующим лицом на открытии процесса.

Я содрогался от самой мысли, что могу подвести семью Магнитского, Николая, моих коллег и американское правосудие после четырех лет борьбы. Выпив «Колдрекс» и свернувшись калачиком, я молился, чтобы к утру температура спала.

Но этого не произошло.

Проснулся я рано, до рассвета. Чувствовал себя отвратно. Голова раскалывалась, футболка снова промокла. Делать нечего — я смирился и решил сообщить Полу, что в таком состоянии я физически не смогу появиться в суде в понедельник. Я дотянулся до телефона и хотел было

отправить ему имейл, когда заметил его сообщение, пришедшее в 2:35 ночи.

Оказалось, что пока я был в гриппозном забытии, Денис Кацыв предложил урегулировать дело в досудебном порядке с выплатой 5,9 миллиона долларов правительству США. Мне было так плохо, что я не мог об этом думать, но почувствовал огромное облегчение и, поставив телефон в режим «Не беспокоить», провалился в сон еще на несколько часов.

Проснувшись и выбравшись из постели, я налил себе чаю и позвонил Ивану и Вадиму. Мы были едины в своем отношении к последним событиям и сожалели, что американский суд не вынесет обвинительный приговор «Превезону», но всё же результат был не так уж и плох. В процессе расследования американская прокуратура обнаружила еще 1 миллион долларов, которые получил «Превезон» из украденных 230 миллионов, и вместе с первоначальной найденной нами суммой в 857 764 доллара получилось почти 1,9 миллиона. Сумма досудебного соглашения в три раза превышала эту сумму.

На мой взгляд, честные люди не платят 5,9 миллиона долларов за то, чтобы избавиться от проблемы, к тому же еще 15 миллионов долларов, по моим оценкам, «Превезон» заплатил своим юристам. Цена сокрытия происхождения 1,9 миллиона долларов предполагаемых грязных денег была очень высока.

Во вторник жар наконец-то спал, и ко мне вернулись силы. Я позвонил Патрику из офиса сенатора Грассли, чтобы поделиться новостью о досудебном урегулировании дела «Превезона», но он уже был в курсе. Как и мы, они были озадачены, но произошедшее не имело прямого отношения к нашей жалобе по ФАРА, и они продолжали двигаться вперед полным ходом. Патрик сообщил мне, что только что пришел ответ из Минюста. Как и ожида-

лось, сенатор получил отписку: «Мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть».

Патрик сказал, что слушания назначены на 16 июля в Судебном комитете Сената, и спросил, смогу ли я присутствовать. Несмотря на мои планы побыть с семьей в Колорадо, я ответил, что обязательно приеду.

В Лондон я возвращался в приподнятом настроении. Я выздоровел, мне больше не надо было думать о деле «Превезона», наша жалоба по ФАРА принесла неожиданный результат в виде слушаний, и главное, намечался серьезный прорыв на другом фронте: всё шло к тому, что Канада в течение ближайших нескольких месяцев примет свой собственный закон Магнитского.

И всё это великолепие завершала планируемая телепередача «Эн-Би-Си», в которой, как я надеялся, будет откровенно рассказана вся история дела Магнитского и всё, что с ним было связано позже. Я не знал, когда эфир, но надеялся, что передача выйдет до слушаний в судебном комитете.

И 7 июля, спустя месяц, передача вышла на канале «Эм-Эс-Эн-Би-Си». Мы с супругой как раз собирались отправиться в Колорадо. Ведущий передачи Ричард Энгель не просто рассказал историю Сергея и аферы с 230 миллионами долларов, но и добавил сюжеты об отравлении Владимира Кара-Мурзы, убийстве Бориса Немцова и «несчастном случае» с Николаем Гороховым. Передача получилась убойная.

На рассвете мы с Еленой погрузили детей в машину, а позже всей гурьбой прошли контроль в Хитроу и заняли свои места на рейсе «Юнайтед» в Чикаго, где планировали пересесть в самолет до Аспена. Впервые за долгое время я смог выдохнуть, а галдеж наших детей даже как-то успокаивал.

Я провалился в сон, а заботливая жена бережно охраняла его весь полет.

В Башне Трампа

Лето 2017 года

Ранним утром, после восьмичасового перелета в эконом-классе, мы приземлились в аэропорту О'Хара. Я прекрасно выспался, чего нельзя было сказать о детях. Они устали, проголодались и капризничали. Мы знали, что если не накормить наших четверых спиногрызов, то раздражение перерастет в бунт во время следующего перелета. Елена занимала детей, а я отправился на разведку в поисках закусочной, которая бы нам понравилась. В самом конце Терминала №1 я нашел суши-бар «Викер Парк Сифуд». Схватив детей в охапку, мы дошли до бара, заняли столик и наконец-то сделали заказ.

Удивительно, но еду принесли быстро, и так же быстро детишки умяли калифорнийские роллы и креветки темпура. Настроение у всех явно улучшилось. Ух! Кризис миновал. Тут зазвонил телефон. Это была Джо Беккер — журналистка из «Нью-Йорк Таймс», дважды лауреат Пулитцеровской премии. Мы с ней как-то встречались в Лондоне.

С момента инаугурации Трампа скандал, связанный с его выборами и влиянием на них России, только разрастался и становился всё более захватывающим. Буквально накануне вечером Трамп провел импровизированную встречу с Путиным на саммите «Большой двадцатки» (G20) в Гамбурге. Я подумал, что Джо звонила именно по этому поводу, но она с ходу задала иной вектор.

— Вам знакома некая адвокатесса Наталья Весельницкая? — спросила она.

— Знакома ли она мне?! — не веря своим ушам, ответил я.

Я отошел от нашего столика и присел в кресло в укромном местечке у огромного витража с видом на летное поле. Джо уже многое знала о Весельницкой, и ее интересовало то, что не на поверхности. Для простоты восприятия я отправил ей нашу презентацию о кремлевской дезе с участием Весельницкой — ту самую, которую безуспешно предлагал многим изданиям прошлой осенью, — и детально прошелся с Джо по всем пунктам.

Закончив, я поинтересовался:

— Откуда такой интерес?

Она ответила уклончиво:

— Поймете, прочитав сегодняшний номер.

Заинтригованный, я вернулся к своим за столик. Джо была первой, кто позвонил и поинтересовался персоной Весельницкой, и главное — она ведущий журналист «Нью-Йорк Таймс». Доедая суши, я то и дело обновлял приложение «Нью-Йорк Таймс» на телефоне, но ничего не появлялось. Объявили посадку на наш рейс. Самолет компании «Юнайтед Экспресс» был довольно маленький и в нем не было вайфая, поэтому я смог узнать, о чем написала Джо, только по прилете.

Через несколько часов шасси коснулись полосы, и я включил телефон. Вот оно! «Команда Трампа встречалась с юристом, связанным с Кремлем, во время предвыборной кампании».

Это была бомба! Статья рассказывала о том, как Наталья Весельницкая встречалась с сыном Трампа Дональдом Трампом-младшим, его зятем Джаредом Кушнером и руководителем его предвыборной кампании Полом Манafortом 9 июня 2016 года в Башне Трампа для обсужде-

ния закона Магнитского. С начала скандала, связанного с Трампом и вмешательством России в выборы, это был первый подтвержденный контакт между российской гражданкой и ближайшим окружением Трампа в преддверии выборов.

Ошеломленный, я шел по аэропорту, рассеянно «помогая» жене подгонять ораву детишек. Тот факт, что закон Магнитского оказался в центре одного из крупнейших политических скандалов в истории США, будоражил мой мозг. Еще более невероятным было то, что Кремль через Весельницкую смог добиться аудиенции с сыном будущего президента США.

В ожидании багажа у ленты транспортера моя младшая дочь Ханна, взяв меня за руку, спросила:

— Пап, а мы пойдем завтра купаться?

В ответ я пробормотал что-то невразумительное, не в силах перестать снова и снова прокручивать статью в голове. Каждый раз я застревал на дате — 9 июня 2016 года.

Почему она казалась мне такой знакомой?

Я открыл свое расписание и пролистал его назад. Ну конечно же! 9 июня 2016 года проходило заключительное слушание в федеральном суде второго округа по дисквалификации «Бейкер-Хостетлер»! На нем присутствовала Весельницкая. Гленн Симпсон тоже был там. Должно быть, прямо из суда она отправилась в Башню Трампа.

Это было невероятно.

Уже дома я всё пытался помочь супруге с детьми, но мой телефон разрывался от звонков. Имейлы, эсэмэски и сообщения приходили из всех уголков планеты. Похоже, что на меня замкнули сотни изданий: Джо процитировала меня в своей статье, и я оказался одним из немногих, если не единственным, на Западе, кто много знал, и не понаслышке, об этой загадочной российской адвокатессе.

Плавание с Ханной придется отложить.

Уединившись, я начал отвечать на сообщения и договариваться о телеинтервью на следующий день. Из-за смены часовых поясов и зашкаливающего адреналина в ту ночь я смог поспать всего несколько часов. С утра я поехал в Институт Аспена. К счастью, Аспен — одно из немногих мест между Солт-Лейк-Сити и Денвером, где есть своя телевизионная студия. Это, конечно, громко сказано. Студия располагается в тесном подвале, обитом звукоизоляционными панелями. Институт использует ее для небольших съемок своих семинаров. Но всё же там был свой телеоператор — Джейсон. Вероятно, он занимался этим не ради денег, а ради возможности жить в горах и кататься зимой на лыжах. Но на той неделе Джейсон был востребован на все сто, и плечом к плечу мы работали не покладая рук.

Именно с его помощью из этой маленькой комнаты велась трансляция интервью, из которого мир узнал о том, кто такая Наталья Весельницкая — российская адвокатесса и оперативница Кремля. Я объяснял, что такое закон Магнитского и почему его отмена стала главной целью внешней политики Путина. Я также рассказывал о том, что, как только Трамп стал кандидатом в президенты от республиканцев, Путин увидел в нем новую возможность достижения своей цели и возложил эту миссию на Весельницкую, отправив ее в Америку.

Медиа хотели услышать мою точку зрения о том, что произошло на встрече в Башне Трампа. И хотя я не присутствовал на ней, но был практически уверен в том, что там прозвучало мое имя и Весельницкая просила Трампа в случае победы на выборах отменить закон Магнитского. Я не знаю, что она предлагала взамен. Но наверняка всё это было частью изошренной операции российской разведки, и Весельницкая пришла к Трампу просить о таком большом одолжении не с пустыми руками. На все эти

вопросы могли ответить только те, кто там был, но после статьи в «Нью-Йорк Таймс» Весельницкая как будто провалилась сквозь землю, а Трамп-младший испугался.

Сначала он пытался преуменьшить значение произошедшего, утверждая, что это была не более чем «мимо-летняя ознакомительная встреча», в основном касающаяся «усыновления [российских] детей». Он не стал уточнять, но, как мы все знаем, под «усыновлением [российских] детей» подразумевалась отмена закона Магнитского и ничто иное.

Под неослабевающим давлением прессы, в попытке устранить недомолвки Трамп-младший опубликовал ряд имейлов, демонстрирующих, каким образом была организована эта встреча. Но этим добился обратного эффекта.

Электронная переписка, опубликованная Трампом-младшим, была между ним и Робом Голдстоуном — английским музыкальным продюсером, который работал на сына одного влиятельного олигарха и друга семьи Кацывов. Голдстоун писал, что «Королевский прокурор России» (неправильное указание должности генерального прокурора Юрия Чайки) предложил прислать к нему «российского государственного советника», который «предоставит избирательному штабу Трампа некоторые официальные документы и информацию, уличающие Хиллари в ее [грязных] делишках с Россией». И эти документы, по словам Чайки, «могут пригодиться твоему отцу».

Трамп-младший ответил: «Если это то, о чем вы говорите, то мне это нравится».

Так мы узнали, что было предложено взамен.

Теперь это был настоящий скандал, причем чреватый взрывом. Если отбросить его серьезные политические последствия, он стал идеальным фоном для предстоящих 16 июля слушаний в Судебном комитете Сената. И хотя номинально они касались только ФАРА, эти слушания всё

равно станут хитом, так как мои показания будут затрагивать Весельницкую и ее деятельность в Вашингтоне.

Еще более сильный импульс слушаниям придал сенатский Судебный комитет, вызвав для дачи показаний Дональда Трампа-младшего, Гленна Симпсона и Пола Манафорта. Этот шаг заставит весь мир следить за слушаниями с неусыпным вниманием.

До того как стало известно о встрече в Башне Трампа, я планировал отвезти свою среднюю дочку, Веронику в детский лагерь в Нью-Джерси, а затем отправиться в Вашингтон. Но теперь, после вызова Трампа-младшего, Симпсона и Манафорта, слушания перенесли на 26 июля, а это означало, что мне придется съездить в ту сторону дважды.

14 июля мы с Вероникой должны были лететь в Ньюарк. В то утро я проснулся рано, всё еще живя по лондонскому времени и в ритме напряженного расписания прошлой недели. Стараясь не потревожить супругу, я достал телефон и тихонько просматривал почту и новости. Ничего из ряда вон выходящего за ночь не произошло.

Но уже после семи утра на «Эн-Би-Си» вышла статья под названием «Бывший сотрудник советской контрразведки был на встрече с Дональдом Трампом-младшим и российской адвокатессой».

Оказалось, что Весельницкая была не одна.

По какой-то причине журналист Кен Диланиан всячески избегал называть имя этого «бывшего сотрудника советской контрразведки»*, но мне было ясно, кто это был. Я скопировал ссылку на статью и выложил ее в «Твитте-

* Годом ранее, на пике кампании по дезинформации журналист Кен Диланиан пытался опубликовать в «Эн-Би-Си» статью, которая была «скормлена» ему Весельницкой и Ахметшиным и в которой повторялась лживая история Кремля обо мне и Сергее. К счастью, после того как мы предоставили документы и факты руководству, они сняли эту статью с выпуска.

Ринат Ахметшин, Вашингтон,
июнь 2016 года (© HERMITAGE)

ре», сопроводив таким комментарием: «Любопытно, почему „Эн-Би-Си“ не назвала имя „бывшего сотрудника разведки“? Единственный компаньон Весельницкой, соответствующий описанию, — это Ахметшин».

Через час агентство «Ассошиэйтед Пресс» подтвердило, что Ринат Ахметшин действительно присутствовал на той встрече. Телефон снова взорвался. Пока мы с Вероникой в последний раз проверяли вещи для лагеря по списку, меня постоянно отвлекала пишущая братия, желающая побольше узнать об Ахметшине.

Во второй половине дня мы должны были улетать через Денвер. Мы прошли контроль и сдали чемодан дочери, и тут позвонил работающий над статьей журналист и спросил:

— Вы когда-нибудь встречались с Ахметшиным? Не парень, а тайна, покрытая мраком. Я нигде не могу найти его фото.

— Я его не знаю, — ответил я. — Но я сидел от него через пару мест на слушаниях в Конгрессе в прошлом году. Мой коллега сделал несколько фотографий.

— Шикарно! Осчастливьте, поделитесь, пожалуйста.

Я позвонил Вадиму, и он отправил снимки журналисту. Через несколько минут статья вышла вместе с фотографиями, под которыми мелким шрифтом был указан копирайт «Hermitage Capital».

Через 45 минут мы с Вероникой приземлились в Денвере. За это время я получил сообщения от десятка фоторедакторов, которые умоляли разрешить им использовать наши фотографии. Я согласился и с нетерпением ждал выхода новых статей.

Добравшись до Нью-Йорка под вечер и заселившись в отель, мы сходили в китайский ресторанчик и рано легли спать. Утром отправились на завтрак в кафе отеля, где на маленьком столике у входа были разложены утренние газеты. Я обратил внимание на таблоид «Нью-Йорк Пост». Верхнюю часть первой полосы занимала наша фотография Ахметшина, а заголовок гласил: «Трампа напуган: бывший российский „шпион“ тоже был на встрече с младшим».

Эта же фотография в тот день попала более чем в десяток изданий.

В то утро у меня было запланировано интервью с Фаридом Закарией на «Си-Эн-Эн», и затем мы с Вероникой продолжили наш путь. Дорога проходила в зоне сильных помех, но мы с дочуркой общались без помех и доехали до самых ворот детского лагеря на реке Делавер, успев на регистрацию в срок.

Пока я был в пути, американская пресса наконец-то по-иному взглянула на нашу жалобу по ФАРА, и ко времени моего возвращения в Аспен журналисты уже вплотную занимались Крисом Купером, Андреем Некрасовым, Даной Рорабахером и даже его правой рукой, Полом Берендсом. Появившиеся статьи о Берендсе были настолько убийственными, что он был немедленно уволен с долж-

ности в Комитете по иностранным делам Палаты представителей.

Позже, 19 июля, за неделю до начала слушаний, президент Трамп сам втянул себя в гущу событий, дав развернутое интервью газете «Нью-Йорк Таймс». В нем было всё наперекосяк — типично для Трампа; но ближе к концу он произнес нечто весьма откровенное.

Во время торжественного ужина в последний вечер саммита Большой двадцатки в Германии Трамп пересел с отведенного ему по протоколу места рядом с женой японского премьер-министра к своей жене Мелании, которая сидела рядом с Путиным. Трамп без помощников и переводчиков общался с Путиным в течение часа. На вопрос газеты «Таймс», о чем они говорили, Трамп ответил: «На самом деле было очень интересно, мы говорили об усыновлении».

На следующий день Трамп-младший заявит то же самое о своей встрече с Весельницкой. Это не было случайностью. Позже, в конце июля, стало известно, что президент Трамп продиктовал прессе первоначальное заявление Трампа-младшего, когда он возвращался из Германии на борту номер один.

Большинство людей вряд ли обратили внимание на его признание, но оно было знаковым. Президент Трамп и его сын знали, что «усыновление» — это безобидно звучащий код для закона Магнитского, и теперь они оба очень старались преуменьшить зловещее значение встречи в Башне Трампа.

Мое запланированное выступление в Судебном комитете Сената дало бы шанс связать всё воедино и показать, что закон Магнитского не только определял политику Путина в отношении Запада, но и стал причиной его дерзкого вмешательства в политический процесс в Америке.

Такой шанс выпадает только раз.

Судебный комитет Сената

Лето 2017 года

В течение недели, оставшейся до слушаний, я писал и переписывал свою речь. Она была самым важным документом, над которым я когда-либо работал, и должна была звучать убедительно.

Обычно приглашенные выступить на слушаниях зачитывают подготовленные речи с листа, но только не я. Во время выступлений я смотрю законодателям в глаза и рассказываю историю, идущую от души.

Речь выступающего не должна превышать семи минут. Прочитав ее вслух несколько раз, я повторил ее по памяти, вышагивая по кабинету и засекая время. На компьютере внес правки, подсократил текст и снова проговорил всё вслух. И еще раз, и еще. Всю неделю я жил и дышал своим выступлением, стараясь сделать его идеальным.

Вечером перед отъездом из Колорадо я переслал текст выступления Патрику Дэвису в Судебный комитет Сената.

Ближе к вечеру я прибыл в Вашингтон и остановился вновь в гостинице «Виллард». Заселившись, я принялся репетировать свою речь в последний раз. Чуть меньше семи минут. Легко поужинав и поговорив с супругой по телефону, я лег спать, причем довольно рано. Утром предстояло давать показания вместе с Дональдом Трампом-младшим, Гленом Симпсоном и Полом Манафортам. Нужно быть отдохнувшим и собранным.

На всякий случай я проверил почту. Пришло сообщение от Патрика: «Билл, в связи с большим наплывом прессы место проведения слушаний перенесено в здание имени Харта, зал № 216. Этот зал вместительнее».

Событие приобретало грандиозные масштабы.

К семи утра я уже был в костюме и галстуке. Спускаясь на лифте, я просматривал новости. Трамп только что разместил твит о серьезном изменении в политике: он запретил американцам-трансгендерам проходить службу в армии. На заре своего президентства всякий раз, когда Трамп был недоволен потоком новостей, он размещал какой-нибудь возмутительный твит, зная, что СМИ заглотят новую наживку и забудут о текущих событиях. Я очень надеялся, что сегодня пресса не поведется на этот трюк.

Мы встретились с Джулианной в ресторане отеля. Она согласилась поддержать меня на слушаниях полезным советом в случае обострения ситуации, особенно с Гленом Симпсоном.

После быстрого завтрака мы вернулись в вестибюль, где меня должны были ждать ребята из охраны. Обычно в Вашингтоне я не нанимаю охрану, но мне предстояло вывалить грудку грязного кремлевского белья в прямом эфире национального телевидения, поэтому надо было готовиться к худшему. Два охранника, приставленные ко мне, недавно вернулись из Ирака. В Голливуде любят таких карикатурных телохранителей: оба под два с лишним метра, по 115 килограммов каждый, бритые налысо, с козлиными бородками, в плохо сидящих костюмах, но в удобной обуви для бега или драки. Носить оружие в правительственных зданиях запрещено, но и без оружия вид у них был пугающим.

Вчетвером мы вышли из отеля, забрались в «Эс-Ю-Ви» с затемненными стеклами и поехали в офисное здание Сената им. Харта.

Выйдя из лифта на втором этаже здания, мы увидели очередь в несколько сотен человек к залу № 216. Я не был раньше в этом зале, но вряд ли и половина из них поместилась бы в нем.

Фокус Трампа с запретом службы для трансгендеров и его расчет на то, что он сможет заставить «хвост вилять собакой», в этом случае не сработали.

Поскольку я был выступающим, нам не пришлось стоять в очереди. Мы протиснулись вперед. Когда мы проходили через двойные двери в зал заседаний, на нас набросились журналисты с телекамерами и газетные фотографы, но в этот момент появился Патрик Дэвис и, взяв меня за руку, утащил нас всех подальше от суматохи в служебную комнату за президиумом.

Он показал нам пару свободных мест в углу и отошел поговорить с сенатором Грассли.

В комнате суетились сотрудники аппарата, кому-то звонили, с кем-то переписывались по почте, кто-то постоянно входил и выходил. В воздухе висело ожидание чего-то непредвиденного.

Патрик вернулся через несколько минут.

— Трамп-младший, Манафорт и Симпсон не придут, — сказал он. — Трамп-младший и Симпсон договорились о даче показаний в закрытом режиме, а Манафорта нам, похоже, придется вызвать через суд. Вы выступаете после ребят из Минюста.

Я вздохнул с некоторым облегчением. Трамп-младший и Манафорт привлекли внимание всего мира к этому слушанию, но если бы они всё-таки пришли, то в зале «не осталось бы кислорода» для других выступающих. Теперь же сенаторы сосредоточатся на моей истории, не отвлекаясь на возможные сенсации. (Кроме того, больше не нужно было беспокоиться о Гленне Симпсоне и о том, что он, как всегда, начнет распространять российскую дезинформацию).

Слушания Судебного комитета Сената, 26 июля 2017 года (© C-SPAN)

Без пяти десять мы снова вошли в зал. Я видел только вспышки и слышал непрерывное щелканье затворов фотокамер. В этот момент я стал предельно собранным и контролировал каждый свой шаг. Никаких эмоций и неловких движений, которые на века запечатлеют камеры.

Зал был забит под завязку. Репортеры плечом к плечу толпились вокруг стола прессы, их ноутбуки были открыты и готовы к работе. С десятков фотографов сидели на полу между столом для выступающих и президиумом для сенаторов.

Представители Минюста США расположились за столом для выступающих. Моим охранникам сказали встать вдоль стены, а нас с Джулианной проводили к зарезервированным местам во втором ряду. Повсюду щелкали фотоаппараты. По привычке я потянулся к своему телефону,

но решил не вытаскивать его, чтобы сообщения на экране не стали достоянием случайного фотографа.

Сенатор Грассли стукнул председательским молотком. Слушания начались. Сенатор объяснил, что Трамп-младший, Симпсон и Манафорт сегодня не будут выступать. По залу прокатилась волна коллективного разочарования.

После двадцати минут формальностей сотрудники Минюста были приведены к присяге. Каждый зачитывал подготовленное заявление, едва отрывая взгляд от текста.

Никто из них не хотел обсуждать свои неудачи при применении закона об иноагентах, заполняя отведенное им время профессиональным жаргоном и нудной болтовней и прекрасно понимая, что никто не запомнит ни одного сказанного ими слова. И это, похоже, у них получалось отлично. Пока они зачитывали текст, сенаторы занимали себя просмотром почты в телефонах или перешептывались с помощниками.

Через пятнадцать минут начались вопросы сенаторов. Ответы чиновников были так же бессодержательны, как и подготовленные ими речи. Все пришедшие ждали фейерверка, а получили пустышку.

Эту тоску зеленую нарушило неожиданное объявление сенатора Грассли о том, что демократы только что воспользовались «правилом двух часов». Джулианна наклонилась и тихо пояснила, что это процедура, которая ограничивает слушания ровно двумя часами и ни минутой больше.

— А зачем им это? — прошептал я.

Она пожала плечами.

— Я думаю, к вам это не имеет никакого отношения. Скорее всего, это какая-то не связанная с нами политическая игра.

Какова бы ни была причина, но каждая минута болтовни этих ребята из Минюста уменьшала время моего вы-

ступления. По мере продолжения слушаний становилось ясно, что времени на меня просто не останется.

Я посмотрел на Джулианну.

— Неужели всё сорвется?

— Не волнуйтесь. Грассли найдет способ.

Она была права. Через несколько минут сенатор Грассли объявил, что слушания возобновятся завтра в 9 утра. Мое выступление будет единственным пунктом повестки дня.

Обычно требуются месяцы, чтобы выкроить десять минут для беседы с одним сенатором. Теперь же у меня будет целых два часа с группой самых важных американских законодателей.

* * *

Я проснулся очень рано утром и был во всеоружии.

Накануне вечером телеканал «Си-Эн-Эн» пригласил меня на утреннее интервью. В 6:30 утра я уже был в их студии рядом с «Юнион-Стейшн». Передо мной выступал Энтони Скарамуччи — новый директор по коммуникациям президента Трампа, который ночью разразился тирадой в интервью газете «Нью-Йоркер», назвав Райнса Прибуса, тогдашнего главу администрации Трампа, «гребаным параноидальным шизофреником», а когда репортер предположил, что Энтони не хватает общения со СМИ, он ответил: «Я не Стив Бэннон, я не пытаюсь сосать свой член».

Я давно знал Энтони Скарамуччи, хитрого и словоохотливого нью-йоркца, и он мне нравился. После выхода моей книги «Красный циркуляр» каждый раз, когда мы с ним сталкивались, он сцеплял руки ниже паха, как будто держал в них что-то тяжелое, и говорил: «Чувак, у тебя гребаные медные яйца — так тянуть на Путина!» Сквернословие

было частью его обаяния, но последние комментарии для «Нью-Йоркера», даже при отмороженном Трампе, были уже слишком.

В то утро я ждал своей очереди в фойе для гостей шоу «Си-Эн-Эн», а Энтони был в эфире с телефона. Он пытался объяснить произошедшее, но ведущий Крис Куомо не признавал этих объяснений. Интервью получилось жарким и длилось почти полчаса. Обычно все утренние шоу расписаны по секундам, и такой перебор по времени практически невозможен.

Энтони наконец-то закончил, и я собрался выйти на съемочную площадку. До начала слушаний в Сенате было еще много времени. Но во время рекламной паузы, разделявшей Энтони и меня, на площадку выбежала взволнованная продюсер и сказала:

— Мне очень жаль, господин Браудер, но у нас не осталось на вас времени. Предыдущий гость выступал слишком долго.

— Меня обидел забияка [*итал. «скарамучча» — маленький забияка*]? — пошутил я.

Улыбнувшись, она повторила:

— Мне очень жаль.

До начала слушаний оставалось еще два часа, и вместе с телохранителями мы отправились в закусочную неподалеку от Капитолия, где я угостил их завтраком. За яичницей и тостами они рассказывали мне свои боевые истории о самодельных взрывных устройствах и борьбе с повстанцами в Ираке. Это разговор позволил забыть о нервозности предстоящих слушаний.

Подкрепившись, мы вновь отправились в здание Сената им. Харта. Я ожидал, что без Трампа-младшего и Манafortа народу будет меньше, но не был готов к тому, что увидел. Выйдя из лифта, мы оказались в абсолютно пустом коридоре. Не было ни очереди, ни толпы репор-

теров, ни дополнительного обслуживающего персонала. В зале заседаний был один-единственный фотограф, сидевший на полу, перед столом выступающих, скрестив ноги, а телекамеры были только от «Си-СПАН» (C-SPAN), в обязанности которой входит съемка всех заседаний комитета, какими бы незначительными они ни были. Пресса была представлена одним журналистом в красно-синей гавайке и темно-синем спортивном пиджаке. Я понятия не имел, кто он и из какого новостного агентства.

Было досадно, но с этим ничего нельзя было поделать. Я сосредоточился на сенаторах и притворился, что зал полон.

Я занял единственное место за столом приглашенных, а мои телохранители сели по бокам в первом ряду.

Около девяти сенатор Грассли спустился с возвышения президиума и подошел ко мне поздороваться и поблагодарить за то, что я согласился остаться еще на день. Обведя пустой зал рукой, я спросил:

— Похоже, кроме меня, больше нет выступающих. Нужно ли придерживаться лимита в семь минут?

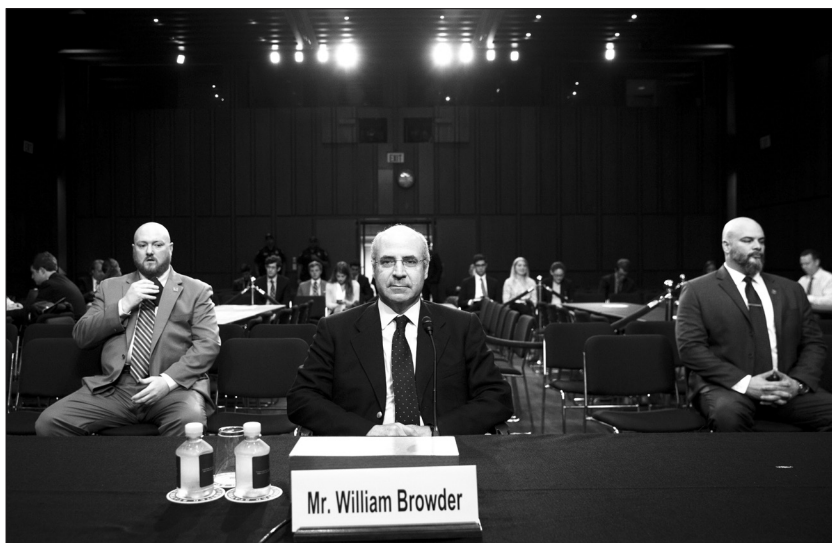
Положив руку мне на плечо, сенатор Грассли добродушно ответил:

— Нет, сегодня всё время ваше, Билл.

Меня привели к присяге.

Я не взял с собой ни бумаг, ни блокнота, ни ручки, и некому было помочь (Джулианна уже улетела в Калифорнию по делам). Но я не нервничал. Я не был стеснен временем, и в течение одиннадцати минут я рассказывал нашу историю так, как я ее чувствовал.

Большинство слушаний в Сенате — это отчасти спектакль. Сенаторы произносят речи и задают вопросы, усиливая свою партийную линию, и сейчас не обошлось без этого. Республиканцы пытались дискредитировать Гленна Симпсона и хотели услышать от меня, что досье на

Слушания Судебного комитета Сената, 27 июля 2017 года (© DREW ANGERER/GETTY IMAGES NEWS/GETTY IMAGES)

Трампа было полным вымыслом, а демократы давили на то, что встреча в Башне Трампа была доказательством сговора между Кремлем и избирательным штабом Трампа.

Я не поддался, держа курс прямо по центру. Я не мог позволить превратить эти слушания в партийные разборки. Мне нужно было, чтобы и республиканцы, и демократы продолжали работать вместе. Мне нужно их единение, чтобы дать отпор Путину, который пытался сорвать принятие закона Магнитского. К счастью, по мере продвижения слушаний партийные разборки сошли на нет, и сенаторы обеих партий искренне хотели понять, зачем Кремль так поступает и почему Путин так себя ведет.

В течение часа и сорока пяти минут я раскрывал его мотивацию. Я рассказывал о том, как часть денег из украденных 230 миллионов долларов поступила на счета доверенного лица Путина — виолончелиста Сергея Ролдугина. И о том, что это не единичный случай, а одно из тысяч

преступлений, от которых Путин получил выгоду, и смог сколотить состояние, оцениваемое в 200 миллиардов долларов. И что почти всё это состояние хранится в финансовых учреждениях на Западе и может быть заморожено в соответствии с законом Магнитского. Именно по этим причинам этот закон представлял собой угрозу лично для него и для его армии высокопоставленных чиновников.

Четверо из девяти сенаторов были бывшими прокурорами, и их профессиональная дотошность и умение докапываться вопросами до сути позволили многое прояснить. Когда я закончил отвечать, мне показалось, что присутствующие в зале законодатели наконец прозрели. Впервые всё обрело смысл: одной из главных причин вмешательства Путина в американские выборы и был закон Магнитского.

По окончании слушаний я встал из-за стола и начал болтать с Патриком Дэвисом. В этот момент к нам подошел старший сотрудник сенатора от Калифорнии Дайэнн Файнштейн, основной участницы Судебного комитета Сената, и спросил, не мог ли я уделить ей несколько минут. Я согласился и последовал за ним в служебную комнату. Дайэнн поблагодарила меня за то, что я остался еще на день, и сказала, что мое выступление было одним из самых сильных за ее двадцатипятилетнюю карьеру сенатора США.

Как оказалось, несмотря на то, что в зале заседаний практически никого не было, за дебатами наблюдали десятки тысяч людей, и они удались: огромное количество людей подписались на мой «Твиттер», видео «Си-СПАН» побило все рейтинги популярности (такие вещи случаются!), последовал ураган публикаций в прессе, моя книга «Красный циркуляр» вернулась на первые строчки списка бестселлеров «Нью-Йорк Таймс», и самое главное — закон Магнитского получил железную поддержку.

Во время слушаний на сессии «вопросов и ответов» сенатор Корнин, республиканец из Техаса, и сенатор-ша Файнштейн прямо заявили, что закон Магнитского ни за что не будет отменен. А сенатор Уайтхаус, демократ из Род-Айленда, пошел еще дальше, предложив внести в закон поправку, не дающую президенту право исключать людей из «списка Магнитского» без согласия Конгресса (поправка, которая на момент написания этой книги не была внесена, но я ее полностью поддерживаю).

Но важнее всего была публичность. Если до слушаний в Судебном комитете Сената о Сергее и законе Магнитского слышали только 0,1% американцев, то когда прошли все публикации и отклики на них в СМИ, эта цифра стала расти в геометрической прогрессии. Подавляющее большинство американцев — и, безусловно, сам Владимир Путин — услышали этот посыл.

Закон Магнитского останется законом. Его не отменят.

Международный доступ

Конец 2017 года

Реакция Кремля на мои показания не заставила себя ждать. Всего через несколько дней после слушаний в Сенате заместитель генпрокурора Виктор Гринь, тот самый чиновник из санкционного списка Магнитского, который весной 2016 года встречался в Москве с конгрессменом Даной Рорабахером, затеял новое заочное судилище. Меня обвиняли в мошенничестве, фиктивном банкротстве и, разумеется, в уклонении от уплаты налогов — старый и испытанный трюк режима Путина. Мой коллега Иван стал моим соотчетчиком. Это судебное шоу не стоило даже того, чтобы направлять туда наших адвокатов, но Кремлю очень хотелось поквитаться.

Если они думали запугать меня, то они просчитались. Я как заведенный работал по продвижению кампании справедливости в отношении Магнитского, и спустя несколько месяцев, 4 октября, Палата общин Канады единогласно (277 голосов — «за», 0 — «против») проголосовала за принятие собственной версии закона Магнитского. 17 октября он так же единогласно был принят Сенатом, уже на следующий день подписан премьер-министром и вступил в силу.

Канадский закон Магнитского стал важной вехой. Дело было даже не в том, что российские коррупционеры и прочие мерзавцы скупали недвижимость в Торонто или хра-

нили свои деньги в банках Монреаля, а в том, что это стало примером для других стран. Многие страны не готовы следовать примеру Соединенных Штатов либо из-за гордыни, либо из ненависти, но к Канаде такого отношения не было. Я знал, что Канада способна вызвать цепную реакцию в других странах, и те примут свои законы Магнитского.

Очевидно, Путин тоже это понимал.

Во второй половине дня 19 октября я планировал нашу совместную с семьей Сергея поездку в Оттаву на торжества по случаю принятия закона Магнитского, как вдруг получил автоматическое уведомление от Погранично-таможенной службы США (ПТС США): *«Статус вашей заявки изменен. Пожалуйста, зайдите на сайт Trusted Traveler для получения дополнительной информации»*.

Странно. Я летел в Канаду напрямую, а не через Америку, и не подавал никаких заявок в ПТС США. Я подумал, что это, наверное, спам или какая-то попытка фишинга. Адрес отправителя — *no-reply@cbp.dhs.gov* — не вызывал сомнений, но это ничего не значило. Помню, семь лет назад, первого апреля, я получил электронное письмо с адреса *events@whitehouse.gov* с приглашением провести уик-энд вместе с президентом Обамой. Я был очень взволнован и польщен, пока не обнаружил в нем семь грамматических ошибок и понял, что это был дурацкий розыгрыш. Тогда я рассказал об этом своему 15-летнему сыну Дэвиду, а он, озорно улыбаясь, объяснил, что придать электронному письму вид, будто оно из Белого дома или откуда-то еще — проще простого.

Я постарался забыть о сообщении, но оно не давало мне покоя, и через полчаса я снова вернулся к нему. Надо было разобраться.

Я никогда не открываю ссылки из писем незнакомых отправителей, поэтому я набрал адрес в интернете и зашел на государственный сайт ПТС. После ввода паролей я ока-

зался на своей страничке и увидел неожиданное предупреждение: «Ваш Международный доступ аннулирован». Международный доступ (англ. Global Entry) — это программа Службы погранично-таможенного контроля США, которая позволяет участникам проходить паспортный контроль без очереди в большинстве аэропортов США, минуя все формальности.

Как и все, я не люблю очередей, но дело было не в этом. Произошло что-то нехорошее. Это казалось маловероятным, но внимание к Трампу, Путину и их возможному сговору было настолько велико, что я невольно задумался, не заключили ли они какую-то грязную сделку в отношении меня у всех за спиной.

Но как это выяснить? Я не мог просто взять и позвонить в посольство США в Лондоне и спросить, нет ли меня в списке невъездных, составленном Трампом и Путиным. Уверен, что они ничего не знали, а если и знали, то не сказали бы.

Логика подсказывала, что первым делом нужно выяснить, была ли отозвана моя американская виза или проблема в программе Международного доступа. Граждане Великобритании и Европы въезжают в Соединенные Штаты по так называемой ЭСАП (электронная система авторизации поездок, англ. ESTA). Это своего рода «виза-лайт». Вы подаете заявку через интернет, и если вы не террорист или злодей, то за 12 долларов вы моментально получаете эту визу на два года.

Я зашел на сайт ЭСАП, чтобы проверить статус моей визы, но ничего конкретного там не было.

Самым простым способом проверить, не аннулирована ли виза, было купить возвратный авиабилет и зарегистрироваться на рейс онлайн. Если авиакомпания выдаст электронный посадочный талон, значит, с ЭСАП всё в порядке. Но этого не произошло: в автоматическом сообще-

нии на сайте авиакомпании «Юнайтед» говорилось, что они не могут оформить посадочный талон и просят меня подойти к их стойке регистрации в аэропорту для решения проблемы.

На метро я доехал до вокзала Паддингтон, а потом на экспрессе до аэропорта Хитроу. Вся поездка заняла меньше часа. Я нашел ближайшую стойку регистрации и встал в небольшую очередь. Подойдя к окошку и поздоровавшись с дежурным, я протянул свой паспорт. Он ввел мои данные в систему. Тишина. Он повторил ввод. По-прежнему ничего. Я поинтересовался, в чем дело. В растерянности он подозревал супервайзера. Ее попытки ввода тоже не увенчались успехом. Она позвонила, как я предположил, представителю ПТС США в Хитроу и попросила подойти к ее рабочему месту. Меня она попросила подождать, добавив, что сообщит, как только всё уладит.

Через несколько минут она взглянула на меня. Кислое выражение ее лица говорило даже больше, чем последующая фраза.

— Мне очень жаль, господин Браудер, но ваш ЭСАП недействителен.

— Почему? Что-то случилось?

— Мне не сообщили причину.

— Что же мне делать?

— Я бы посоветовала обратиться в американское посольство. Мне очень жаль, но мы ничем не можем вам помочь.

В раздумьях я отошел от стойки. Я понимал, что всё это каким-то образом связано с Кремлем. Но как они смогли заставить Америку пойти на уступки? Если это действительно приватная сделка между Трампом и Путиным, то у меня большие проблемы.

В экспрессе на обратном пути я пытался найти логическое объяснение, не связанное с Трампом и Путиным.

Единственное, что приходило в голову, — это вероятность участия Интерпола, а не беспочвенная конспирология.

В офисе я зашел на сайт Интерпола посмотреть, есть ли я в их публичном списке разыскиваемых. Меня там не было, но это было слабым утешением: Интерпол публикует только малую часть базы разыскиваемых. Большинство людей, попавших в нее, даже и не подозревают об этом, пока их не арестуют на границе и не уведут в наручниках.

Эту загадку можно было разгадать за секунду, если бы только взглянуть на полный список Интерпола, но для обычного человека это невозможно. Доступ к нему имели только правоохранительные органы.

В ходе нашего расследования пути грязных денег мы познакомились со многими полицейскими и прокурорами из разных стран. Я решил спросить у них, но ответ был один: «Билл, вы же знаете, что я не могу этого разглашать», а некоторые вообще были разочарованы тем, что я задал такой вопрос.

Я продолжал методично идти по своему списку контактов, надеясь, что не сожгу все мосты. Но это было необходимо. Наконец я дозвонился до человека, с которым встречался всего раз. Я ожидал, что ответ будет похож на остальные, но, к моему удивлению, он весело ответил: «Конечно, дайте мне минутку», как нечто само собой разумеющееся. Я услышал звуки ударов по клавиатуре, и через полминуты он вернулся.

- Да, похоже, в системе что-то есть.
- Откуда? — уже зная ответ, спросил я.
- Из России.
- Когда был сделан запрос?
- В прошлый вторник.

Это было 17 октября. Именно в этот день Сенат Канады принял закон Магнитского. Этот запрос на арест через Интерпол был прямым ответом Кремля.

С этой новостью и с вопросом, есть ли связь между проблемой с моим ЭСАП и запросом через Интерпол, я позвонил Патрику Дэвису в офис сенатора Грассли. Выяснив это у Погранично-таможенной службы США, он вернулся с подтверждением, что, действительно, система ЭСАП синхронизируется с системой Интерпола. Все, кого разыскивает Интерпол, автоматически теряют ЭСАП.

Никто в Америке меня не преследовал, и я почувствовал себя глупо еще и из-за этих мыслей о заговоре. Конечно, президент США, кем бы он ни был, не стал бы согласовывать свои действия с Путиным.

И тем не менее эта ситуация была глубоко ироничной. После убийства Сергея одной из моих главных целей в жизни стало добиться запрета на въезд в США и другие страны с верховенством закона российским коррупционерам, но вместо этого Путин с помощью Интерпола закрыл въезд в Америку мне.

К счастью, этот запрет продлился недолго. Дело получило огласку в воскресенье вечером. В журнале «Национальное обозрение» (англ. National Review) вышла статья моего друга Джея Нордлингера под заголовком «Почему Биллу Браудеру запретили въезд в Америку?». Ответ был быстрым и громким. Первой реакцией многих, как и моей изначально, было ощущение, что Америка погружается во тьму. Неужели мы теперь живем в мире, где несогласным с Путиным запрещен въезд в Штаты только потому, что Трамп стал президентом?

Утром сенаторы Маккейн и Кардин опубликовали совместный пресс-релиз от обеих партий, в котором требовали немедленно восстановить мою визу. «Работа г-на Браудера помогла очистить нашу финансовую систему от коррупционеров... Было бы прискорбно, если бы Соединенные Штаты Америки запретили ему въезд на основа-

нии решений тех же российских чиновников, против которых и был принят [закон Магнитского]».

Через два часа моя ЭСАП-виза была восстановлена Министерством внутренней безопасности.

А еще через два дня Интерпол аннулировал этот российский запрос в своей базе данных, обязав все 192 страны-участницы удалить любое упоминание обо мне из своих национальных систем.

Это поражение было унижительным для Путина, но одну систему он всё же хорошо контролировал — судебную систему России. Тверской районный суд Москвы 29 декабря 2017 года признал нас с Иваном виновными в новых «преступлениях». Ивана приговорили к восьми годам, а меня — к девяти, причем обоих заочно.

Восемнадцать лет лагерей — общий срок, предписанный мне Кремлем, если меня когда-нибудь экстрадируют в Москву.

«Данске банк»

Зима-лето 2018 года

В середине февраля мы с семьей отправились на отдых в Швейцарские Альпы на горнолыжный курорт Кран-Монтана в двух часах езды от Женевы. Мы провели там прекрасную неделю, но под ее конец нам пришлось расстаться. Супруга с детьми должна была вернуться домой в воскресенье вечером, до начала школы, а у меня возникли дела в Женеве.

В воскресенье днем я отвез всех в аэропорт, обнял и попрощался до вечера понедельника. На следующий день я выступал с речью о законе Магнитского на Саммите ООН по правам человека в Женеве.

Кампания за справедливость для Сергея Магнитского уже набрала хороший темп. Всего через месяц после принятия закона Магнитского в Канаде парламент Литвы принял свой собственный закон Магнитского, и это символично совпало с годовщиной убийства Сергея за восемь лет до того. Позже, в начале февраля 2018 года, то же самое сделала Латвия. Я был уверен, что очень скоро еще больше стран примут свои законы Магнитского.

После выступления я задержался, чтобы встретиться с политиками и активистами, и около пяти вечера отправился в аэропорт на свой рейс в Лондон.

После регистрации я заскочил в дьюти-фри за швейцарским шоколадом для детворы и отправился дальше

к будкам пограничного контроля. Мой вопрос с Интерполом был полностью решен, поэтому я не ожидал никаких неожиданностей.

Я протянул паспорт, пограничник отсканировал его и замер, щурясь на экран компьютера. Вместо того чтобы вернуть паспорт, он взял в руки телефон. Поскольку он находился за перегородкой, я не мог расслышать, что он говорит.

Я чувствовал себя неловко. Люди позади меня начали переходить к другому окошку. Включив переговорное устройство, пограничник начал задавать мне вопросы на английском языке.

— Как долго вы находитесь в Швейцарии?

— Семь дней, — ответил я.

— Что вы здесь делали?

— Мы с семьей катались на лыжах, а потом у меня были дела в ООН.

Он посмотрел за меня.

— А где ваша семья?

— Они вчера уехали домой.

— Домой в Великобританию?

— Да.

Он протянул мне лист бумаги и ручку.

— Пожалуйста, напишите ваш домашний адрес в Великобритании.

— А зачем вам это?

— Господин Браудер, здесь вопросы задаю я.

Я был в Швейцарии десятки раз, и никогда мне не задавали ни одного вопроса при выезде из страны. Мне всё это не нравилось. Какое им дело, где я живу в Англии?

И тем не менее он требовал от меня ответа. Я написал свой домашний адрес и вернул бумажку.

— Какие у вас планы на будущее?

Этот вопрос совершенно меня обескуражил. Я расплывчато ответил, что планов у меня нет. Это было прав-

дой, потому что у меня не было забронировано никаких авиабилетов. Я только умолчал о нескольких встречах в Европе, которые планировал провести в ближайшие недели.

Он отключил интерком и опять начал кому-то звонить. И снова я ничего не расслышал. В нескольких сантиметрах от меня, за стеклом, сидел представитель закона и с кем-то обо мне разговаривал. Я написал жене.

— Кажется, проблемы. Застрял в аэропорту в Женеве.

— Интерпол?

— Пока не знаю.

— Держи в курсе.

Я стоял и смотрел, как другие люди проходят пограничный контроль: сущий пустяк — протянул паспорт, его отсканировали, отдали, следующий.

Через десять минут супруга написала: «Как дела?» — «Пока никак. Всё еще здесь», — ответил я.

Наконец, через двадцать минут пограничник вернул паспорт без объяснения причин, даже не извинился за задержку.

Я позвонил Елене и сказал, что всё в порядке. Но я не чувствовал себя в безопасности, пока мы не взлетели. Я понятия не имел, почему всё это произошло, но был уверен, что это опять проделки Кремля*.

Уже тогда я начал немного опасаться путешествовать по Европе. И это была не паранойя. Как вы знаете, через три

* Я не ошибался. В конце концов мы узнали, что примерно в это же время Винценц Шнелль, высокопоставленный сотрудник федеральной полиции Швейцарии, расследовавший отмывание российских денег, связанных с делом Магнитского, был уличен в тайном и несанкционированном визите в Москву, где встречался ни с кем иным, а с Натальей Весельницкой. Позже также выяснилось, что, пока Шнелль активно саботировал швейцарское расследование дела Магнитского, он несколько раз ездил на ВИП-охоту в Россию, которую оплачивал один из российских олигархов. В итоге Шнелль был уволен со службы и осужден швейцарским судом.

месяца, утром 30 мая 2018 года, я был арестован в Мадриде в гостинице «Гран-Хотел-Инглес» по российскому запросу в Интерпол.

Мне так и не удалось выяснить, как это могло случиться, но по горячим следам Интерпол заявил, что испанцы действовали по старому российскому запросу, выписанному сразу после принятия закона Магнитского в Канаде, и проигнорировали указание Интерпола удалить мое имя из своей национальной системы.

Испанцы тогда опровергли это, заявив, что действовали на основании совершенно нового запроса. Поскольку мой арест в Мадриде последовал вслед за Женевой, я больше верил испанцам, а не Интерполу. Эту уверенность усиливал и странный твит Интерпола (@Interpol_HQ), опубликованный ими вскоре после моего освобождения: «Нет и никогда не было красного циркуляра в отношении Билла Браудера. Г-н Браудер не разыскивается по каналам Интерпола». Мягко говоря, это было лицемерием. К тому моменту Россия уже разместила множество запросов по каналам Интерпола.

Кремль не смог оправиться от мадридского унижения, и вскоре после моего освобождения генеральный прокурор Юрий Чайка публично заявил: «В ближайшее время более мощные ходы на международной арене будут сделаны со стороны РФ. Мы спать спокойно Браудеру не дадим».

Это был тревожный сигнал, но я не мог позволить Чайке запугать меня. Через неделю после моего несостоявшегося ареста в Мадриде мы с Вадимом отправились в Копенгаген на встречу с двумя отважными журналистами, Евой Юнг и Майклом Лундом из известного датского издания, «Берлингске» (дат. Berlingske).

Используя большую утечку данных, известную как «Российский ландромат» («Российская прачечная»), Ева и Майкл выяснили, что в крупнейшем банке Дании, «Дан-

ске банк», масштабное отмывание денег было поставлено на поток на протяжении как минимум десяти лет. Как и другие утечки в этой истории, эта была раскрыта Центром исследования коррупции, той самой НКО, которая первоначально предоставила нам молдовский файл. За предыдущий год Ева и Майкл написали более 70 статей об этом банке. В них рассказывалось о целом ряде подозрительных платежей и о многочисленных схемах, в которых участвовали персонажи разного калибра: высшие руководители Азербайджана, коррумпированные западноевропейские политики, российский торговец оружием, иранские компании, находящиеся под санкциями, двоюродный брат Путина и другие.

Их публичные разоблачения вынудили «Данске банк» провести проверку своей деятельности. Осенью 2017 года председатель правления и глава банка Томас Борген объявил о проведении полного аудита независимыми юристами и аудиторами. Ко времени нашей встречи с Евой и Майклом результаты этой проверки еще не были известны.

Я хотел встретиться с Евой и Майклом, потому что мы и сами пришли к неутешительным выводам о деятельности этого банка. С помощью данных, полученных от французских прокуроров, из молдовского файла и других источников, Вадим обнаружил 43 112 переводов на сумму 200 миллионов долларов, связанных с аферой на 230 миллионов, которые были отмыты через счета 20 подставных фирм только в одном эстонском филиале «Данске банк» в Таллине.

Нам не удалось заставить правоохранительные органы Дании расследовать эти операции, и мы надеялись, что наше общение с журналистами и их публикации смогут подтолкнуть власти. 5 июня мы с Вадимом прибыли в Копенгаген и отправились в бурлящий офис Евы и Майкла

в современном здании в самом центре города. «Берлингске» — одна из старейших газет Скандинавии, ее первый выпуск увидел свет 3 января 1749 года, и у нее очень долгая история непрерывного издания.

В вестибюле нас уже ждала Ева, блондинка лет тридцати. Она проводила нас в аскетичную комнату с мебелью как из ИКЕА и познакомила всех с Майклом, высоким шатеном с белозубой улыбкой. Майкл любезно пододвинул для нее стул.

Вадим взялся за дело. Он развернул и расстелил на столе массивный ватман со сложной схемой движения денег из российского казначейства через ряд подставных компаний в разных странах в эстонский филиал «Данске банк» и далее. Мастерски ведя пальцем по этой паутине, он сорок пять минут рассказывал все детали и отвечал на вопросы.

— А вы можете поделиться этой схемой с нами? — спросила Ева в конце встречи, пока Вадим аккуратно сворачивал свой свиток с проводками.

— Мы хотим сопоставить их с нашими данными, — добавил Майкл.

— С удовольствием, будем только рады, если вы это сделаете, — ответил я.

Вернувшись в Лондон, Вадим собрал все 43 112 переводов этих 20 фирм, запаковал их в зашифрованное сообщение и отправил ребятам из «Берлингске». Среди них были очень звучные названия для отмывочных компаний — «Даймондс форева интернэшнл» («Бриллианты навсегда интернэшнл»), «Эверфронт сайлс» («Вечность на продажу») и «Каслфронт» («Фасад замка»).

Мы не знали, вернутся ли к нам журналисты, но через пять дней Вадим получил от Майкла сообщение, что их данные подтверждают найденные нами 200 миллионов долларов; помимо этого они обнаружили подозрительных

переводов еще на 8,3 миллиарда долларов, поступивших из России и других бывших советских республик на счета этих же 20 фирм в период с 2007 по 2015 год. Это было гораздо больше, чем мы могли себе представить. Это был третий по величине скандал по отмыванию грязных денег в Европе.

Статья в «Берлингске» вышла 3 июля 2018 года. Она не только произвела эффект разорвавшейся бомбы в Дании, но и вышла на международный уровень. До этого интерес к скандалу с «Данске банк» ограничивался пределами Скандинавии. Но теперь он стал поистине глобальным.

Это усилило давление на «Данске банк» и его аудиторов. Здесь уже было не сугубо корпоративное дело, а вопрос национального значения, имеющий далекоидущие последствия.

Дания имеет репутацию безупречно честного государства и находится на втором месте после Новой Зеландии в ежегодном публикуемом индексе коррупции «Трансперенси Интернэшнл». Если страна хочет сохранить лицо, то «Данске банк» не должен ничего скрывать.

Но не только датчане были обеспокоены. Статья Евы и Майкла вскрыла схему одного из потоков грязных денег из России. Я был уверен, что со временем это разоблачение поможет раскрыть еще большее количество преступлений путинского режима.

Но я ждал и ответной реакции от Кремля. Тогда я не знал, как скоро и в какой форме она последует.

«Потрясающее предложение»

Лето 2018 года

Спустя три дня после публикации в «Берлингске» мне пришел имейл на ломаном английском языке. «Пишу вам, чтобы предупредить о заговоре со стороны российских спецслужб, который может произойти в ближайшем будущем. Я получил информацию, что вы — их мишень».

Трудно было оценить достоверность этого послания, так как его автор — бывший офицер российской разведки, живущий в Великобритании, — имел репутацию человека, склонного верить в заговоры, покушения темных сил и другие проделки Кремля. Тем не менее он был трезв в своих оценках. «Это совет профессионала, — писал он, — которым вы, конечно, можете пренебречь, но, пожалуйста, будьте осторожны и усильте меры безопасности».

Сначала я не воспринял это всерьез. Я получаю много подобных сообщений, и это послание не вызывало у меня особого доверия. Однако недавние события немного напрягали. 4 марта 2018 года Кремль подослал двух убийц в Солсбери (Англия), чтобы свести счеты с бывшим сотрудником российской разведки, а на самом деле двойным агентом, работавшим на британцев, — Сергеем Скрипалем. Убийцы использовали запрещенное военное нервно-паралитическое вещество российского происхождения — «Новичок». И хотя им не удалось убить Скрипаля, он и его взрослая дочь Юлия были отравлены и на-

ходились при смерти. По трагической случайности, двое местных жителей и офицер полиции подверглись воздействию этого же вещества. Одна из них, Доун Стерджесс, позже скончалась. Ей было 44 года.

Это организованное Кремлем на британской земле убийство еще раз демонстрировало, насколько нагло и безбоязненно Путин действует на Западе.

Именно из-за этого случая я не мог с улыбкой проигнорировать это предупреждение и переправил его в СО15 (англ. SO15) — управление по борьбе с терроризмом, которое, оценив риски, открыло собственное расследование. В прошлом это управление безучастно взидало на наши проблемы, но покушение на Скрипалей и его последствия заставили их по-новому осмыслить суровую реальность российских угроз. Я был уверен, что сейчас СО15 отнесется к этому предупреждению серьезно.

На следующий день мы с семьей уезжали в Аспен на летние каникулы.

Неважно, была ли доля правды в этом предупреждении или нет, нас защищали сами происходящие в мире события. Мы приехали в Америку за неделю до первого саммита Трампа и Путина, который был запланирован на 16 июля в Хельсинки. Вряд ли Кремль пошел бы на громкое политическое убийство на территории США накануне такой важной встречи двух глав государств.

Тогда все только и говорили, что о саммите. И хотя это звучало немного безумно, но я не мог отделаться от мысли, что ваш покорный слуга станет их темой обсуждения.

Я понимаю, что это звучит заносчиво, но, лежа в постели в ночь нашего приезда в Колорадо, я размышлял: а может, и нет? Ведь Трамп и Путин обсуждали закон Магнитского на своей импровизированной встрече в Гамбурге на саммите Двадцатки годом ранее, а документы, недавно изъятые ФБР у Пола Манафорта, подтверждали, что

я был главной темой печально известной встречи в Башне Трампа. Первым пунктом в его блокноте стояло «Билл Браудер». Другие включали «офшор — Кипр» и «Браудер нанял Джоанну Гловер» — очевидно, он неправильно записал имя Джулианны. «Усыновление российских детей американскими семьями» было последним пунктом.

Водоворот моих мыслей не замедлялся. Я взял телефон и написал твит: «Интересно, вспомнит ли обо мне Путин в Хельсинки?»

Мой палец завис над кнопкой «твитнуть». «Твиттер» стал одной из основных платформ для ведения хроники моего конфликта с Кремлем. Но всегда лучше остыть и не давать эмоциям взять верх. Супруга крепко спала рядом. Она не раз ругала меня за то, что я сначала твитну, а потом думаю. Я решил, что всё же утро вечера мудренее.

Проснувшись около семи, я решил стереть свой ночной неотправленный твит. Конечно, они не собирались говорить обо мне. У них были более важные темы: ядерное разоружение, война в Сирии, борьба с терроризмом. Кроме того, отправь я его ночью, к утру тролли подняли бы меня на смех. Всё же правильно, что я дождался рассвета.

Этим же утром Роберт Мюллер — спецпрокурор, занимавшийся расследованием вмешательства России в президентские выборы 2016 года и возможными связями Кремля с избирательной кампанией Трампа, — сделал неожиданное заявление. Он предъявил обвинения двенадцати сотрудникам ГРУ (Главное разведывательное управление Министерства обороны России) в кибервзломе Национального комитета Демократической партии и вмешательстве в американские выборы на стороне Трампа.

Обвинительное заключение было сокрушительным. Мюллер получил доступ к секретной электронной переписке между сотрудниками российской разведки. Он так-

же обнаружил платежи в биткоинах, которые, как все думают, невозможно отследить и которые российская разведка использовала для финансирования своих операций в США. Казалось, что правительство США добьется железного судебного приговора — если, конечно, эти 12 сотрудников когда-либо предстанут перед американской Феみдой.

Что бы там ни было в повестке саммита Трампа и Путина, обвинительное заключение Мюллера теперь будет в центре внимания, независимо от неудобств для них обоих.

Это придало мне уверенности в том, что мое имя на саммите не всплывет; хотя мне жутко хотелось посмотреть на это шоу, но важнее было начинать работу над этой книгой. Я и так откладывал ее уже несколько месяцев, особенно учитывая мои весенние «приключения»: задержание в Женеве, арест в Мадриде, историю с «Данске банк» и прочее. Я настроился писать.

В восемь утра в понедельник, 16 июля, когда Трамп и Путин удалились на закрытую встречу, я расположился с ноутбуком за обеденным столом, причем специально спиной к живописному виду на горы, и приступил к работе.

Обычно детвора носится по всему дому без преград, но сегодня наша столовая — запретная зона.

Жесткие ограничения касались и меня самого: телефон экраном вниз, и чтобы ни звука! Я поклялся не переворачивать его и не проверять ни «Твиттер», ни электронную почту.

После двух часов усердной работы с результатом меньше одной страницы — писать оказалось тяжелее, чем помнилось по первой книге, — я сдался и взял в руки телефон. Уведомления переполняли экран: десятки эсэмэсок, письма, запросы в мессенджерах и социальных сетях, голосовые сообщения, пропущенные звонки и так далее.

Трамп и Путин, саммит в Хельсинки, июль 2018 года (© CHRIS MCGRATH/GETTY IMAGES NEWS/GETTY IMAGES)

Первое сообщение было такое: «Билл, ты смотришь Хельсинки??» Я листал дальше. «Это, блин, самая гребаная штука, что я когда-либо видел», — писал один из друзей. Другой писал: «Мы спрячем тебя в нашем доме в горах!»

Что, черт возьми, происходит? Я нашел самое первое сообщение о Хельсинки от журналиста «Эм-Эс-Эн-Би-Си», Али Велши, с темой письма: «Путин сейчас говорит о вас».

Черт побери!

Я отложил телефон и открыл ноутбук. Потребовалось буквально несколько секунд, чтобы найти пресс-конференцию по результатам саммита. Оба лидера стояли за одинаковыми пюпитрами на сцене, но их вид различался как небо и земля: Путин выглядел так, будто он здесь хозяин, а Трамп — хмуро, сгорбленно, совсем не по-президентски.

Я начал смотреть запись с самого начала, и момент икс наступил, когда репортер агентства «Рейтер» задал вопрос: «Президент Путин, могу я продолжить вопрос? Вы разрешите экстрадицию 12 российских граждан?»

Путин улыбнулся и уверенно кивнул, дав понять, что он понял вопрос. Он выглядел так, будто провел все выходные, готовясь к этому ответу: «Мы можем сделать еще один шаг навстречу. Мы можем допустить официальных представителей Соединенных Штатов, в том числе этой комиссии господина Мюллера, присутствовать на этих допросах. Но тогда, в этом случае, мы, безусловно, будем ставить вопрос о том, чтобы эти действия были взаимными... Что я имею в виду? Известное дело фирмы *Hermitage Capital* господина Браудера».

Я просмотрел этот момент несколько раз, чтобы убедиться, что я всё правильно понял. Получалось, что Путин, стоя рядом с президентом США, предлагал обменять меня на 12 гэрэушников!

Я ожидал реакции Трампа. Конечно, он отвергнет эту идею с порога. Но нет! «Я думаю, это потрясающее предложение», — ответил он, намекая, что готов к обмену.

Рационально я понимал всю серьезность ситуации, но эмоционально был слишком потрясен, чтобы принять ее. Это было похоже на жуткую автокатастрофу. Я знал, что травмирован, но не представлял, насколько серьезно.

Я попытался осмыслить масштаб катастрофы, но в моей голове крутилась только одна мысль — безопасно ли мне оставаться в Америке? Мое изначальное опасение, что кремлевские наемники попытаются убить меня, теперь затмил совершенно животный страх, что президент Соединенных Штатов просто передаст меня им.

Я выбежал на задний двор в поисках супруги, которая смотрела, как малыши резвятся на батуте, дотронулся до ее плеча и попросил зайти в дом. Оставив Джессику — на-

шу старшую — за старшую, мы отошли в сторонку, чтобы дети нас не слышали, и, еле контролируя себя, я прошептал: «Путин только что попросил Трампа выдать меня, и Трамп согласился».

Она взяла меня за руку, чтобы успокоить, и мы вернулись в дом, чтобы вместе пересмотреть пресс-конференцию. Нервно постукивая ногой, я ждал ее реакции. Но, просмотрев всё еще раз, я не выдержал: «Думаю, нужно уезжать прямо сейчас».

Елена задумчиво протянула: «Не думаю. Трамп, может, и сможет тебя выдать, но это не произойдет мгновенно. Сегодня весь мир хочет знать, кто такой Билл Браудер, и мне кажется, ты должен им рассказать».

Она была права. Три четверти сообщений на телефоне были от новостных медиа, которые умоляли меня выйти в эфир. Интерес к произошедшему зашкаливал даже больше, чем после разоблачения секретной встречи в Башне Трампа. Я начал отвечать на звонки, и в течение часа у меня были назначены интервью с десятками новостных программ.

Надев пиджак с галстуком, я вновь отправился в небольшую телевизионную студию Аспенского института. В подвале Центра Дёппа и Хозьера (англ. Doerr-Hosier Center), обитом черными звукоизолирующими панелями, мне предстояло провести весь день и всю ночь.

По дороге позвонил мой друг из Вашингтона, возвращающийся в высших политических кругах.

Я только успел ответить, как он сразу перешел к делу: «Билл, не знаю, где ты сейчас, но держись подальше от Штатов. Я только что разговаривал с человеком из Минюста. Он сказал, что всё идет через жопу, и никто понятия не имеет, что происходит. Он думает, что Трамп выдаст тебя».

Я не стал говорить, что уже в Америке, но поблагодарил его за заботу.

Добравшись до места, я вошел в Центр Дёрра и Хозьера, где меня встретил оператор Джейсон. Мы познакомились с ним прошлым летом, когда он помогал мне с эфиром во время разразившегося публичного скандала с тайной встречей в Башне Трампа.

Всё было готово к эфиру. Фиксируя микрофон, я обратил внимание на задний фон с изображением Аспенских гор с кабинкой горнолыжного подъемника,двигающейся к вершине. Это изображение появится на экране каждого телезрителя и выдаст мое местонахождение. Я попросил Джейсона изменить картинку, и он нашел фон с нейтральной ночной новостной студией, которая могла находиться в любой точке мира.

Первое интервью было с «Си-Эн-Эн». Я попросил Джейсона трижды убедиться, что продюсер на том конце не выводит на экран никакую информацию о моем местонахождении. Тот подтвердил, что в этом включении (и во всех последующих) на экране появятся только мои имя и фамилия.

До конца дня я не слезал со стула, участвуя в эфире с «Си-Эн-Эн», «Фокс», «Эм-Эс-Эн-Би-Си», «Би-Би-Си», «Аль-Джазирой», «Си-Би-Эс», «Франсе-24», Австралийской вещательной корпорацией, «Скай Ньюс», «Дойче Велле» и так далее до бесконечности.

Я объяснял, что Путин ненавидит меня из-за закона Магнитского, который ставит под угрозу его власть и состояние. И в случае, если меня ему выдадут, я немедленно окажусь в российских казематах, где меня будут пытаться и в конце концов убьют так же, как убили Сергея. Я был совершенно уверен в этом. В чем я не был уверен, так это воспользуется ли Трамп этим «потрясающим предложением», и если да, то достаточно ли сильны правовые институты Америки, чтобы ему противостоять.

Всё, что я мог, так это держаться храбрее и объяснять: «Америка — это страна с верховенством закона, и я не думаю, что он может меня выдать». Но, к сожалению, сам я не был в этом так уверен.

В тот момент я, как и многие, пытался осознать, как всё внезапно изменилось и почему то, что было немыслимо вообразить, становится новой реальностью. В эпоху Трампа понять, во что верить, становилось всё труднее и труднее.

40

98 : 0

Лето 2018 года

В тот день я вернулся домой очень поздно, выжатый как лимон. Предыдущие двенадцать часов я практически не вылезал из эфира, повторяя свою историю миллионам зрителей по всему миру, при этом сохраняя самообладание и пряча страх перед возможным сотрудничеством Трампа с Путиным по вопросу моей выдачи в Россию.

Супруга заботливо оставила еду на кухонном столе. Опустившись на стул и сняв пищевую пленку с тарелки, я жадно, но с удовольствием проглотил остатки, а потом рухнул в постель и заснул как убитый.

В 6:30 утра Елена тихонько растолкала меня и протянула мне лист бумаги. «Милый, посмотри на это!» Оказалось, что она проснулась еще до рассвета и просмотрела российские новости. В то утро российская Генеральная прокуратура опубликовала свой список из одиннадцати человек, которых она хотела заполучить из Штатов в обмен на 12 гэрэушников. В Кремле любят симметрию в таких вопросах. Америка хочет 12, значит, и Россия хочет 12.

Полулежа, я взял распечатку. Кремль хотел заполучить Майкла Макфола, бывшего посла США в России; моего друга Кайла Паркера, человека, который написал закон Магнитского; специального агента Тодда Хаймана из Агентства национальной безопасности, который расследовал дело «Превезона»; специальных агентов Свет-

лану Ангерт и Александра Шварцмана, которые отвечали за охрану Гороховых в Нью-Йорке*; Джонатана Винера, юриста из Вашингтона и бывшего сотрудника Госдепартамента, предложившего первоначальную идею с законом Магнитского; Дэвида Крамера, еще одного бывшего сотрудника Госдепартамента и главу правозащитной организации «Фридом-Хаус», который выступал за принятие закона Магнитского вместе со мной и Борисом Немцовым. В списке было еще четыре фамилии, но всех объединяла причастность либо к закону Магнитского, либо к делу «Превезона».

В чем же нас обвинял Кремль? Накануне Путин заявил, что я и мои «деловые партнеры» «заработали в России более полутора миллиардов долларов, [и] не заплатили налоги», а затем, чтобы привлечь внимание Трампа, «400 миллионов долларов направили на избирательную кампанию госпожи Клинтон».** Далее говорилось: «У нас есть основания полагать, что некоторые сотрудники спецслужб Соединенных Штатов сопровождали эти незаконные сделки». Путин обвинил посла Макфола, Кайла Паркера, специального агента Хаймана и всех остальных в этом списке в том, что они были частью моих «противоправных действий на территории Российской Федерации». Это была классическая кремлевская разводка. Не мы были жертвами, а они. Не они были преступниками, а мы. Вместо ОПГ Дмитрия Ключева, в которую входили коррумпированные российские чиновники, укравшие и отмывшие огромную сумму денег, оказывается, существовала «ОПГ Билла

* Возможно, желая выставить этих агентов более похожими на шпионов, Генпрокуратура ошибочно утверждала в своих официальных заявлениях, что специальные агенты Ангерт, Шварцман и Хайман работали на Агентство национальной безопасности, а не на Министерство внутренней безопасности.

** Это был абсурд, и даже в Кремле, похоже, это понимали. На следующий день Генпрокуратура тихо уменьшила цифру с 400 миллионов до 400 тысяч долларов, что тоже ложь. Реальная сумма — ноль.

Браудера», в которую входили коррумпированные американские чиновники, укравшие ее.

Мы с супругой переглянулись и расхохотались. Путин снова перегнул палку.

Одно дело — преследовать меня, причем английско-го подданного. Это было неприятно, но, в конечном счете, кто я такой? Но совсем другое дело — требовать выдачи бывшего посла США, сотрудника Конгресса и рядовых служащих Министерства национальной безопасности. Если Трамп пойдет навстречу этим требованиям Путина, то это создаст катастрофический прецедент — не только из-за полной капитуляции перед Кремлем, но и из-за невозможности дальнейшего привлечения людей на службу в госорганы США. Кто захочет работать на государство, которое в любой момент выдаст вас враждебной державе только за то, что вы делали свою работу?

Трампу следовало еще в Хельсинки отказать Путину, но даже если допустить, что он не понимал, что происходит (что, несомненно, не так, поскольку годом ранее он помог сыну написать заявление, в котором причиной его встречи с россиянами в своей Башне называл «усыновление»), его советники должны были сразу детально разъяснить ситуацию, в которой он оказался. Но вот прошли почти сутки, а из Белого дома — гробовое молчание.

Окончательно проснувшись, я позавтракал хлопьями с молоком и позвонил Майклу Макфолу. Я знал Майка практически с того дня, когда впервые приехал в Россию в 1992 году, и считал его своим другом. До назначения его послом США в России он служил у Обамы советником по национальной безопасности по России и был важным союзником в администрации в принятии закона Магнитского.

Майк только вернулся в Сан-Франциско из Хельсинки, где присутствовал в качестве комментатора саммита

от телекомпании «Эн-Би-Си». Как и я, он узнал про путинский список, когда включил телефон и обнаружил несметное количество сообщений.

— Как ты думаешь, есть риск, что это действительно произойдет? — спросил я.

— Нет, но мой адвокат считает, что я должен действовать, а не уповать на случай. Я уже на связи с людьми в администрации, чтобы убедиться в этом.

— Мне жаль, что тебя втянули в это дело, Майк.

— Это не твоя вина, а Путина. — Он сделал паузу. — Я всегда знал, что он ненавидит тебя, Билл, но понятия не имел, что так сильно.

Закончив разговор, я собрался и поехал обратно в Центр Дёрра и Хозьера на очередной день эфира. В этот раз я захватил с собой своего старшего сына Дэвида. Он приехал к нам погостить из Калифорнии и был страшно обеспокоен происходящим. Он не смог бы защитить меня, если бы власти пришли за мной, но сделал бы всё, чтобы все нужные люди узнали об этом. В последний раз, когда мы с Дэвидом столкнулись с проблемами в институте Аспена, он был еще подростком, но теперь это был взрослый 22-летний мужчина. Рядом с ним мне всегда было намного легче.

Уверенности придавал и открывающийся Аспенский форум по безопасности — международная конференция, собравшая видных деятелей истеблишмента по нацбезопасности и, естественно, огромное количество журналистов. Поэтому, если что-то и произойдет со мной, это будет происходить в прямом эфире, и свидетелями станут важные люди в правительстве.

В то утро в Институте царила суматоха. За ночь на главной лужайке был разбит огромный белый тент, установлены столы и диваны, небольшой бар и стойки, где участники могли получить свои бейджи. Организаторы даже позаботились о барбекю из молочного поросенка.

Мы с сыном прошли в нашу подвальную студию. Дэвид познакомился с Джейсоном и плюхнулся на диван смотреть мои интервью на айфоне, а я начал готовиться к эфиру в звуконепроницаемом аквариуме.

После первого интервью с «Эм-Эс-Эн-Би-Си» Дэвид с нескрываемым беспокойством заглянул ко мне в аквариум и спросил:

— Я войду?

— Конечно, — ответил я. — Что случилось?

Он показал нам с Джейсоном на айфоне скриншот из моего эфира. Я был запечатлен на фоне нейтральной новостной студии, но внизу красовался субтитр: «Билл Браундер, Аспен, Колорадо».

В суматохе, связанной с организацией второго дня интервью, мы с Джейсоном совсем забыли предупредить очередного продюсера «Эм-Эс-Эн-Би-Си», чтобы он не раскрывал моего местонахождения.

Поскольку я живу в Великобритании, предполагалось, что я даю интервью из Лондона, и так как власти США не могут ничего сделать на территории Великобритании, то и сама «сделка» Трампа с Путиным оставалась мутной. Но теперь все узнали, что я в Америке, а на своей территории они могли делать всё что угодно.

Моей первой мыслью было сорвать чертов микрофон и помчаться в аэропорт. Но через несколько минут я успокоился. Для моего ареста Трамп должен официально запросить генерального прокурора Джеффа Сешнса. Тот должен выписать ордер прокурору штата Колорадо. Последний должен придумать убедительное юридическое обоснование для моего ареста в отсутствие договора об экстрадиции между США и Россией. На всё ушло бы время, поэтому я решил остаться и продолжить.

После очередного интервью мы прервались на обед. В баре взяли по сэндвичу со свининой и сели на лужайке

в тени под тентом. Во время перекуса к нам подошли несколько гостей конференции. Те, кто знал меня, выражали беспокойство о моей безопасности. Те, кто не знал, глазели, как будто меня вели на эшафот.

После обеда мой эфир продолжился, но и Майкл Макфол не отставал, присоединившись к борьбе. Он возмущался больше моего. Будучи послом в Москве, он сам и его семья подвергались нападкам, слежке, но всё же он никогда не был объектом фиктивных уголовных дел со стороны российского правительства. Теперь это произошло, и он ожидал жесткого отпора Путину со стороны официального Вашингтона как чего-то само собой разумеющегося. Но Вашингтон продолжал молчать, и это шокировало.

Следующим утром, перед тем как вернуться в институт Аспена, я позвонил Майку, чтобы узнать, что слышно из Вашингтона.

«Я разговаривал с сотрудниками из Совета национальной безопасности, Госдепа и Минюста. Все они очень благосклонно настроены и потрясены не меньше нас, но ни один не сказал, что этого точно не произойдет. Все же понимают, что в Белом доме сидит безумец».

Уже третий день подряд я выходил в эфир из студии института. Уровень интереса не ослабевал. «Потрясающее предложение» Путина по-прежнему было в центре внимания всех новостных каналов, а Белый дом продолжал молчать.

В начале дня я готовился к пятому за три дня интервью с «Фокс Ньюс». «Фокс», как известно, топил за Трампа, но в данном случае они были растеряны и возмущены не меньше нашего. На удивление, они были согласны с «Си-Эн-Эн» и даже со своим противником, «Эм-Эс-Эн-Би-Си». За несколько секунд до моего выхода в эфир новостной продюсер «Фокса» сказал мне в наушник: «Билл, мы должны переключиться на прямой брифинг Белого

дома. Пожалуйста, оставайтесь на связи, и мы выведем вас в эфир после этого включения».

«Конечно», — ответил я.

Фокс переключился на брифинг, который шел полным ходом. И хотя я не видел картинку, я слышал, что происходит. Сара Хакаби Сандерс, пресс-секретарь Трампа, только что начала отвечать на вопросы журналистов.

Спустя минуту журналистка из «Нью-Йорк Таймс» Мэгги Хаберман выпалила свой вопрос: «Российские власти вчера озвучили список имен американских граждан, которых они хотят допросить и которые, по их мнению, причастны, цитирую, к „преступлениям“ Билла Браудера, включая бывшего посла в России Майкла Макфола. Поддерживает ли эту идею президент Трамп? И позволит ли он провести допрос американских должностных лиц России?»

Все замерли в ожидании ответа.

Пресс-секретарь Сандерс не дрогнула: «Президент встречается со своей командой. Мы сообщим, когда у нас будет что сказать по этому поводу». По ее словам, Трамп «сказал, что это интересная идея... и он хочет поработать со своей командой и найти основание, которое было бы полезно для процесса».

Что за хрень? Они всё еще думают об этом?!

Я почувствовал, что земля снова уходит у меня из-под ног. Все разумные люди в окружении Трампа наверняка уже сказали ему, что это безумная идея, а он всё еще размышлял.

Когда пресс-конференция закончилась, «Фокс» вернулся ко мне с вопросом о том, что я думаю о таких новостях. Я очень старался не скатиться до оскорблений Трампа — не хотел давать ему дополнительный стимул для моей депортации в Россию, — но было трудно сдерживать эмоции, и меня понесло.

К счастью, все в Вашингтоне были согласны со мной. Госдепартамент незамедлительно вышел в эфир с собственной пресс-конференцией, и на вопрос журналиста, почему эта идея всё еще рассматривается, пресс-секретарь Хизер Науэрт ответила: «Я не могу отвечать за Белый дом». Это была довольно смелая формулировка для сотрудника Госдепартамента, поскольку он является частью администрации Белого дома. «Но я могу сказать, что все утверждения российского правительства по этому поводу — полный абсурд».

Чуть позже конгрессмен Адам Шифф, член Комитета по разведке Палаты представителей, высказал свое мнение в «Твиттере»: «Не нужно никаких „консультаций“, чтобы ясно дать понять, что США никогда не пойдут навстречу Путину в его крестовом походе против Билла Браудера или бывших американских госслужащих, таких как посол Макфол».

Затем сенатор-республиканец от штата Миссисипи Роджер Уикер, один из изначальных сторонников закона Магнитского, написал в официальном заявлении: «Белый дом должен ясно дать понять, что правительство США ни при каких обстоятельствах не передаст бывшего посла США в России Майкла Макфола, руководителя аппарата Хельсинкской комиссии Кайла Паркера* или любого другого американского чиновника для допроса враждебной иностранной державой. Президент Трамп также должен решительно выступить против предложения Путина допросить британского подданного Билла Браудера, который самоотверженно привлек международное внимание к убийству Сергея Магнитского. Соединенные Штаты не встанут на путь предательства борцов с агрессией и преступлениями путинского режима».

* После драмы с Рорабахером в Комитете по иностранным делам Палаты представителей Кайл перешел на работу в Хельсинкскую комиссию США.

Подобные мнения высказывали многие в Вашингтоне. Волна возмущения захлестывала, и Сенат моментально вынес на голосование резолюцию, запрещающую Трампу соглашаться на *«потрясающее предложение»* Путина.

В администрации президента чувствовали, что это цунами вот-вот снесет их, и за час до голосования Белый дом пошел на попятную. Пресс-секретарь Сандерс заявила: «Хотя предложение президента Путина было искренним, президент Трамп не может на него согласиться».

Это была не та форма отпора, которой ожидали от Белого дома. Она больше смахивала на расшаркивания Трампа перед Путиным и пожимание плечами, мол, извини, старик, я пытался, но мне не разрешили.

И в 14:42 пополудни Сенат проголосовал за принятие резолюции. 98 голосов — «за» и 0 — «против».

Кремль никого не получит.

234 миллиарда долларов

Двенадцатью годами раньше, поздним вечером 13 сентября 2006 года, Андрей Козлов, 41-летний председатель Центрального банка России и один из немногих честных российских чиновников, отыграв футбольный матч с коллегами на стадионе «Спартак» в Москве, подходил к своей машине на парковке. В этот момент к нему и его водителю подошли двое и открыли огонь. Водитель погиб мгновенно. Андрей получил множественные ранения в грудь, живот и голову. Врачи скорой помощи доставили его в московскую больницу № 33, где он скончался на операционном столе. У него остались жена и трое маленьких детей.

За три месяца до покушения Андрей ездил в Таллин на встречу с главным финансовым регулятором Эстонии. Он выявил крупную схему по отмыванию и выводу денег из России через эстонский филиал финского «Сампо банк» и обратился за помощью к коллегам в Таллине, чтобы пресечь эти преступные операции. Эстонцы выслушали его, но делать ничего не стали. Отмывание и вывод денег продолжились.

Через пять месяцев после убийства Андрея «Сампо банк» был поглощен более крупным датским банком — «Данске банк».

Да, это был тот самый филиал того же банка, который в итоге отмыл 200 миллионов долларов, связанных с де-

лом Магнитского, и еще 8,3 миллиарда долларов, которые разоблачат в своих репортажах Ева и Майкл.

Вскоре после окончания саммита в Хельсинки, в сентябре 2018 года, «Данске банк» опубликовал результаты проведенного полного аудита. В нем был указан весь объем грязных денег, прокачанных Россией и бывшими республиками Советского Союза через этот эстонский филиал в течение 10 лет.

234 миллиарда долларов!

Именно так — 234 миллиарда. Это было в 28 раз больше того, что нашли журналисты «Берлингске», и более чем в тысячу раз больше тех 200 миллионов долларов, которые нашли мы.

«Данске банк» заходил ходуном. В период с 2017 года, когда Ева и Майкл начали расследовать их деятельность, по 2019 год, спустя год после аудита, «Данске банк» потерял 65% своей рыночной стоимости; его генеральный директор Томас Борген вместе с большей частью высшего руководства был вынужден уйти в отставку*; следственные органы Дании наконец-то начали уголовное расследование.

Будучи под следствием, Айвар Рехе, бывший глава эстонского филиала «Данске банк», свел счета с жизнью у себя дома в Таллине.

В последующие месяцы журналистские расследования выявили еще два банка, причастных к отмыванию российских денег, оба из Швеции. Один — «Скандинависка Эншильда баанкен» (СЭБ) — предположительно отмыл 28 миллиардов долларов, а другой — «Сведбанк» — совершил множество подозрительных операций на сумму

* Любые заявления высшего руководства банка о том, что они ничего не знали, можно смело игнорировать. Журналисты выяснили, что доходность капитала эстонского филиала «Данске банк» составляла 402%, или 6,9% от доходности всего банка.

в 42 миллиарда долларов. После появления этих журналистских расследований Вадим подтвердил с помощью наших баз данных, что 18 миллионов долларов, связанные с аферой на 230 миллионов долларов по делу Магнитского, прошли через этот «Сведбанк». Генеральный директор «Сведбанк» тоже был вынужден уйти в отставку.

И хотя сумма в 234 миллиарда долларов поражает воображение, она прошла через один-единственный филиал одного европейского банка среднего размера в одной стране.

Если бы удалось снять занавес секретности с каждого западного банка, то, по моим оценкам, сумма грязных денег, выведенных из России с момента прихода к власти Путина, составила бы 1 триллион долларов, а может быть, и гораздо больше.

На протяжении многих лет я рассказывал о масштабах отмывания российских денег. Но результаты независимого аудита, сделанного юридической фирмой, нанятой «Данске банк», повергли в шок законодателей многих стран.

Самое главное, что эта оценка пробила брешь в стене безразличия в Европе. В течение двух месяцев после публикации результатов аудита «Данске банк» правительство Нидерландов собрало в Гааге представителей всех стран — членов ЕС для обсуждения закона Магнитского в Евросоюзе. Мое разочарование в голландском премьер-министре Марке Рютте — политике, который заблокировал закон Магнитского в 2011 году, — прошло, так как он наконец-то инициировал этот процесс.

Закон Магнитского в Евросоюзе был для Путина ночным кошмаром наяву. Из всего, что я делал, именно этого он пытался избежать любой ценой. Я уверен, что российское правительство провело необходимую лоббистскую работу против этого закона, и, чтобы уж окончательно

«подкрепить» свои аргументы, они сделали то, чего даже мы не ожидали.

19 ноября, всего за день до встречи стран-участниц Евросоюза в Гааге, Генеральная прокуратура России провела пресс-конференцию в Москве. На сцену перед большой группой западных и российских журналистов вышел заместитель Юрия Чайки. За его спиной на экране на всеобщее обозрение были выведены плохо читаемые документы.

Он объявил, что прокуратура выдвигает против меня новые уголовные обвинения. По его словам, я организовал *«транснациональную преступную группу»*, которая убила Сергея Магнитского *«с использованием диверсионных химических веществ, содержащих соединения алюминия, которые спровоцировали развитие острой сердечно-печеночной недостаточности. Таким образом была инсценирована картина естественной смерти»*.

Дальше — больше: якобы моя *«преступная группа»* по той же схеме убила еще трех человек, включая Александра Перепиличного, и у них есть *«достаточно доказательств»*, чтобы предъявить мне обвинение в этих *«самых тяжких преступлениях»*. Если меня признают виновным, то мне грозит 20 лет лишения свободы дополнительно к 18 годам, к которым я уже был приговорен заочно. Заместитель Чайки пообещал разослать новый красный циркуляр на мой арест и конфисковать мое имущество в России.

Так круг замкнулся. В течение девяти лет Кремль и лично Владимир Путин с пеной у рта *«доказывали»*, что смерть Сергея была естественной и в ней не было признаков насилия. Путин и его правительство повторяли эту мантру снова и снова, при каждом удобном случае, на каждой пресс-конференции, каждому западному правительству. Теперь, накануне принятия Евросоюзом закона Магнитского и после разоблачения одного потока из их гигант-

ского отмывочного трубопровода, российская власть заявила, что Сергея на самом деле убили, и убил его — я.

Когда мы начали расследование налоговой аферы на 230 миллионов долларов, мы и представить себе не могли, что оно приведет к таким мировым событиям, к такой безумной агонии российской власти. Почему Путину было просто не бросить нескольких мелких чиновников на растерзание за убийство Сергея? Зачем ему впервые за всю историю России судить мертвого человека? Зачем ему портить отношения с Западом из-за закона Магнитского? Зачем ему вмешиваться в западные выборы и взламывать компьютеры избирательных штабов? Зачем весь этот хаос?

Теперь мы знаем. На кону стояли не миллионы и даже не миллиарды, а, скорее, триллион долларов или даже больше. И Путин делал всё, чтобы защищать эти деньги.

Эта огромная сумма объясняет и громкие убийства таких людей, как Сергей Магнитский, Борис Немцов, Александр Перепиличный и Андрей Козлов. Она также объясняет, почему Кремль пытался убить Владимира Кара-Мурзу и Николая Грохова.

Каким бы отвратительным ни было поведение Путина и его режима, ничего из этого не могло произойти без помощи его западных пособников: таких юристов, как Джон Москоу и Марк Цимрот, таких пиарщиков, как Гленн Симпсон, таких политиков, как Дана Рорабахер, и управленцев таких финансовых учреждений, как «Данске банк». Эти люди, наряду со многими другими, — винтики механизма, который позволяет Путину и его камарилье избежать наказания за свои преступления.

Эти преступления не могли произойти и без попустительства слабых и неэффективных правительств, которые отказываются следовать своим собственным законам и заявленным ценностям. Отличный пример — Великобритания. Самая большая сумма денег от аферы на 230 мил-

лионов долларов оказалась не в Нью-Йорке, Испании, Франции или Швейцарии, а в моем родном городе — Лондоне. Эти деньги шли на покупку недвижимости и предметов роскоши, и несмотря на все доказательства, которые мы представили британским правоохранительным органам, парламенту и британской прессе, в Великобритании до сих пор не начато ни одного расследования по отмыванию денег, связанных с делом Магнитского.

Когда вы читали мою книгу, вы, возможно, подумали: «Шансы так невероятно малы, а рисков так много... Зачем всё это?»

Сначала я делал всё это потому, что был в долгу перед Сергеем. Его убили, потому что он работал на меня, и я не мог оставить это преступление безнаказанным. Так же, как и с моей украденной флейтой, но в бесконечно больших масштабах, я должен был восстановить справедливость. Именно тот случай из детства стал для меня залогом стремления к справедливости, этой неотъемлемой части меня. Справедливость словно стала вшита в мою ДНК. Отказ от этого стремления разрушил бы меня изнутри.

Затем, когда ситуация пошла на обострение, это уже стало борьбой за выживание. Не только для меня и моей семьи, но и для моих друзей и коллег, и всех тех, кто помогал делу Сергея внутри России.

Но по большому счету я делал всё это, потому что это правильно. Плохо это или хорошо, но я стал одержим этим с момента, когда Сергея не стало. Эта одержимость повлияла на все стороны моей жизни, на все мои отношения, даже на отношения с моими детьми, и не всегда в лучшую сторону.

Но эта одержимость также познакомила меня с замечательными людьми, которые изменили не только мою жизнь, но и ход истории. Некоторые из них представле-

ны на страницах этой книги: Борис Немцов, Владимир Кара-Мурза, Николай Горохов, Кайл Паркер, Пол Монте-леони, Джулианна Гловер.

Некоторые были упомянуты лишь вскользь: сенатор Джон Маккейн, сенатор Бен Кардин, сенатор Роджер Уикер, сенатор Джо Либерман, конгрессмен Джим Макговерн. Других я даже не упомянул: член парламента Канады Ирвин Котлер; заместитель премьер-министра Канады Христя Фриланд; министр иностранных дел Великобритании Доминик Рааб; члены парламента Нидерландов Съерд Съердсма и Питер Омциг; член Европарламента от Литвы Пятрас Ауштрявичюс; сенатор Австралии Кимберли Китчинг.

Это не список благодарностей, его вы найдете в конце книги, если захотите. Я просто хочу показать вам, что движение за справедливость для Сергея уже давно преодолело границу моей одержимости. Оно стало взрослым и самостоятельным, и это хорошо.

Самое главное — то, что моя одержимость породила наследие Сергея. В отличие от многих других, его насильственная смерть не канула в Лету. На момент написания этих строк законы Магнитского вступили в силу в 34 странах: США, Канаде, Великобритании, Австралии, 27 странах Европейского союза, Норвегии, Черногории и Косове, и это не считая Британских заморских территорий и островных владений британской короны: Гибралтар, о. Джерси, о. Гернси, Британские Виргинские острова и Каймановы острова. А в Новой Зеландии и Японии работа над аналогичными законопроектами уже на финишной прямой.

Более 500 физических и юридических лиц были подвергнуты санкциям на основании этих законов. В России это Дмитрий Ключев, Андрей Павлов, Павел Карпов, Артём Кузнецов, Ольга Степанова с ее мужем и еще 35 граждан,

причастных к незаконному аресту, пыткам и убийству Сергея, а также к мошенничеству с возвратом налогов на сумму в 230 миллионов долларов США*.

Но не только российские граждане попали под санкции по закону Магнитского. Под ними ходят палачи Джамалия Хашогги из Саудовской Аравии — журналиста, который был зверски убит, а затем расчленен; китайские чиновники, создавшие концентрационные лагеря для уйгуров в Синьцзяне; генералы из Мьянмы, ответственные за геноцид народа рохинджа; братья Гупта, разорившие правительство ЮАР, и сотни других людей, совершивших преступления.

На каждого человека или организацию, против которых были введены санкции, приходится тысячи других нарушителей прав человека и клептократов, которые в ужасе ждут, минует ли их чаша сия. Несомненно, закон Магнитского изменил их поведение и стал сдерживающим фактором для потенциальных убийц и воров.

Я не могу вернуть Сергея, и это бремя легло тяжким грузом на всю мою жизнь, но его жертва приобрела огромный смысл: она спасла и спасет еще многие, многие жизни.

Если в России когда-нибудь произойдут перемены в сторону настоящей демократии, то будущие россияне воздвигнут в дополнение к этим юридическим памятникам настоящий памятник настоящему герою — Сергею Магнитскому.

Пока же борьба продолжается.

* В приложении приводится полный список лиц, причастных к делу Магнитского, согласно американскому закону Магнитского.

Эпилог

«Что же произошло дальше с некоторыми из героев этой книги?» — спросите вы.

Хотя многие мерзавцы в России попали под санкции закона Магнитского, один ключевой персонаж так и не был наказан — это Наталья Весельницкая. Но вряд ли она когда-либо сможет приехать в Соединенные Штаты.

8 января 2019 года прокуратура США предъявила ей обвинения в препятствии правосудию. Ее ложь американской прокуратуре по делу «Превезона» вскрылась благодаря утечке электронной переписки с высокопоставленными российскими чиновниками. На протяжении всего судебного процесса в Америке она представлялась независимым адвокатом российского гражданина, а на самом деле всё это время работала на российское правительство. Из той же переписки выяснилось, что именно она была одним из основных авторов официального ответа российского правительства на запрос Федеральной прокуратуры Южного округа Нью-Йорка по делу «Превезона». Именно в этом документе меня и Сергея обвинили в краже 230 миллионов долларов налогов, а также отказали в предоставлении банковской информации, которую запрашивала американская прокуратура по каналам международной правовой помощи на межгосударственном уровне и в которой она остро нуждалась.

После предъявления обвинения Министерство юстиции США выписало ордер на арест Весельницкой и ее имущества в Америке.

Стоит упомянуть еще несколько персонажей.

Андрей Павлов решил поменять профессию. В конце 2019-го он оставил «частную юридическую практику» и стал чиновником, возглавив юридический департамент Агентства по страхованию вкладов (АСВ). В отличие от Запада, в России эта государственная должность является сверхприбыльной.

Подробности незаконной деятельности Марка Цимрота и юридической фирмы «Бейкер-Хостетлер» всплыли также благодаря утечке электронной переписки Весельницкой. Вскрылось, что Цимрот и «Бейкер-Хостетлер», несмотря на их дисквалификацию в деле «Превезона», продолжали оказывать юридические услуги этой фирме до самого последнего дня, когда Кацывы решили выплатить 6 миллионов долларов правительству США в рамках досудебного урегулирования. Ни Цимрот, ни «Бейкер-Хостетлер» не были наказаны за откровенное нарушение судебного решения об их дисквалификации. Марк Цимрот по-прежнему работает в «Бейкер-Хостетлер», где продолжает консультировать российских клиентов, включая Сбербанк России.

В ноябре 2018 года Джон Москоу ушел из «Бейкер-Хостетлер» и сейчас работает в юридической фирме «Льюис-Баах-Кауфман-Миддлмисс» (англ. Lewis Baach Kaufmann Middlemiss) в должности старшего юрисконсульта. По иронии судьбы, Кауфман в названии этой фирмы как раз и есть тот Адам Кауфман, бывший прокурор Нью-Йорка, которому я подал первоначальную жалобу на «Превезон». Джон Москоу продолжает читать лекции об отмывании денег и организованной преступности на Кембриджских симпозиумах.

Слева направо: Евгения Кара-Мурза, Владимир Кара-Мурза и Вадим Прохоров (© VADIM PROKHOROV)

Отработав 15 сроков в Палате представителей Конгресса США, Дана Рорабахер из калифорнийского округа Ориндж в 2018 году потерпел поражение от демократа Харли Руда. После этого он переехал в Йорк, штат Мэн, где вместе с Полом Берендсом, своим бывшим сотрудником, создал лоббистскую фирму «Р&Б Стрэтеджиз». 13 декабря 2020 года Берендс скончался в возрасте 62 лет. Причиной смерти стала тяжелая травма головы, полученная в результате падения возле своего дома в Вирджинии. Представитель Рорабахера заявил, что нет никаких оснований полагать, что смерть Берендса была насильственной и как-то связанной с Россией.

Что касается моих друзей в этой истории, то у большинства из них всё более-менее хорошо.

Николай Горохов с супругой Юлей по-прежнему живет и работает в Москве. Их дочь Диана уже стала взрослой. Николай чувствует себя довольно хорошо, но тяжелая травма головы, полученная при падении, не прошла бесследно — его зрение медленно угасает.

Владимир Кара-Мурза продолжает летать по миру, разъясняя необходимость введения санкций по закону Магнитского и добиваясь справедливости в отношении Бориса Немцова. Несмотря на отравление и мои попытки отговорить его, он по-прежнему проводит большую часть времени в России, борясь за свободу и демократию в своей стране. В начале 2017 года его снова отравили, и его вновь спас тот же врач, Денис Проценко.

В отчете за 2021 год агентство «Беллингкэт» (Bellingcat), базирующееся в Лондоне и занимающееся расследованиями при помощи анализа данных из открытых источников, выявило четырех сотрудников ФСБ, стоявших за отравлениями Владимира. Двое из них следили за ним в Казани в мае 2015-го. Они же были причастны к отравлению других российских диссидентов и оппозиционеров, включая Алексея Навального.

Вдова Сергея Магнитского Наташа и его сын Никита всегда в моих мыслях, хотя я мало упоминал о них в этой книге.

С момента гибели Сергея я поклялся не только добиться справедливости, но и заботиться о его семье. С первого дня я хотел вытащить Наташу и Никиту из России. Никитке тогда было восемь. Я знал, что оставаться там им было опасно, и чувствовал, что смогу лучше позаботиться о них, если они будут рядом с нами.

Но Наташа была полна решимости остаться. Она считала, что Никите будет лучше в России. Когда Сергея не стало, она обращалась к врачам и психотерапевтам за советом, как помочь Никитке пережить эту жуткую травму.

Все говорили одно — ребенку необходима стабильная обстановка. Но забрать Никитку и переехать в Лондон, где у них не было ни родных, ни дома, ни школы, к которой он привык, оказаться без языка в незнакомой культурной среде, было прямой противоположностью той стабильной обстановке, в которой нуждался Никита. И всё же со временем стало ясно, что ее решение остаться в России было ошибкой. Чем активнее мы разоблачали людей, стоявших за убийством Сергея и аферой с 230 миллионами долларов, тем активнее власти искали объект для мести, и, естественно, в России Наташа стала их главной мишенью.

17 августа 2011 года в дверь Наташиной квартиры позвонили. Она была на кухне, убиралась после завтрака. Никитка уже был в школе. На пороге стоял почтальон с телеграммой. Она расписалась в получении. Это была повестка из МВД России о вызове на допрос. В последнем параграфе указывалось: «В случае неявки в указанный срок [...] вы можете быть подвергнуты приводу».

Наташа рухнула на стул, нервы сдали, и ее начало трясти. Ей велели явиться на допрос по уголовному делу, возбужденному против Сергея уже после его смерти.

Узнав об этом, я снова попытался уговорить ее уехать, но тщетно. Ее травма мешала ей видеть вещи такими, какие они есть. Я не смел давить, настаивая на отъезде, и должен был дать ей время. Несмотря на все наши опасения, 26 августа 2011 года Наташа пошла в Следственный департамент МВД РФ, расположенный в центре Москвы, на углу Большой Никитской и Газетного переулка. Подойдя к зданию, она вдруг поняла, что они с Сергеем много раз проходили мимо этого дома по дороге на концерты классической музыки в консерватории.

Следственный департамент размещался в красивом бледно-желтом здании XIX века, и на нем не было никаких вывесок.

Ее адвокат уже прибыл, и вместе они вошли в здание. Дежурный офицер провел их по коридорам и узким лестницам, мимо закрытых кабинетов и складских помещений. Наконец они дошли до комнаты, где ее собирались допрашивать. Там была пара небольших столов, стоявших друг против друга. Места едва хватало для двух человек, а здесь предстояло разместиться Наташе, ее адвокату, следователю и специалисту-видеотехнику. Вдоль стены напротив замызанного окна стояли шкафы, и повсюду валялись папки. На стене висел прошлогодний календарь, и под ним в рамке Путин.

Следователем, точнее, следовательницей оказалась располневшая тетка средних лет с крашеными огненно-рыжими волосами, которая почему-то нервничала не меньше Наташи. Зачитав права, она вручила Наташе странный документ. Вместе с адвокатом они ознакомились с ним: Наташе присваивался статус «законного представителя умершего обвиняемого». Это была совершенно нелепая, выдуманная юридическая конструкция, отсутствующая в российском законодательстве. Умершие люди не могут привлекаться к ответственности, поэтому им и не нужен законный представитель. Министерство внутренних дел просто придумало это специально для Наташи.

Сидя на неудобной металлической табуретке, Наташа достала подготовленное заранее заявление и зачитала его, прежде чем тетка успела открыть рот. В нем она осудила посмертное преследование Сергея и закончила словами: *«Продолжение уголовного преследования умершего человека противозаконно, бесчеловечно и безнравственно, поскольку он не может себя защищать... Я не буду отвечать ни на один вопрос следователя».*

Тетка проигнорировала заявление и начала допрос. Для начала она потребовала назвать имена, адреса прожива-

ния, номера телефонов и другие данные всех, кто был связан или работал с Сергеем или Наташей.

Наташа смотрела на нее с каменным лицом и не произносила ни слова.

Дальше следовательница попросила Наташу признать законность ведения уголовного дела против ее мертвого мужа.

Снова тишина.

Тот же вопрос, но по-другому.

Тишина.

Видя, что кнутом не выходит, тетка решила попробовать пряником, сказав Наташе, что если та будет сотрудничать, то сможет истребовать от государства причиненный ей ущерб. Эта разводка была смехотворной еще и потому, что государство ни за что не признало бы своей вины в смерти ее мужа, не говоря уже о какой-то компенсации.

Ну и напоследок тетка прямо попросила Наташу признать Сергея виновным от своего имени в ее «новом статусе».

Именно этого они и добивались. Если бы они смогли дожать Наташу и заставить ее оговорить Сергея, то тогда, объявив его преступником, они на тарелочке с голубой каемочкой отправили бы дело в суд, и всё было бы шито-крыто! Настоящие преступники, похитившие 230 миллионов долларов из казны, будут разгуливать на свободе.

Наташа ничего не ответила.

Так она держалась все 2 часа 39 минут допроса, прежде чем тетка решила закончить.

В тот момент, когда они с адвокатом собрались уходить, следовательница подошла к одному из шкафов и, вытащив из него бумажку, положила ее перед ними на стол. Это была новая повестка, в которой Наташе предписывалось явиться на допрос 29 августа, а фраза в конце гласила: «В случае неявки в указанный срок [...] вы можете быть подвергнуты приводу».

Наташа вышла из здания, пообещав себе, что, несмотря на угрозы, она никогда не вернется сюда.

Я вновь пытался убедить ее уехать и не мог понять, почему она отказывается.

29 августа она осталась дома и ждала, когда за ней приедут менты, чтобы «подвергнуть приводу». Но этого не случилось.

В течение следующего года следователи продолжали вызывать ее на допросы, а она продолжала к ним не ходить. В общей сложности ее вызывали еще шесть раз, а в последний пригласили для ознакомления с делом, для которого отвели восемь дней кряду.

Каждый ее отказ появляться там был связан с риском «привода», и тогда ей казалось, что она больше не увидит Никитку. Всё, достаточно! Ее арест не шел ни в какое сравнение с любым стрессом для сына при переезде в Лондон.

20 сентября 2012 года Наташа и Никита приземлились в Хитроу. Теперь они были в безопасности, и мы могли окружить их заботой.

Первое, что мы сделали, — занялись поисками хорошей школы для Никиты и нашли ее в графстве Суррей (пригород Лондона). Его приняли в Хэмптон-Корт-Хаус. Затем мы сняли для них квартиру в соседнем Теддингтоне. Никитка начал учиться, а Наташа приступила к работе в нашем офисе, помогая нам с кампанией по продвижению закона Магнитского.

Начался процесс их исцеления. Он был медленным, трудным и долгим, но их психика выздоравливала, и душа не кровоточила, как в России.

Никитка рос и превращался из мальчишки в рассудительного взрослого человека. Он великолепно владел английским и в поездках в Америку и другие страны был переводчиком для мамы и бабушки на всех встречах с политиками и законодателями. Он прекрасно учился и окон-

чил школу с отличием, но главное — он стал эмпатичным, добрым и обаятельным молодым человеком, и мы им гордились.

Наблюдая за его успехами, я очень хотел, чтобы он продолжил обучение в одном из университетов Лиги плюща. Учитывая его уникальную историю и прекрасные оценки, он имел все шансы на поступление. Я думал о том, как гордился бы сыном Сергей, если бы тот окончил Гарвард или Принстон, и решил помочь Никите покорить эту вершину.

В Лондоне мы нашли лучшего консультанта по подготовке абитуриентов к поступлению в американский университет. Никита, Наташа и я регулярно встречались с ней и вникали в тонкости процесса поступления — от подачи документов, внеклассных занятий, подготовки обязательного эссе до сдачи дополнительных экзаменов и прочего, прочего, прочего.

И хотя я не был его отцом, но, как и многие родители 17-летних подростков-медалистов, я стал одержим этим процессом. Подходил срок подачи документов, и мы договорились с Иваном и Вадимом встретиться всем вместе в офисе, чтобы обсудить эссе Никиты. Все мозги нашей фирмы были собраны воедино для штурма этой новой для нас высоты.

Приехал Никита, но мне показалось, что его что-то тяготило, и перед началом нашего мозгового штурма он попросил меня выслушать его наедине.

В нашей небольшой переговорной он сказал:

— Билл, огромное спасибо вам за всё, но... мне очень важно сделать всё самому.

— Что именно?

Он сделал паузу и продолжил:

— Я не очень хочу поступать в Гарвард или Принстон.

Это было неожиданно. Я почему-то никогда не задумывался о том, хочет ли он этого.

С Никитой Магнитским и премьер-министром Канады Джастином Трюдо, сразу же после принятия канадского закона Магнитского, ноябрь 2017 года (© HERMITAGE)

— Хо-ро-шо, — еще пропуская через себя эту новость, протянул я. — А что вместо этого тогда?

— Меня интересует искусство.

— Я уверен, что ты можешь заниматься искусством и в Гарварде.

— Нет. Я уже всё изучил. Я хочу поступить в институт дизайна, иллюстрации и анимации. Именно это меня интересует по-настоящему.

И в этот момент я осознал, что вся эта история с Гарвардом и Принстоном была скорее моей хотелкой, а не его желанием. Конечно, он должен следовать своему внутреннему голосу.

Я почувствовал, что Сергей в этот момент гордился бы Никитой. Он был бы счастлив тем, что Никита не побоялся отстоять свою точку зрения и рассказать мне об этом. Я тоже был несказанно горд за него.

Выбросив свои грандиозные планы из головы, я передал инициативу в его руки, и он поступил в институт своей мечты. Осенью 2021 года Никита Магнитский начал свой первый семестр в одном из престижных колледжей по искусству и дизайну в Америке.

Я очень надеюсь, что именно этого Сергей всегда желал своему сыну.

От всего сердца

Эта книга охватывает лишь малую часть той работы, благодаря которой 34 страны приняли свой закон Магнитского и 16 стран начали расследования по отмыванию денег, связанных с аферой на 230 миллионов долларов — аферой, которую разоблачил Сергей и за которую он отдал свою жизнь. Если бы я рассказал всю историю, эта книга была бы в десять раз толще и, скорее всего, не такой захватывающей.

В нашей борьбе за справедливость нам помогала целая армия законодателей, журналистов, активистов, юристов, НКО, следователей, прокуроров, редакторов, друзей и многих, многих других неравнодушных людей. Я попытался перечислить их ниже, но намеренно исключил многих. По вполне понятным причинам я не смог упомянуть тех, кто предоставил нам конфиденциальную информацию и помощь, а именно наши источники и многих друзей. Вы знаете, что я говорю именно о вас, и знаете, что никакие слова не могут выразить всю нашу благодарность. Я также не упомянул многих журналистов и сотрудников правоохранительных органов. Я бесконечно благодарен вам за вашу работу и одновременно хочу отметить, что вы делали ее потому, что это — ваше призвание, а не потому, что вас обязывала «лояльность» ко мне или к кому-то еще.

Вы легко узнаете лишь некоторых из перечисленных, но об очень многих людях, которые годами трудились вместе с нами, вы никогда не слышали.

Я начну со страны, где я родился, — Соединенных Штатов Америки, и затем страны, которую долгое время называю домом, — Великобритании. В каждом разделе я постарался расположить всех по алфавиту [оставив ваши имена в том виде, как они звучат и пишутся на вашем родном языке — *примеч. переводчика*].

В **Соединенных Штатах Америки** я благодарю Michael Abramowitz, Karl Altau, генерального прокурора John Ashcroft, Anders Åslund, Robert Berschinski, Ellen Bork, Cindy Buhl, доктора Robert Bux, Ted Bromund, Chris Brose, сенатора Benjamin Cardin, David Crane, Charles Davidson, Patrick Davis, Lars de Gier, Sophie de Selliers, Sarah Drake, Grant Felgenhauer, Thomas Firestone, Enes Kanter Freedom, Jeffrey Gedmin, Juleanna Glover, James Goldston, Maggie Goodlander, Michael Gottlieb, Thor Halvorssen, Hans Hogrefe, Gulchehra Hoja, Nathaniel Hurd, Uri Itkin, Nils Johnson-Shelton, Robert Kagan, Robert Karem, Jonathan Karp, Гарри Каспарова, Orly Keiner, Michael Kim, David Kramer, Katrina Lantos Swett, Carolyn Leddy, Duncan Levin, сенатора Joe Lieberman, Никиту Магнитского, конгрессмена Tom Malinowski, Christopher Mangum, Paul Massaro, Randy Mastro, сенатора John McCain, Meghan McCain, посла Michael McFaul, конгрессмена Jim McGovern, Juan Méndez, Katya Migacheva, Mark Milosch, Tanya Nyberg, Spencer Oliver, Priscilla Painton, Hana Park, Kyle Parker, Julia Pettengill, Lisa Rubin, Randy Scheunemann, Stefan Schmitt, Nate Sibley, Neil Simon, Mason Simpson, Susannah Sirkin, конгрессмена Chris Smith, Kimberly Stanton, Bernie Sucher, Jordan Tama, Piero Tozzi, Fred Turner, Ed Verona, Lindsey Weiss Harris, сенатора Roger Wicker, Jonathan Winer, John Wood и Наташу Жарикову.

В **Великобритании** я благодарю баронессу Rosalind Altmann, Lord David Alton, Lisa Amos, Lord Donald Anderson, Anne Applebaum, Lord Ian Austin, Courtenay Barklem, Robert Barrington,

Lord Richard Benyon, Olga Bischof, депутата парламента Ian Blackford, депутата парламента Peter Bottomley, General Sir Adrian Bradshaw, депутата парламента Tom Brake, Sabrina Brasey, Daniel Bruce, депутата парламента Malcolm Bruce, депутата парламента Chris Bryant, депутата парламента Robert Buckland, Barbora Bukovská, Ивана Черкасова, Анну Чернову, депутата парламента Christopher Chope, Lord Timothy Clement-Jones, Lord Ray Collins, депутата парламента Claire Coutinho, Peter Dahlin, Luke de Pulford, депутата парламента Jonathan Djanogly, Anand Doobay, Антона Дреля, Mark Ellis, королевского адвоката Ben Emmerson, королевскую адвокатессу Catrin Evans, Carla Ferstman, Maya Foa, Andrew Foxall, депутата парламента Nusrat Ghani, Jamison Firestone, королевского адвоката Jonathan Fisher, королевского адвоката Edward Fitzgerald, Roger Gherson, депутата парламента Helen Goodman, Margaret Halton, Stephen Hayes, королевскую адвокатессу Henrietta Hill, Jonathan Hill, Eliot Higgins, депутата парламента Margaret Hodge, George Ireland, Bianca Jagger, Наталью Каляду, королевского адвоката Steven Kay, депутата парламента Alicia Kearns, королевского адвоката Hugo Keith, королевскую адвокатессу баронессу Helena Kennedy, Эдуарда Хайретдинова, Михаила Ходорковского, депутата парламента Stephen Kinnock, Вадима Клейнера, королевского адвоката Maya Lester, Davis Lewin, Maria Logan, Edward Lucas, Imogen MacLean, депутата парламента Denis MacShane, королевского адвоката Arthur Marriott, Ian Marshall, депутата парламента Stewart McDonald, депутата Европарламента Edward McMillan-Scott, Andy McSmith, Alan Mendoza, Neil Micklethwaite, депутата парламента Andrew Mitchell, Jasvinder Nakhwal, Jessica Ní Mhainín, James O'Brien, королевского адвоката Tim Otty, Владимира Пастухова, Alexandre Prezanti, Watson Pringle, депутата парламента Dominic Raab, Daniel Rathwell, королевского адвоката Geoffrey Robertson, Benedict Rogers, Lord Jeffrey Rooker, Jago Russell, Mark Sabah, Jürgen Schurr, депутата парламента Bob Seely, Anisha Shakya, Jason Sharman, Laura Simmonds, Rupert

Skilbeck, депутата парламента Iain Duncan Smith, Clive Stafford Smith, королевского адвоката Joe Smouha, Mark Stephens, депутата Европарламента д-ра Charles Tannock, Peter Tatchell, Sue Thackeray, Flavia Trevisani, депутата парламента Tom Tugendhat, Rebecca Vincent, Monique Villa, Patrick Walsh, королевского адвоката Antony White, Andrea Wong и Martin Woods.

Дальше страны перечислены в алфавитном порядке.

В **Австралии** я благодарю депутата парламента Kevin Andrews, депутата парламента Michael Danby, депутата парламента Andrew Hastie, депутата парламента Chris Hayes, Jordan Heng-Contaxis, сенатора Kimberley Kitching, Francis Leach, сенатора Nick McKim, сенатора Christine Milne, сенатора James Paterson, сенатора Marise Payne, сенатора Janet Rice, Tonya Stevens и сенатора Peter Whish-Wilson.

В **Австрии** я благодарю доктора Friedrich Schwank.

В **Бельгии** я благодарю Piet Blondé, Karel de Meester, Eva Palatova, Andrew Rettman, Alice Stollmeyer, Joris van Cauter и депутата Европарламента Guy Verhofstadt.

В **Бразилии** я благодарю Ricardo Miotto и Jorge Oakim.

В **Германии** я благодарю Henry Alt-Haaker, депутата Бундестара Marieluise Beck, Jaka Bizilj, депутата Бундестара Bernd Fabritius, депутата Европарламента Rebecca Harms, посла Christoph Israng, депутата Бундестара Gyde Jensen, депутата Европарламента Sergey Lagodinsky, депутата Бундестара Sabine Leutheusser-Schnarrenberger, депутата Европарламента Barbara Lochbihler, Markus Löning, депутата Бундестара Andreas Nick, депутата Бундестара Norbert Röttgen, депутата Бундестара Manuel Sarrazin, депутата Бундестара Marina Schuster, депутата Бундестара Christoph Strässer и Oliver Wallasch.

В **Дании** я благодарю депутата Фолькетинга Michael Aastrup-Jensen.

На **о. Джерси** я благодарю сенатора Philip Ozouf.

В **Ирландии** я благодарю депутата Эряхтаса Ivana Bacik, сенатора Pádraig Ó Céidigh, Jason Corcoran, Remy Farrell, депутата Эряхтаса Brendan Howlin, депутата Эряхтаса Mary Lou McDonald, депутата Эряхтаса Catherine Murphy, депутата Эряхтаса Ann Phelan, сенатора Jim Walsh и сенатора Barry Ward.

В **Испании** я благодарю Ruperto Guerra, Juan Carlos Gutiérrez, депутата Европарламента Juan Fernando López Aguilar, депутата Генеральных кортесов Fernando Maura Barandiarán, депутата Европарламента Javier Nart, депутата Европарламента José Ignacio Sánchez Amor и сенатора Jordi Xuclà.

В **Исландии** я благодарю Jonas Sigurgeirsson.

В **Италии** я благодарю Laura Harth, депутата парламента Matteo Mecacci, сенатора Roberto Rampi, депутата Европарламента David Sassoli и Antonio Stango.

В **Канаде** я благодарю депутата парламента Dean Allison, сенатора Raynell Andreychuk, депутата парламента James Bezan, Lincoln Caylor, Jonathan Cooperman, депутата парламента Irwin Cotler, Charlie Feldman, депутата парламента Chrystia Freeland, сенатора Linda Frum, депутата парламента Hedy Fry, депутата парламента Garnett Genuis, депутата парламента Peter Kent, депутата парламента Tom Kmiec, Marcus Kolga, Алексея Ковалева, депутата парламента Hélène Laverdière, депутата парламента Michael Levitt, Howard Liebman, депутата парламента John McKay, депутата парламента Rob Nicholson, депутата парламента Rob Oliphant, сенатора Ratna Omidvar, депутата парламента

Bob Rae, депутата парламента Murray Rankin, депутата парламента Andrew Scheer, Brandon Silver, депутата парламента Arif Virani и депутата парламента Borys Wrzesnewskyj.

В **Республике Кипр** я благодарю депутата парламента Christos Pourgourides.

В **Косове** я благодарю Muhamet Brajshori.

В **Латвии** я благодарю министра Janis Bordans, депутата Сейма Lolita Cigane, депутата Европарламента Sandra Kalniete и Valdis Liepiņš.

В **Литве** я благодарю депутата Сейма Vilija Aleknaite-Abramikiene, депутата Сейма Laima Andrikiene, депутата Европарламента Petras Auštrevicius, депутата Европарламента Leonidas Donskis, депутата Европарламента Andrius Kubilius, депутата Сейма Gabrielius Landsbergis, депутата Европарламента Vytautas Landsbergis MEP, депутата Сейма Žygimantas Pavilionis, Dovile Šukyte и депутата Сейма Emanuelis Zingeris.

В **Люксембурге** я благодарю депутата Собрания Anne Brasseur.

В **Молдове** я благодарю депутата парламента Igor Munteanu.

В **Нидерландах** я благодарю Leonoor Broeder, депутата парламента Coskun Çöğüz, депутата парламента Ingrid de Caluwé, депутата Европарламента Esther de Lange, депутата парламента Kathleen Ferrier, депутата парламента Pieter Omtzigt, депутата Европарламента Kati Piri, депутата Европарламента Marietje Schaake, депутата парламента Sjoerd Sjoerdsma, Göran Sluiter, депутата Европарламента Sophie in 't Veld, Barend van der Have и Barbara van Straaten.

В **Новой Зеландии** я благодарю депутатов парламента Simon O'Connor и Louisa Wall.

В **Норвегии** я благодарю Ivar Amundsen, Aage Borchgrevink, Carl Bore, Gunnar Ekeløve-Slydal, депутата Стортинга Ola Elvestuen, Bjørn Engesland, депутата Стортинга Peter Skovholt Gitmark, депутата Стортинга Knut Arild Hareide, депутата Стортинга Morten Nøglund, депутата Стортинга Trine Skei Grande и депутата Стортинга Ingjerd Schou.

В **Польше** я благодарю Adam Bodnar, Sonia Draga, депутата Европарламента Anna Fotyga, депутата Сейма Ryszard Kalisz, Pawel Osik и депутата Европарламента Radoslaw Sikorski.

В **Португалии** я благодарю депутатов Европарламента Ana Gomes и João Soares.

В **России** я благодарю Евгению Альбац, Марию Алехину, Романа Анина, Александра Антипова, Валерия Борщёва, Алексея Венедиктова, Петра Верзилова, Любовь Волкову, Марию Гессен, Николая Горохова, Сергея Гуриева, Андрея Илларионова, Владимира Кара-Мурзу, Михаила Касьянова, Юлию Латынину, Дмитрия Липкина, Наталью Магнитскую, Тамару Моршчакову, Дмитрия Муратова, Алексея Навального, Бориса Немцова, Мару Полякову, Ольгу Романову, Олега Ручку, Зою Светову, Сергея Соколова, Надежду Толоконникову, Веру Челищеву, Евгению Чирикову, Лилию Шевцову, Олесю Шмагун и Ирину Ясину.

В **Румынии** я благодарю депутата Европарламента Cristian Ghinea, депутата парламента Adrian Prisnel и Stefan Voinea.

В **Сербии** я благодарю Ivan Cvejić и Orhan Dragaš.

В **Тайване** я благодарю депутата Законодательного Юаня Wang Ting-Yu.

В **Украине** я благодарю депутата Верховной Рады Сергея Кираль, Евгения Киселева и Марину Лиличенко.

На **Филиппинах** я благодарю Maria Ressa.

В **Финляндии** я благодарю Jessikka Aro, депутата парламента Pia Kauma, Joel Kontro, Leena Majander и Henriikki Timgren.

Во **Франции** я благодарю Safya Akorri, Pauline Benay, William Bourdan, Agnès Callamard, депутата парламента Mireille Clapot, депутата Европарламента Daniel Cohn-Bendit, François Croquette, Emmanuel Daoud, сенатора André Gattolin, депутата Европарламента Raphaël Glucksmann, депутата Европарламента Eva Joly, Axelle Lemaire, Noël Mamère, Laurent Muschel, депутата парламента Delphine O, Philippe Robinet, депутата парламента Laëtitia Saint-Paul, Günter Schirmer и сенатора André Vallini.

В **Черногории** я благодарю президента Milo Đukanović.

В **Чехии** я благодарю Jakub Janda, депутата парламента Jan Lipavský и депутата Европарламента Jaromir Štětina.

В **Швеции** я благодарю депутата Риксдага Sofia Arkelsten, депутата Риксдага Walburga Habsburg Douglas, депутата Европарламента Gunnar Hökmark, депутата Риксдага Mats Johansson, Oscar Jonsson, депутата Риксдага Kerstin Lundgren, Christer Sturmark, Martina Stenstrom, депутата Риксдага Caroline Szyber, Katarina Tracz и депутата Риксдага Hans Wallmark.

В **Швейцарии** я благодарю депутата парламента Andreas Gross, Florian Irmingier, Hikmat Maleh, Markus Mohler, Hillel Neuer, Mark

Pieth, Елену Серветтаз, депутата парламента Carlo Sommaruga и Daniel Tunik.

В **Эстонии** я благодарю Marie Edala, президента Toomas Ilves Hendrik, депутата Рийгикогу Andres Herkel, Riina Kionka, премьер-министра Mart Laar, депутата Рийгикогу Silver Meikar, депутата Рийгикогу Eerik Niiles-Kross, депутата Рийгикогу Mart Nutt, депутата Европарламента Kristiina Ojuland, депутата Рийгикогу Mailis Reps и Jaanus Tehver.

В **ЮАР** я благодарю премьера Helen Zille.

В **Японии** я благодарю профессора Akira Igata и депутата парламента Shiori Yamao.

Простите меня, если я кого-то забыл или написал чье-то имя неправильно.

Как вы видите и как я уже писал, наша борьба за справедливость обрела собственную жизнь и уже не может управляться только мной и нашей небольшой командой. Для меня было честью работать с каждым из вас и называть некоторых из вас друзьями.

К сожалению, ситуация с нарушениями прав человека и клептократией в нашем мире становится всё более мрачной и может показаться безвыходной. Но я уверен, что нам с вами предстоит решать новые задачи в ближайшие дни и годы, поскольку вместе мы продолжим борьбу за справедливость и верховенство закона.

И в конце я еще раз хотел бы сказать всем вам ОГРОМНОЕ СПАСИБО.

Об авторе

БИЛЛ БРАУДЕР — основатель и генеральный директор компании Hermitage Capital Management, до 2005 года — крупнейший иностранный инвестор в России. Известность Браудеру принесла его борьба с широкомасштабной коррупцией в российских госкомпаниях.

Юрист Браудера Сергей Магнитский помог обнаружить и расследовать хищение группой российских чиновников 5,4 миллиарда рублей (230 миллионов долларов) бюджетных средств, за что поплатился жизнью.

После незаконного ареста и убийства в России Сергея Магнитского в 2009 году Билл Браудер организовал и возглавил международную кампанию по восстановлению справедливости в отношении Сергея и защите прав человека. Благодаря этой кампании в 34 странах был принят закон Магнитского и введены персональные санкции против нарушителей прав человека и клептократов.

Билл Браудер имеет степень бакалавра экономики Чикагского университета и степень магистра делового администрирования Стэнфордской бизнес-школы. Живет и работает в Лондоне.

Ссылки и юридические документы

1. Каста Неприкасаемых. Часть 1. Артем Кузнецов, июнь 2010 г.

www.youtube.com/watch?v=y0QYb2b6yR8&ab_channel=RussianUntouchables

2. Каста Неприкасаемых. Часть 2. Майор Павел Карпов, июль 2010 г.

www.youtube.com/watch?v=588NYHPQn4g&ab_channel=RussianUntouchables

3. Каста Неприкасаемых. Часть 3. Ольга Степанова и ИФНС № 28, апрель 2011 г.

www.youtube.com/watch?v=MYDJYTcgnLo&ab_channel=RussianUntouchables

4. Каста Неприкасаемых. Часть 4. ОПГ Ключева, июнь 2012 г.

www.youtube.com/watch?v=gaQP8IAITmk&t=5s&ab_channel=RussianUntouchables

5. Заявление Hermitage в швейцарскую прокуратуру против Ольги и Владлена Степановых, январь 2011 г.

www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/Hermitage-Swiss-complaint-Jan-2011.pdf

6. Видео с Дмитрием Ключевым на Парламентской ассамблее ОБСЕ, Монако, июль 2012 г.
www.youtube.com/watch?v=yowqCWu0kx0&t=6s&ab_channel=KetevanKardava
7. «В поисках украденных денег. Афера, которую раскрыл Магнитский», OCCRP, август 2012 г.
www.occrp.org/en/the-proxy-platform/following-the-magnitsky-money
8. Заявление Hermitage в прокуратуру США в отношении компании «Превезон» и Дениса Кацыва, Нью-Йорк, декабрь 2012 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/Hermitage-NY-complaint-against-Prevezon-Dec-2012.pdf
9. Иск прокуратуры Южного округа Нью-Йорка в отношении компании «Превезон», сентябрь 2013 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/SDNY-complaint-against-Preveon-Sep-US-Docket-1_13-cv-06326-No.-1-S.D.N.Y.-Sep.-10-2013.pdf
10. Судебное решение по делу «Превезона» о дисквалификации Джона Москоу и юридической фирмы «Бейкер-Хостетлер», сентябрь 2014 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/Memorandum-of-Law-to-disqualify-BH-US-Docket-1_13-cv-06326-No.-126-S.D.N.Y.-Sep.-29-2014.pdf
11. Наталья Весельницкая: пост в «Фейсбуке», октябрь 2014 г.
en-gb.facebook.com/permalink.php?id=100006242531258&story_fbid=1544392249112178

12. Секретное письмо, переданное конгрессмену Дане Рорабахеру заместителем генерального прокурора РФ Виктором Гринем, апрель 2016 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/Confidential-Grin-letter-given-to-Dana-Rohrabacher-April-2016.pdf

13. Обвинительное заключение США, предъявленное двенадцати офицерам ГРУ РФ комиссией Роберта Мюллера — спецпрокурора по расследованию вмешательства России в президентские выборы 2016 года и возможных связей Кремля с избирательной кампанией Трампа, июль 2018 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/DOJ-indictment-of-12-GRU-officers.pdf

14. Заметки Пола Манафорта со встречи в Башне Трампа, июль 2016 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/Paul-Manafort-Trump-Tower-meeting-notes-July-2016-extract.pdf

15. Обвинительное заключение США по делу Натальи Весельницкой, январь 2019 г.
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2021/11/Natalia-Veselnitskaya-DOJ-Indictment_18_cr_904_-_signed_and_stamped_redacted.pdf

16. Список россиян, связанных с делом Магнитского, против которых были введены санкции в США
www.billbrowder.com/wp-content/uploads/2022/01/Acrobat-Document.pdf

